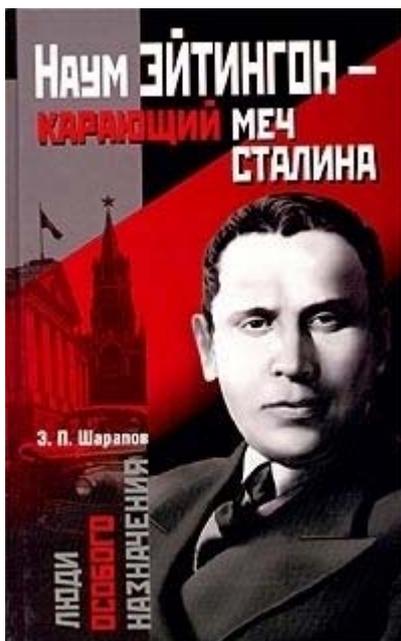

Эдуард Прокопьевич Шарапов Наум Эйтингон – карающий меч Сталина

Аннотация

О герое книги можно сказать словами из песни Владимира Высоцкого: «У меня было сорок фамилий, у меня было семь паспортов, меня семьдесят женщин любили, у меня было двести врагов. Но я не жалею». Наум Эйтингон, он же Леонид Наумов, он же Котов, он же Том, родился в маленьком белорусском городе и за свою долгую жизнь побывал почти во всей Европе, многих странах Азии и обеих Америк. Он подготовил и лично провел уникальные разведывательные и диверсионные операции против врагов Советского Союза, чаще всего — удачно, был отмечен многими наградами и генеральским званием. Китай, Турция, США. Испания, Мексика — вот только некоторые этапы боевой биографии кадрового сотрудника ВЧК-МГБ. Уцелев в заграничном подполье, он не избежал тюрьмы в родной стране. Имя Эйтингона, ранее известное только профессионалам, было раскрыто только в последнем десятилетии XX века.

Эдуард Прокопьевич Шарапов Наум Эйтингон — карающий меч Сталина

Родина героя

Стоит на Днепре город Шклов — центр одноименного района Могилевской области Республики Беларусь. До областного центра — 30 километров. Здесь расположена железнодорожная станция на линии Орша-Могилев. 15-тысячное население города работает на бумажной фабрике, в пищевой и деревообрабатывающей промышленности. Есть в Шклове памятники архитектуры — синагога XVII века, ратуша XVIII столетия, здание бумажной фабрики 1898 года постройки, костел и Преображенская церковь.

История старинного города насчитывает более десяти веков. Первые поселения выросли на речке Шкловка в X веке. К середине XVI века на месте деревень Старый Шклов и Хотимка уже существовало Шкловское графство. Шклову за свою долгую историю пришлось много пережить. В 1580 году во время Ливонской войны в один день Шклов был

сожжен дотла войсками Московского царя Ивана Васильевича. Владели Шкловскими землями тогда польские магнаты Ходкевичи. Был при них город восточным форпостом Речи Посполитой на границе с Московским царством.

К середине XVII века Шклов становится одним из крупнейших городов Белорусии, по территории и численности населения занимает седьмое место (Минск тогда был пятым). Шкловская крепость имела мощную линию укреплений, общая длина которых превышала 2,25 км. Через каждые 80 метров над городскими стенами высились 26 деревянных башен, на них стояли тяжелые мушкеты, стрелявшие крупной дробью и осколками железа.

В крепостной стене из всех бойниц были нацелены против возможных нападавших пищаля, пушки и ружья.

В августе 1654 года во время польско-русской войны Шклов был осажден армией воеводы князя Трубецкого, предложившего сдать крепость без боя. Парламентером князь избрал перешедшего на сторону русских мещанина Павлова. Подъехав к воротам, Павлов тут же был обстрелян с крепостных стен и позднее в челобитной царю Алексею Михайловичу писал, что его «счастьем не забили». После недельной осады князь-воевода приказал брать Шклов штурмом, который не увенчался удачей, и вынужден был Трубецкой доложить «тишайшему царю»:

«И в те поры шкловцы в осаде отсиделись. После того в город по хоромам из наряду и из ружья велели стрелять беспрестанно и тесноту городским людям учинили большую».

Обстрел благодаря толщине стен стоил жизни восьми горожанам. В начале сентября город был взят русскими войсками. Началась расправа — шляхтичей по царскому приказу сослали в Казань, людей попроще «неволили в полон и до Москвы отвозили». Летом 1655 года в городе со свитой находился сам царь Алексей Михайлович, но военные неудачи и восстания горожан вынудили монарха покинуть Шклов, еще более столетия оставшийся под властью польской короны. 13-летняя война России с Польшей стоила жизни половине населения Шклова, около 800 домов было разрушено.

В 1764 году владевший территорией, включавшей нынешний Шкловский, часть Горецкого и Оршанского районов, князь Адам Чарторыйский, предок и тезка будущего министра иностранных дел России при Александре I и лидера антирусской польской политэмиграции при Николае I, перенес город вверх по Днепру. Через 8 лет после первого раздела Польши город оказался в Российской империи. Екатерине II без большой войны (если не считать вооруженных столкновений русских войск, поддерживавших короля Станислава Понятовского против части шляхты, объединившейся в Барскую конфедерацию при поддержке Франции) удалось сделать то, что не сумел прадед ее покойного супруга Петра III — царь Алексей Михайлович. Еще через год, в 1773-м, императрица купила Шклов у князя Чарторыйского и подарила своему фавориту генерал-адъютанту графу Григорию Потемкину, затем ставшему светлейшим князем, генерал-фельдмаршалом и, как утверждают некоторые историки, тайным мужем бывшей принцессы Ангальт-Цербстской. Григорию Александровичу Шклов обязан шелковой мануфактурой и часовой фабрикой.

В 1788 году Шклов, успевший побывать уездным городом Могилевской губернии и местечком — центром волости Могилевского уезда, перешел, еще при жизни Потемкина, к другому любимцу императрицы — генерал-адъютанту Семену Гавриловичу Зоричу, сербу по происхождению. В отличие от Потемкина Зорич, удалившийся от столичной жизни, переехал в Шклов на постоянное место жительства.

За десять лет при Зориче были возведены в Шклове дворец, новая церковь, ратуша с торговыми рядами, кадетская школа, в которой на полном содержании за счет Семена Гавриловича получали военное образование 300 детей местных шляхтичей, и театр, построенный в 1788 году по случаю приезда императрицы, путешествовавшей в Крым. В шкловском театре драмы и балета актеры и танцоры, хор певчих и роговой оркестр состояли из крепостных крестьян, собранных и обученных по приказанию Зорича. На спектакле 23

мая 1788 года Екатерине I. были представлены «русские и французские пьесы», при этом декорации в ходе представления менялись 70 раз! При Зориче о городе стали говорить:

«Могилев, который под Шкловом».

Впрочем, не все были довольны владельцем Шклова. Местные евреи жаловались на Зорича, обвиняя его, что он, считая их «меньше, чем у хозяев слуги ... оставил без платежа один только воздух», принуждая, в частности, продавать крестьянам большое количество спиртных напитков по дорогой цене и приказывая взыскивать деньги независимо от факта продажи, «посредством экзекуции». Жалоба дошла до императора Павла I. Сын Екатерины, питавший к матери, столько лет не допускавшей его на престол, и к ее фаворитам не самые добрые чувства, послал в июне 1799 года с ревизией сенатора Гавриила Романовича Державина. Классик русской поэзии евреев недолго любил и Зорича пытался выгородить. Он сообщил императору об обвинении евреев Сенненского уезда Белорусской губернии (в нее в то время входили бывшие Могилевская и Витебская губернии) в ритуальном убийстве женщины, не доверяя на этом основании жалобам шкловских евреев. Павел I, знакомый с этим делом по записке доктора медицины Авраама Бернгарда, приказал Державину не связывать друг с другом эти дела, после чего Гавриил Романович и представил объективный доклад государю и сенату. Коллеги Державина по сенату в ноябре 1800 года постановили, по делу Зорича и аналогичным случаям, что помещик не имеет права «суда и расправы» над евреями, а должен апеллировать в «присутственные места» (сенненское дело витебским губернским судом также было решено благополучно для обвиняемых). Решение было в духе всей политики императора Павла Петровича по отношению к дворянству, того курса, который и привел к царубийству 11 марта 1801 года.

Впрочем, Зоричу было уже все равно, он умер в том же 1799 году. Через год солисты шкловского театра были переданы в балетную труппу Петербургских императорских театров. В 1801 году кадетский корпус был переведен в Гродно, а затем в Москву, где получил название Первого кадетского.

В следующие два столетия Шклов вместе с Белоруссией пережил Отечественную войну 1812 года, первую мировую, гражданскую и Великую Отечественную. В наше время в средствах массовой информации Шклов чаще всего упоминается как «политическая родина» первого белорусского президента — именно отсюда в начале 1990-х начал свой поход в мировую политику Александр Григорьевич Лукашенко.

Вернемся теперь на сто лет назад, в начало прошедшего века. В то время в уездном городе Могилевской губернии числилось более 10 тыс. жителей. Шклов входил в черту оседлости, и евреев там было больше половины населения, среди них и Эйтингоны.

Начало

24 ноября (6 декабря по новому стилю) 1899 года в семье конторщика шкловской бумажной фабрики Исаака Эйтингона родился первый ребенок — сын Наум. Произошло это событие в Могилеве, но детство Наума прошло в Шклове. Семья была небогатой, хотя родственники Наума по отцовской линии были купцами. Один из Эйтингонов, учитель, в местных краях был известен тем, что в 1812 году, будучи проводником солдат Наполеона, завел их в непроходимые места, повторив легендарный подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина и его печальную судьбу — французы повесили русского патриота на дубе. Вообще эта история довольно типична для событий войны 1812 года. Содействие еврейского населения русской армии (в частности, и в разведывательной деятельности) отмечали знаменитый партизан и поэт Денис Давыдов (в своих «Военных записках») и великий князь, будущий император, Николай I, записавший в дневнике:

«Удивительно, что они [евреи] в 1812 отменно верны нам были и даже

помогали, где только могли, с опасностью для жизни».

Эйтингоны помнили о своем предке.

После смерти Исаака Эйтингона в 1912 году семья перебралась в губернский центр Могилев. Вдова осталась с четырьмя детьми — двумя мальчиками и двумя девочками. Семью кормил дед — частный поверенный. Вскоре он умер, и, как говорил позднее сам Наум Эйтингон, «детство мое прекратилось». Старшему ребенку в семье, ему самому пришлось зарабатывать — частными уроками и перепиской различных бумаг. Затем поступил в Могилевское коммерческое училище, одновременно участвуя в литературном кружке. Там он впервые познакомился с революционной литературой.

Февральскую революцию 1917 года Наум Эйтингон встретил в Могилеве. Тогда же он уходит из 7-го класса коммерческого училища и начинает работать инструктором отдела статистики городской управы, также и в отделе по выборам в Учредительное собрание. В мае 1917 года юноша вступает в партию социалистов-революционеров, став, таким образом, одним из так называемых «мартовских эсеров» (после Февраля эсеры стали самой массовой партией, их численность достигала одного млн человек). Но уже в августе Эйтингон вышел из этой партии. Идеология и политика эсеров, а следственно, и Временного правительства, в состав которого эсеры входили с мая и поддерживали войну до победного конца, не понравились Эйтингону. Впоследствии он никогда не скрывал свое недолгое пребывание в партии эсеров.

Будучи единственным кормильцем матери, брата и сестер, осенью 1917 года, после Октябрьской революции, когда была распущена городская управа (и вместе с ней, соответственно, отдел статистики), Эйтингон служит в отделе по пенсиям семьям убитых на войне Могилевского совета. 5 марта 1918 года, после Брестского мира, Могилев был оккупирован немецкими войсками. Совет был разогнан оккупантами. Эйтингон стал рабочим на бетонном заводе, а в конце лета 1918 года — кладовщиком на том же заводе.

В ноябре 1918 года, после Ноябрьской революции в Германии и ухода немецкой армии с оккупированных территорий, в Могилеве, освобожденном в ноябре 1918 года частями Западной армии (под командованием бывшего царского генерала и востоковеда Андрея Евгеньевича Снесарева), была восстановлена Советская власть.

Зимой 1918–1919 годов Эйтингона в составе группы членов профсоюза строительных рабочих направили на работу в губернский продовольственный комитет делопроизводителем 2-го разряда и инструктором по товарообмену. Он занимался организацией продразверстки, вместе с продотрядом ездил по губернии, участвовал и в подавлении различных антибольшевистских выступлений. Вернувшись в Могилев, был переведен на работу по кооперации в Губпродукт.

В апреле 1919 года Эйтингон, видимо, хорошо себя проявивший, был откомандирован в Москву для учебы на курсах при Всероссийском совете рабочей кооперации. На курсах преподавали председатель Всероссийского совета рабочей кооперации Виктор Ногин, Иван Скворцов-Степанов и другие известные большевики, работавшие тогда в кооперации. Эйтингон изучал теорию марксизма и другие общественные науки. По его позднему признанию, эти курсы ему «дали очень много». Как хорошего студента после окончания курсов его хотели оставить в качестве инструктора. Но Эйтингон вернулся в родные места, а точнее в Гомель, который к тому времени, пережив пятидневный кровопролитный антисоветский мятеж, так называемую (по имени руководителя, начальника хозяйственной части 2-й Тульской бригады 8-й стрелковой дивизии Красной Армии, бывшего царского офицера Стрекопытова) «стрекопытовщину», стал, вместо Могилева, губернским центром (Гомельская губерния, как ранее Могилевская, до 1926 года входила в РСФСР). Туда же был переведен губернский совет рабочей кооперации, к работе в котором и приступил прибывший в Гомель в сентябре 1919 года Эйтингон.

К этому времени линия фронта подошла к Гомелю.

В октябре 1919 года во время так называемой «партийной недели», проводимой в

период наступления войск белогвардейцев и интервентов, когда, по словам авторов отчета ЦК РКП (б) IX съезду партии, партбилет «означал... кандидатуру на деникинскую виселицу», Наум Эйтингон становится членом большевистской партии и бойцом партийного отряда, участвуя в охране подступов к Гомелю. В конце 1919 года, когда наступление войск польского генерала Галлера было отбито, он снова вернулся на свою прежнюю работу — инструктором по кооперации, одновременно работая инструктором и по профсоюзной работе, занимаясь организацией профсоюзных организаций в губернии.

В мае 1920 года заканчивается хозяйственный и профсоюзный период работы Эйтингона. По путевке Гомельского губкома РКП (б) он становится уполномоченным Особого отдела Гомельского укрепленного района. Со службы в военной контрразведке началась служба Эйтингона в органах государственной безопасности, продолжавшаяся более 30 лет.

Гомель

Структура и функции особых отделов ЧК в период гражданской войны значительно отличались от последующих времен.

После сложных ведомственных конфликтов между ВЧК и военным ведомством, продолжавшихся практически весь 1918 год, в январе 1919 года на базе органов военного контроля, подчинявшихся ранее Реввоенсовету республики, и ЧК армий и фронтов, подчинявшихся Военному отделу ВЧК, был образован Особый отдел ВЧК во главе с чекистом Михаилом Кедровым, назначенным на этот пост по соглашению между ВЧК и РВСР.

6 февраля 1919 года Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) утвердил «Положение об Особом отделе ВЧК и его местных органах», которым устанавливалось, что Отдел работает под контролем РВСР и выполняет его задания, заведующим назначается член Коллегии ВЧК по согласованию с РВС. Положением вводились следующие подразделения: Особый отдел ВЧК, Особые отделы фронта, армии, Особое отделение дивизии и особые отделы губернских ЧК, которые должны были выполнять задания губернских военкоматов. С марта 1919 года существовали отряды особого назначения при Особых отделах ЧК.

Значение особых отделов возросло летом 1919 года в период наступления белых армий и войск Антанты.

В отличие от других органов ЧК особые отделы значительно шире стали использовать осведомителей, внутреннюю агентуру и другие негласные средства контрразведывательной работы. Внутриведомственная инструкция рекомендовала особистам вербовать осведомителей в частях и штабах Красной армии, учреждениях, предприятиях, на железных дорогах, продовольственных и прочих имевших оборонное значение организациях. Служба внутренней агентуры состояла из секретных сотрудников, завербованных из среды противника, и агентов внутреннего наблюдения из числа кадровых особистов, которые тайно внедрялись в крупные штабы Красной армии, центральные государственные учреждения, иностранные представительства и т. п.

Особые отделы состояли из активной, организационно-инспекторской, хозяйственной частей и секретариата, а позднее из активно-следственной и информационной частей.

Полномочия особых отделов постоянно расширялись.

С лета 1919 года Особый отдел ВЧК координировал оперативную охрану границы; 24 ноября 1920 года Совет труда и обороны республики передал охрану границ РСФСР из Наркомата внешней торговли в ведение Особого отдела ВЧК. С августа 1920 года приказом РВСР в Особый отдел ВЧК была передана военная цензура. В середине 1920 года был образован Особый отдел Черного и Азовского морей, в 1921 году — Особый отдел Балтийского флота и морское отделение в Особом отделе ВЧК. Существовало в Особом отделе ВЧК и иностранное отделение, на основе которого 20 декабря 1920 года приказом

Дзержинского № 169 был создан самостоятельный Иностраный отдел ВЧК. Полномочия особых отделов ВЧК были шире, чем у территориальных органов, в частности, в области вынесения и приведения в исполнение смертных приговоров. Даже после временной отмены смертной казни в феврале 1920 года это право было сохранено за военными трибуналами, в состав которых входили представители особых отделов. В марте того же года эти полномочия были отняты у трибуналов, но через два месяца, в мае, с началом войны с Польшей восстановлены. Тогда же особые отделы постановлением ВЦИК и СТО получили права трибуналов «в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности республики». Правда, в январе 1920 года решением Президиума ВЧК особым отделам губернских ЧК было запрещено пользоваться особыми печатями и ордерами на арест. Но эти права были сохранены за особыми отделениями дивизий.

Значение особых отделов в то время хорошо видно из следующего факта: 18 августа 1919 года по решению ЦК РКП(б) начальником (председателем) Особого отдела ВЧК был назначен по совместительству председатель ВЧК и нарком внутренних дел РСФСР Феликс Эдмундович Дзержинский, в июле 1920 года его сменил на посту начальника Особого отдела ВЧК Вячеслав Рудольфович Менжинский, будущий председатель ОГПУ. Ранее Менжинский был особоуполномоченным Особого отдела ВЧК, наряду с ним среди занимавших эту должность были ставшие впоследствии крупнейшими руководителями органов ОГПУ — НКВД Артур Артузов и Яков Агранов. Делопроизводством и другими организационными делами в Особом отделе ВЧК заведовал Управляющий делами Генрих Ягода, будущий первый нарком внутренних дел СССР, переведенный в 1919 году в ВЧК из Высшей военной инспекции Красной Армии.

Заслуги сотрудников особых отделов в Гражданской войне были отмечены 20 декабря 1922 года приказом РВСР о награждении Особого отдела ГПУ орденом Красного Знамени.

В то же время обособленное положение особых отделов ставило их в сложные отношения с другими подразделениями ВЧК, государственными и партийными органами. В феврале 1920 года Дзержинский отмечал, что «не удалось наладить взаимоотношений между губернскими ЧК и особыми отделами». В июне того же года в письме Менжинскому из Харькова Дзержинский писал о «черной кошке» между Особым отделом и Президиумом ВЧК и призывал своего заместителя «стать патриотом ВЧК как единого боевого органа и не проводить линии обособления». В августе того же года член Коллегии ВЧК, полпред ВЧК в Туркестане Яков Петерс писал:

«ОО не существуют при ЧК..., а ЧК существуют при особых отделах».

Из сложившейся ситуации в декабре 1920 года в письме председателю Центрального управления ЧК Украины Василию Манцеву Феликс Эдмундович сделал следующие выводы:

«...Особое существование ЧК и особых отделов при отсутствии внешних фронтов доведет до драки и упадка... в конечном счете особых отделов не должно быть... Органы ВЧК на местах должны быть едины, и базой их должна быть местная власть. Только там, где есть особые политические соображения не передавать всей власти местным советским органам, можно оставлять особые отделы для свободы действий центральной власти... Никаких окружных особых отделов... армейские особые отделы (подвижные, а не территориальные, приспособленные для войны, а не для мира)».

Известный историк органов госбезопасности полковник Василий Коровин отмечает: «Практика деятельности особых отделов показала, что они нарушали законность, превышали свои полномочия, необоснованно арестовывали военнотружущих, особенно из числа бывших военных специалистов...»

В такой непростой структуре начинал свою чекистскую службу Эйтингон. После ликвидации Особого отдела укрепрайона Эйтингон переходит на аналогичную должность уполномоченного по военным делам в Гомельскую губернскую ЧК, где затем становится помощником заведующего секретно-оперативным отделом, а вскоре заведующим этим отделом, членом коллегии и заместителем Николая Волленберга — председателя ГубЧК.

Основной задачей гомельских чекистов была борьба с бандитизмом, как политическим, так и уголовным, и польским шпионажем. Брутальные бандиты и лощеные офицеры разведки новой Речи Посполитой дружно работали против большевиков. В мае 1921 года чекисты, внедрив своего агента, раскрыли в Гомеле Западный областной комитет «Народного союза защиты Родины и свободы», который распространил свою деятельность на Белоруссию и Северо-Запад РСФСР. «Союзом» руководил знаменитый Борис Савинков, в дореволюционном прошлом — один из лидеров Боевой организации эсеров, подготовивший ряд терактов против сановников Николая И, а с 1917 года — ярый враг большевиков, сподвижник Корнилова, Деникина и Колчака, организатор кровавого Ярославского мятежа в июле 1918 года. Против большевиков он готов был договариваться с Черчиллем, Муссолини, Петлюрой, Пилсудским... с кем угодно. Что и делал.

Штаб савинковской организации находился в Варшаве. Сам Борис Викторович поддерживал контакты с сотрудниками военных миссий Франции, Англии, США и Италии. Наиболее активно именно польское правительство поддерживало Савинкова и его «Союз». Из Польши на советскую территорию забрасывались вооруженные отряды, состоявшие из остатков «интернированных» армий Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры. Вооружение отрядов и их перевозку по железным дорогам оплачивало польское военное ведомство, переброску через границу осуществляли сотрудники польской разведки — офензивы и жандармерии. Планируя в августе 1921 года всенародное восстание, «Союз» разделил советскую территорию на три «полосы». Гомель входил в южную «полосу» вместе с Минском и Орлом.

Всеобщее выступление не состоялось, но на советскую территорию отряды «Народного союза защиты Родины и свободы» все-таки проникали, и это стоило жизни сотням жителей БССР и Северо-Запада РСФСР. Только в занятом бандой полковника Сергея Павловского городе Демянске Новгородской губернии было убито 192 человека. Уничтожались пограничные заставы, советские, партийные, хозяйственные учреждения в городах, захватывались поезда. И все это при содействии правительства Польской республики, еще до переворота Пилсудского. Некоторые современные российские историки и публицисты пишут (с осуждением) о так называемой «активной разведке» — партизанских операциях, которые проводились советской военной разведкой (Разведуправление Красной Армии) против польских властей на территории Западной Белоруссии до 1925 года. Но не следует забывать и о савинковцах и их покровителях из Варшавы и Парижа.

Вот около ста сотрудников этой замечательной организации — членов Западного областного комитета (среди них были губернский и уездный военкомы, военный комендант города), закордонных курьеров и т. п. и арестовали гомельские чекисты. В Гомеле в связи с операцией, получившей, кстати сказать, высокую оценку Дзержинского, побывали сотрудники Особого отдела ВЧК Сергей Пузицкий и Игнатий Сосновский. В расследовании этого дела, именовавшегося «Крот», Эйтингон принимал участие. Имел он прямое отношение и к аресту в мае того же 1921 года в Минске уполномоченного «Союза» Эдуарда Опперпута-Стауница, бывшего помощника начальника штаба войск внутренней службы Западного фронта. Но не только такой оперативной работой занимался Эйтингон. В течение всего 1921 года он выезжал с чекистским отрядом на места непосредственной ликвидации вооруженных банд. Дело это было опасное. В октябре 1921 года в местечке Давыдовка Эйтингон получил тяжелое ранение в левую голень, после чего два месяца лечился в госпитале. По семейным преданиям, врачи настаивали на ампутации ноги. Эйтингон, уже лежавший на операционном столе, вынул маузер. Этот довод убедил медиков.

* * *

В декабре 1921 года председателя Гомельской ГубЧК Николая Волленберга перевели в Стерлитамак на аналогичную должность в ЧК Башкирской автономной республики. Вместе с собой он, как это бывает во все времена, пожелал взять своих подчиненных, в том числе своих заместителей — начальника секретно-оперативной части Владимира Алексева и Наума Эйтингона. Закончился первый период службы Эйтингона. Молодой чекист познакомился в Гомеле с председателем ВЧК — Феликсом Эдмундовичем Дзержинским (утверждения некоторых авторов, относящих их первую встречу ко времени побега Дзержинского из ссылки, неверны: последний, третий побег Феликса Эдмундовича из Сибири состоялся в 1909 году, когда Эйтингону было 10 лет, да и маршрут беглого ссыльного не проходил через Шклов).

* * *

Новое назначение Эйтингона несколько застопорилось. В Москве, куда он прибыл для утверждения, вопрос решился положительно. Однако сразу выехать ему не удалось — открылась рана и он еще два месяца пролежал в Москве в госпитале. Боли в ноге и легкая хромота остались до конца жизни.

Башкирия

После выздоровления в марте 1922 года Эйтингон выехал в Стерлитамак, где и приступил к выполнению обязанностей члена коллегии Башкирского отдела ГПУ. Вскоре башкирские чекисты вместе с правительством республики переехали в Уфу — новую столицу автономии.

Вновь рассказы современников: увидев по приезду в Уфу вооруженную охрану вокруг здания ГПУ, Эйтингон сказал:

«Да уберите вы пулеметы к ... матери. Вы же на авторитет бандитов работаете. Их просто в город не надо пускать, а уничтожить, где мы наметим».

Но бандитизм, политический и уголовный, не был единственной головной болью для башкирских чекистов. Ситуация в этой республике была одной из сложнейших в молодых советских автономиях, уступая, как всегда, лишь Северному Кавказу.

Источником обострения национального вопроса был вопрос аграрный. Башкирское население было недовольно колонистами-переселенцами, которые получили землю в Башкирии и результате аграрных реформ П. А. Столыпина. Февральская революция 1917 года выплеснула страсти наружу. Новые башкирские национальные лидеры почти всех политических направлений выступили с требованиями территориальной автономии и решения земельного вопроса по формуле «всю землю Башкирии только башкирам», с чем не соглашались волжские татары, настаивавшие на экстерриториальной автономии российских мусульман и национализации всей земли. Башкирские лидеры, которые опасались татар, экономически более развитых, в июле 1917 года организовали свой первый всебашкирский съезд в Оренбурге, где присутствовало 70 делегатов. Лидером башкирского национального движения стал 27-летний сын сельского муллы, получивший хорошее образование, преподаватель медресе, ученый и политик Ахмет-Заки Вапидов. Под лозунгами создания национально-территориальной автономии, организации башкирской армии, возвращения башкирам всех земель, приобретенных поселенцами после 1898 года, в ноябре 1917 года Башкирское Шуро (Совет) в Оренбурге объявило о создании «Малой Башкирии», куда вошли районы Пермской, Оренбургской и Уфимской губерний. В гражданской войне

башкирские националисты первоначально поддержали эсеровско-меньшевистское правительство в Самаре, затем, после его разгона, примкнули к адмиралу Колчаку. Убедившись, что белые генералы автономию башкирам (и другим национальным меньшинствам) «видели в гробу», вооруженные формирования валидовцев перешли на сторону Красной Армии, что способствовало разгрому белых на Урале. В результате в марте 1919 года по договору между Совнаркомом РСФСР и Башкирским Шуро появилась первая автономная республика в составе РСФСР — Башкирская АССР, столицей которой был тогда (до июня 1922 года) Стерлитамак. Валидов возглавил Башкирский ревком, а вскоре вступил в РКП(б). Уфимская губерния осталась в составе РСФСР.

Летом 1919 года в Башкирии по инициативе коммунистов-башкир было учреждено «Временное центральное бюро коммунистов Башкирии», независимое от РКП(б). Ответ на просьбу о признании со стороны Москвы был отрицательный — ЦК РКП(б) не одобрил организацию независимой партии. В ноябре 1919 года на первой Башкирской областной партийной конференции было объявлено, что «башкирская партийная организация есть областная партийная организация». В Москве отношение к Башкирии ухудшалось. 23 октября 1919 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский заявил о ненормальных отношениях между советскими и партийными органами Уфимской губернии и Башревкомом, обвинив при этом правительство Валидова в контрреволюционной деятельности.

Еще одной миной замедленного действия был вопрос о создании объединенной Татаро-Башкирской Республики. Декрет об этом был принят еще в марте 1918 года народным комиссариатом по делам национальностей, бессменным наркомом которого был Иосиф Виссарионович Сталин, и очень не понравился башкирским лидерам, опасавшимся «татарского империализма». И хотя декрет из-за развернувшейся в регионе гражданской войны не был реализован, а решением Политбюро в декабре 1919 года и вовсе отменен, антитатарские и антирусские настроения среди башкир усилились. Плюс к этому Москвой был отвергнут предложенный башкирскими лидерами проект Башкиро-Казахской Федерации, альтернативный уже отмененной Татаро-Башкирской Республике. Последовавшее вскоре обычное вроде бы кадровое назначение вызвало политический взрыв.

Решением обкома партии 13 января 1920 года председателем Башкирской ЧК был назначен (без согласия Башкирского ревкома) Мурзабулатов, татарин по национальности. В тот же день правительство БАСССР отменило решение обкома, обвинив парторганизацию в превышении своих полномочий за счет ревкома. Далее, в ночь с 15 на 16 января 1920 года в Стерлитамаке по приказу председателя Башревкома Юмагулова были арестованы два члена обкома РКП(б). На следующий день арестовали всех остальных членов обкома и других ответственных работников (в основном татар), кроме уполномоченного ВЦИК при Башревкоме старого большевика, бывшего депутата IV Государственной Думы Федора Самойлова, а в городе введено патрулирование башкирских войск. Башревком обратился к населению с воззванием, обвинив руководство обкома в желании ликвидировать автономию Башкирии. Такую форму принял конфликт между членами формально одной партии.

После вмешательства Центра (на случай вооруженного сопротивления со стороны ревкома Ленин отправил командующему Туркестанским фронтом Михаилу Фрунзе телеграмму с предписанием соответствующих мер) арестованных освободили, Юмагулова во главе ревкома сменил Валидов (во время январских событий, будучи в Москве, он убеждал Сталина в необходимости изменения политики Кремля в Башкирии), из Уфы прислали авторитетного уральского большевика Евгения Преображенского, а уже работавшему в Уфе кандидату в члены ЦК партии Федору Артему (Сергееву) Политбюро поручило надзирать за ревкомом и (по соглашению с Дзержинским) выполнять обязанности уполномоченного ВЧК по «борьбе с башкирской контрреволюцией», с подчинением ему всех ЧК и особых отделов на территории «Малой» Башкирии и соседних губерний.

Одновременно в середине февраля 1920 г. началось обычное для той эпохи «военного коммунизма» крестьянское восстание в Белебеевском, Бирском и Мензелинском уездах,

известное под названием «Черный орел» (под лозунгом «Долой коммунистов, да здравствуют большевики и свободная торговля!»). В результате для разрешения ситуации в марте 1920 года потребовался приезд (из Екатеринбурга) председателя РВС Льва Троцкого, который пришел к соглашению с башкирами, по его же предложению были отозваны в Москву Артем и Преображенский. Тогда же Валидов и его сторонники, вдохновленные успехом, потребовали сформировать Башкирский обком исключительно из коммунистов татарской и башкирской национальностей, и выслать из республики неугодных им партийцев.

5 апреля 1920 года на пленуме ЦК РКП(б) с заявлением о чрезвычайном положении в Башкирии выступил Дзержинский с требованием судить Юмагулова и других инициаторов январского ареста членов Башобкома, отозвать Валидова для дачи показаний в связи с его ультиматумом. Пленум после обсуждения поручил комиссии в составе Сталина, Троцкого и Каменева, Дзержинского и Преображенского заняться «башкирским вопросом». Пленум ЦК постановил, что председатель Башкирской ЧК должен назначаться по соглашению с Башревкомом и ВЧК.

Комиссия ЦК по башкирскому вопросу разработала новое положение о государственном устройстве Башкирии. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 19 мая 1920 года башкирское правительство утратило контроль над деятельностью на ее территории наркоматов продовольствия, финансов, Совета Народного Хозяйства, рабоче-крестьянской инспекции. ЧК Башкирии после года независимого существования вошла в организационную структуру ВЧК (наверное, это был единственный случай подобного рода). После этого Валидов (который был отозван в Москву) и его сторонники в знак протеста ушли в отставку и призвали население к восстанию. Начались вооруженные столкновения башкирских частей (у них был Реввоенсовет, председателем которого стал Мурзабулатов, бывший председатель Башкирской ЧК, из-за злосчастного назначения которого в январе и начались волнения) с соединениями Красной Армии. Выступления валидовцев были подавлены. Сам Валидов скрылся в Туркестан, где присоединился к басмачам. В 1922 году он переехал в Афганистан, а оттуда в Турцию, где и жил до самой смерти в 1969 году, занимаясь востоковедением (был профессором Стамбульского университета).

* * *

Изложенная вкратце история вопроса должна показать, с какими проблемами сталкивались в начале 1920-х годов в Башкирии работавшие там чекисты. Плюс к этому постоянная кадровая нестабильность. Председателей Башкирской ЧК за два с половиной года (до декабря 1921 года, когда был назначен Волленберг) сменилось семь человек. Первый председатель Ахмедулла Бишев, интеллигентный и знающий, очень быстро был смещен, а его преемники либо склонялись к национализму (местные уроженцы Тухватуллин и Мурзабулатов, соответствующим образом подбиравшие и ориентировавшие аппарат), или, как посланцы Москвы Семен Лобов, Иван Каширин. Петр Гузаков, в упор не хотели замечать башкирской специфики и считаться с местными кадрами.

Товарищ Эйтингона по работе в Гомеле Владимир Павлович Алексеев позднее вспоминал:

«В конце 1921 года по инициативе ЦК партии с группой работников Гомельской ЧК я был направлен в Башкирию и выполнял там обязанности заместителя председателя ЧК автономной республики. Нас послали туда в связи с тем, что в Башкирии не все шло гладко с созданием местного государственного аппарата, возникали разногласия на почве межнациональных отношений. По приезде в Уфу мы, изучив обстановку, в корне изменили направление деятельности Башкирской ЧК, пресекли высокомерие, элементы великодержавного шовинизма, имевшие место в коллективе местных чекистов, ввели в аппарат ЧК национальные кадры, установили деловые отношения с ЦИК и Совнаркомом Башкирии. В

короткий срок нам удалось нормализовать ситуацию и создать необходимые условия для становления и развития этой республики».

За этими сдержанными, дипломатическими фразами (Алексеев вспоминал о своей молодости, успев побывать уже дипломатом... и разведчиком) видно, каким непростым было положение в Башкирии в начале 20-х.

А кроме борьбы с бандитизмом и национал-сепаратизмом приходилось заниматься и контрразведывательной работой. В Башкирии действовал филиал известной американской организации помощи голодающим «АРА», среди сотрудников которой были и сотрудники спецслужб, в частности, уполномоченный в Уфе Крейг.

Москва, работа на Лубянке, в Восточном отделе и учеба в военной академии

В мае 1923 года Эйтингона и Алексеева вызывают в Москву и направляют на работу в Восточный отдел Секретно-оперативного управления ОГПУ. Николай Львович Волленберг, первый учитель Наума Эйтингона в чекистском ремесле, оставался в Уфе на посту начальника областного отдела ОГПУ до 1926 года, когда перешел в центральный аппарат. В дальнейшем он также, как и его ученики Эйтингон и Алексеев, работал в разведке. Но их служебная география не пересекалась.

* * *

Немного о Восточном отделе. Подразделение такого типа существовало в качестве самостоятельной структурной единицы (а не в составе Иностранного отдела ОГПУ, как пишут некоторые авторы) в течение 8 лет. Идея организации специального органа для работы на Востоке обсуждалась еще в разгар Гражданской войны. 31 декабря 1919 года Политбюро ЦК РКП(б) обсудило предложение Ф. Э. Дзержинского об учреждении при Особом отделе ВЧК «специального подотдела по борьбе с контрреволюцией на Востоке». Председатель ВЧК предложил назначить руководить этим органом партийного работника, работавшего в Киргизском крае (то есть в нынешнем Казахстане), Вадима Лукашева. Политбюро рекомендовало Дзержинскому, «не создавая особого подотдела и вообще руководимого из Москвы специально аппарата борьбы с контрреволюционным движением среди мусульман, ограничиться сосредоточением в Особом отделе всех сведений, собираемых ЧК в населенных мусульманами губерниях, и дачей этим губчека общих указаний».

Повторно этот вопрос рассматривался ЦК в апреле 1921 года Политбюро. Было решено назначить заведующим Восточным отделом ВЧК петроградского хозяйственного работника, ранее служившего председателем ЧК в Саратове и Башкирии, уполномоченным ВЧК на Кавказе, Семена Лобова. Но и это назначение не состоялось окончательно. Восточный отдел был образован в составе Секретно-оперативного управления приказом по ГПУ только 2 июня 1922 года. Основой его послужило 14-е спецотделение Особого отдела ВЧК, начальником которого был Владимир Стырне. Новая структура должна была объединять работу чекистов на Кавказе, в Туркестанской, Башкирской, Татарской и Крымской автономных республиках, Хивинской и Бухарской народных советских республиках в сфере «специфической восточной контрреволюции и восточного шпионажа». Новому отделу вменялась разработка материалов Закордонной части ИНО из стран Востока; исполнение оперативных заданий Восточного отдела было обязательным для ИНО. Начальником отдела стал член Коллегии ГПУ Яков Христофорович Петерс, личность в органах к тому времени легендарная. Старый латышский революционер, побывавший в лондонской эмиграции, участник Октября, бессменный член Коллегии ВЧК-ОГПУ с первого дня — 20 декабря 1917-го, заместитель Дзержинского в 1918–1919 годах и его временный преемник в течение

полутора месяцев после левоэсеровского выступления 6 июля 1918 года, побывавший во время гражданской войны со специальными заданиями ВЧК в Петрограде, Туле, на Украине, Северном Кавказе, Туркестане, к 1923 году Петерс совмещал несколько постов — руководил Главной инспекцией пограничных войск и войск ГПУ, работал в Центральной контрольной комиссии партии. Делами отдела занимались заместители Петерса и начальники отделений. Отделений в Восточном отделе было три. Первое занималось Ближним Востоком и Кавказом, возглавлял его по совместительству до перевода в Ташкент в январе 1923 года заместитель Петерса Владимир Стырне, второе — Средней Азией и Средним Востоком, начальником был Федор Эйхманс (бывший председатель Семиреченской ЧК, будущим первый начальник Управления лагерей ОГПУ, соратник и выдвиженец знаменитого чекиста Глеба Бокия). третье — Дальним Востоком. Им руководил наименее известный и наиболее образованный (учился в Лазаревском институте восточных языков в Москве) из всех Михаил Казас. В его отделение и попал на должность уполномоченного, а вскоре поднялся до помощника начальника отделения 24-летний Наум Эйтингон. Некоторые сослуживцы Эйтингона по Восточному отделу стали позднее заметными фигурами в органах ОГПУ, как, например, переведенный из Закавказской ЧК на должность уполномоченного 2-го отделения Хорен Петросян.

Работу молодой, но уже достаточно высокопоставленный чекист (должность его в сравнении с позднейшей структурой органов госбезопасности равнялась посту заместителя начальника управления в главке центрального аппарата) совмещал с учебой на восточном факультете Военной академии РККА, куда поступил в том же 1923 году. Это, видимо, было принято в Восточном отделе. В той же академии учились и другие уполномоченные Восточного отдела — коллега Эйтингона по Гомелю и Уфе Владимир Алексеев, Михаил Аллахвердов, Иван Шебеко и их начальник Михаил Казас (он также учился и в Институте востоковедения).

Военной академии Красной Армии в то время пришлось быть кузницей кадров советской разведки — как военной, так и чекистской. Специальных разведшкол еще не существовало. На Высших курсах ОГПУ, основанных в 1921 году, готовили сотрудников только для внутренних органов. А в Военной академии имелась достаточно мощная научная база, еще с дореволюционных времен.

Начальником академии ко времени поступления Эйтингона и Алексева был Павел Павлович Лебедев, бывший генерал-майор царской армии, с 1918 года служивший в Красной Армии. В апреле 1924 года его сменил Михаил Васильевич Фрунзе, бывший одновременно заместителем наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета СССР, а также и комиссаром академии. А когда в январе 1925 года Фрунзе стал наркомом и председателем РВС вместо Льва Троцкого, начальником и комиссаром академии стал Роберт Эйдеман, бывший командующий Сибирским военным округом. После смерти Фрунзе с осени 1925 года академия носит его имя.

Начальником восточного факультета был Борис Иванович Доливо-Добровольский, бывший морской офицер, выдающийся ученый-лингвист. Преподавали в академии старые военные специалисты, бывшие высшие офицеры старой армии Василий Федорович Новицкий (крупнейший знаток военной истории), Константин Иванович Величко (специалист по фортификации), знаменитый военный теоретик Александр Андреевич Свечин, бывший военный министр Временного правительства Александр Иванович Верховский.

В академии на одном факультете вместе с Эйтингоном учились будущие видные советские военачальники. Среди них был будущий военный советник в Китае, герой Великой Отечественной, командующий 62-й армией в Сталинграде маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков. Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов, вопреки утверждениям некоторых авторов, в то время в Военной академии (которую он окончил в 1950 году, а в 1924 году работал в Особом отделе ОГПУ, откуда и пришел в авиацию) не учился, тем более на восточном факультете.

На восточном факультете будущие разведчики изучали как общие военные и общественные дисциплины, так и специализированные, в основном языковые, курсы. Экзаменаторы досконально знали предметы. Так, у Владимира Алексеева экзамен по японскому языку принимал Сэн Катаяма, председатель компартии Японии, член исполкома Коминтерна. Алексеев по окончании академии отправился совершенствовать знания в Токио. К этому времени Алексеев и Эйтингон уже были переведены (в октябре 1925 года) из Восточного отдела в Иностранный отдел, входивший в то же Секретно-оперативное управление ОГПУ и находившийся в том же здании на Лубянке. Еще раньше туда перешел их начальник Михаил Казас, к этому времени уже ставший резидентом ИНО в Тегеране.

Переход бывших гомельских чекистов совпал с постепенным сужением функций Восточного отдела. Уже в марте 1926 года приказом ОГПУ «разработка государственного шпионажа» со стороны Турции, Персии, Афганистана и Монголии были переданы в ведение Контрразведывательного отдела ОГПУ, а борьба с антисоветскими партиями Закавказья в Секретный отдел ОГПУ. После ухода в октябре 1929 года Петерса и недолгого руководства отделом Торичана Дьякова в сентябре 1930 года Восточный отдел был включен в состав новообразованного Особого отдела ОГПУ, объединившего военную и общую контрразведку.

Начало службы в разведке. Китай

Иностранный отдел, созданный 20 декабря 1920 года, к этому времени более трех лет возглавлял Меер (Михаил) Абрамович Трилиссер, старый большевик, участник гражданской войны. Современные историки считают его фактическим основателем советской внешней разведки. Именно при нем сформировались основные направления, формы и методы работы советских разведчиков за рубежом. При Трилиссере было принято положение об ИНО. Задачи разведки определялись следующим образом:

- выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против СССР;
- установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем;
- освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении СССР, получение сведений об их экономическом положении;
- добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;
- контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей (до 1926 года эти функции выполнял Контрразведывательный отдел ОГПУ представители которого находились в советских дипломатических представительствах за границей, затем они перешли в ИНО).

Аппарат ИНО в период руководства Трилиссера достиг общей численности в 122 человека, из которых 62 человека работали в резидентурах за рубежом. Положение Трилиссера укрепляло совмещение его руководства разведкой с постом заместителя председателя ОГПУ (это был первый случай в истории разведки). Заместителями (помощниками) в ИНО в тот период были его соратник по дореволюционному подполью Владимир Владимирович Бустрем (Алексей Васильевич Логинов) и Сергей Георгиевич Вележев, которого Трилиссер знал по гражданской войне в Сибири. Аппарат ИНО включал в себя закордонное отделение с канцелярией, бюро виз, стол выездов, стол въездов, стол въездов и выездов эшелонами, стол приема заявлений, общую канцелярию, то есть в основном чисто бюрократические структуры (как видим, аппарат разведки выполнял в то время функции современного ОВИРа).

Наиболее важной частью ИНО было закордонное отделение, ведавшее разведкой за рубежом с легальных и нелегальных позиций. Первоначально было шесть географических

секторов, которые должны были заниматься агентурной работой за рубежом. Позднее сектора стали называться отделениями, а их число увеличивалось по мере появления новых зарубежных резидентур.

* * *

В конце 1925 года Эйтингон выехал в свою первую заграничную (и долгосрочную) командировку — в Китай. Перед отъездом состоялась встреча, о которой он сам рассказал через полвека, в середине 70-х годов, в письме члену Политбюро ЦК КПСС, председателю КГБ СССР Юрию Владимировичу Андропову:

«В 1925 году, перед отъездом в Китай (это был мой первый выезд за кордон), я вместе с бывшим в то время начальником иностранного отдела ГПУ тов. Трилиссером был на приеме у товарища Дзержинского. Он, после того как коротко объяснил обстановку в Китае и указал, на что следует обратить особое внимание, сказал: „Делайте все, что полезно революции“. И я следовал всю жизнь этому напутствию и делал всегда то, что считал полезным и нужным Советской власти и партии ...». Это была последняя встреча Наума Эйтингона с Феликсом Эдмундовичем, скончавшимся 20 июля 1926 года.

* * *

Китай начала 20-х годов был сплошным узлом противоречий. Центральное правительство во главе с лидером партии Гоминдан Сун Ятсеном, пришедшее к власти после революции 1911 года, контролировало только несколько провинций на юге страны. Фактически же Китай был раздроблен на многочисленные полунезависимые территории, где власть принадлежала китайским генералам, которых еще называли «военными лордами» или «провинциальными милитаристами».

Советское правительство стремилось наладить хорошие отношения с демократическими, антиколониальными силами в Китае. В 1923 году Сун Ятсен и советский дипломат Адольф Иоффе подписали первое советско-китайское соглашение. В помощь гоминдановскому правительству в Гуанчжоу (Кантон) была направлена группа советских политических советников под руководством старого большевика Михаила Бородина (Грузенберга). Тогда же Москву посетила делегация Гоминдана, которую возглавлял Чан Кайши. 31 мая 1924 года в Пекине было подписано соглашение «Об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой». 20 сентября 1924 года, в Мукдене был заключен договор с властями, осуществляющими фактический контроль в Северо-Восточном Китае, ставший частью пекинского соглашения. А уже в конце сентября согласно достигнутым договоренностям Советский Союз предоставил Китаю заем в 10 млн. юаней и начал поставлять оружие для формирующейся Народно-революционной армии Китая. С октября 1924 года в Китае работали советские военные советники. Всего же в период с 1924 по 1927 год в Китае работало до 135 советских военных советников, которыми руководили такие известные военачальники как Павел Павлов (утонул в реке в 1924 году), Василий Блюхер, Николай Куйбышев и другие.

Сотрудничеству мешало нахождение на территории Китая большого числа белогвардейцев, ранее воевавших против Красной Армии. Особенно много их было в Маньчжурии, находившейся под контролем китайского генерала Чжан Цзолиня. Действовало множество белогвардейских организаций — монархическое «Богоявленское братство», «Комитет защиты прав и интересов эмигрантов», «Мушкетеры», «Черное кольцо», «Голубое кольцо», вооруженные отряды Анненкова, Глебова, Нечаева, Семенова и других, ставившие своей целью вооруженную борьбу с советским государством. Главными целями советской разведки в Китае были белоэмигранты и японские спецслужбы.

Первая легальная резидентура ИНО ВЧК в Китае была создана в Пекине под прикрытием советской дипломатической миссии в начале 1921 года во главе с Аристархом Ригиным, работавшим под псевдонимом Рыльский. Под его руководством начала создаваться агентурная сеть и региональные резидентуры в других городах, которых вскоре насчитывалось около десяти. В 1922 году Ригина в Пекине сменил Яков Христофорович Давтян, первый начальник ИНО ВЧК, который стал главным резидентом в Китае (до конца 1924 года). В 1925 году новым главным резидентом ИНО ОГПУ в Китае был назначен помощник начальника ИНО Сергей Вележев, работавший в Пекине под псевдонимом Ведерников.

Эйтингон в конце 1925 года прибыл в Шанхай. Шанхайскую резидентуру ИНО возглавлял под прикрытием должности вице-консула с декабря 1925 года Яков Минский. Его заместителем и стал Наум Эйтингон (с этого времени до начала 1940-х годов Эйтингон работал за границей и в центральном аппарате ИНО под именем Леонида Александровича Наумова, многие знали его как Леонида, в то время как в различных официальных документах он выступал под своей фамилией). В шанхайской резидентуре в 1926–1927 годах под прикрытием должности коменданта консульства работал Рудольф Иоганнович Абель, впоследствии полковник разведки, скончавшийся в 1946 году (его именем в 1957 году воспользовался арестованный в США разведчик-нелегал Вильям Фишер, ставший знаменитым как «полковник Абель»).

В то время работникам зарубежных резидентур была предоставлена большая свобода в вербовке агентуры, а резиденты имели право без согласования с Москвой утверждать новоприобретенных агентов.

Работа советских разведчиков проходила в сложных условиях обострившейся внутривосточной борьбы в Китае. В марте 1927 года Михаил Бородин, следуя указаниям руководства ВКП(б) и Коминтерна, предпринял попытку сместить главнокомандующего китайской армией Чан Кайши. По его указанию в Шанхае под руководством КПК началось формирование отрядов китайской Красной гвардии с целью организации вооруженного восстания, провозглашения революционного правительства и создания китайской Красной Армии. Чан Кайши начал наступление на Шанхай. 12 апреля 1927 года Шанхай был взят его войсками, начавшееся восстание потоплено в крови, а 28 апреля были арестованы и казнены 25 руководителей компартии Китая. В результате советско-китайские отношения резко ухудшились. В апреле 1927 года по указанию Чан Кайши был проведен обыск в советском консульстве в Пекине, во время которого полиция изъяла большое количество документов, в том числе шифры, списки агентуры и поставок оружия КПК, инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи советским представителям в разведработе. Обострилась и обстановка в Маньчжурии в районе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а против сотрудников советского консульства в Харбине постоянно устраивались провокации. Фактический правитель северо-восточных провинций Китая генерал Чжан Цзолинь занял прояпонскую позицию, всячески притесняя советских служащих КВЖД.

Эйтингон к 1927 году, после недолгой работы заместителем резидента в Шанхае и резидентом в Пекине, возглавил именно харбинскую резидентуру. Его предшественниками были известные разведчики Федор Яковлевич Карин и Василий Михайлович Зарубин.

Эйтингон — Наумов принял на связь ряд ценных агентов. Одним из них был бывший офицер царского адмиралтейства, служивший на Амурской флотилии, Вячеслав Иванович Пентковский, с 1924 года вместе с женой добровольно работавший на советскую разведку. Выпускник Петроградской практической восточной академии и юридического факультета университета, хорошо изучивший китайский язык, Пентковский получил китайское гражданство и поступил на службу в харбинский суд, где, имея доступ к важной информации, передавал ее советской разведке.

Важным агентом был также «Осипов», завербованный в 1928 году, работавший в японской жандармерии шофером, а затем сотрудником особого (политического) отдела жандармерии, работавшего против советских учреждений. В 1929 году при помощи

«Осипова» сотрудникам резидентуры удалось подбросить японцам документы, из которых следовало, что 20 их агентов подали заявление о восстановлении их в советском гражданстве. В результате все они были ликвидированы самими японцами. «Осипов» до 1938 года работал на советскую разведку.

В 1927 году был завербован советской разведкой бывший офицер-капеллевец и полковник китайской армии, сотрудник белоэмигрантских организаций «Братство русской правды», «Дружина русских соколов» «Браун», от которого в резидентуру поступала информация о попытках японцев сформировать при помощи атамана Семенова казачьи части для будущей войны против СССР.

Характер работы харбинской резидентуры в 20-е годы против Японии может быть определен по докладу Карина начальнику ИНО ОГПУ Трилиссеру (1925 год):

«Резидентура ИНО ОГПУ в Северной Маньчжурии с центром в Харбине... ведет регулярную и систематическую работу по перлюстрации дипломатических и других секретных почт целого ряда японских учреждений. Японский Генеральный штаб, военные японские миссии в Китае, японские армии в Квантунской области (Порт-Артур), Корее (Сеул), Китае (Тяньцзынь) и другие вошли в сферу действия нашей разведки».

Во времена работы Эйтингона эти задачи вряд ли успели стать неактуальными.

В 1928 году советские разведчики в Харбине под руководством Эйтингона сумели получить информацию о переговорах союзника Чжан Цзолиня, лидера мукденской группы «провинциальных милитаристов» Чжан Сюэяня с японцами о создании в Северо-Восточном Китае «Независимой Маньчжурской республики» на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии, под протекторатом Японии, с присоединением Внешней Монголии.

Такие планы угрожали советским интересам. Существует версия, что в 1928 году в Москве было решено ликвидировать Чжан Цзолиня, что и осуществили Эйтингон и руководитель нелегальной резидентуры Разведупра РККА в Харбине Христофор Салнынь («Гришка»), переведя все подозрения на японцев.

4 июня 1928 года на железнодорожном перегоне Пекин-Харбин специальный вагон, в котором ехал Чжан Цзолинь, был взорван. Взрывчатка была заложена в виадуке Южно-Маньчжурской железной дороги около Мукдена. Чжан Цзолинь был тяжело ранен в грудь и через несколько часов скончался в Мукденском госпитале. Кроме него во время взрыва погибло еще 17 человек, в том числе и генерал У Цзяншен. В связи с тем, что железнодорожный узел на стыке Пекин-Мукденской и Южно-Маньчжурской железных дорог вблизи Мукдена охранялся не китайскими, а японскими солдатами, все посчитали, что покушение было организовано японцами.

Исследователи спецслужб до сих пор окончательно не установили, кто «убрал» маньчжурского диктатора, хотя Международный трибунал над военными преступниками в Токио после второй мировой войны счел виновными руководителей японского правительства и армейской верхушки.

Однако ликвидация Чжан Цзолиня не привела к изменению ситуации в Маньчжурии. 27 мая 1929 года китайскими властями был произведен обыск в советском консульстве в Харбине, после чего Эйтингон был отозван в Москву.

Ситуация на КВЖД ухудшалась. В результате 17 июля 1929 года советское правительство заявило о разрыве дипломатических отношений с гоминьдановским правительством. После этого легальные резидентуры ИНО и военной разведки в Китае фактически прекратили свою деятельность. Впрочем, в 1928–1931 годах в Маньчжурии успешно работала нелегальная резидентура разведотдела полпредства ОГПУ по Дальневосточному краю во главе с Борисом Богдановым.

* * *

В Китае Эйтингон подружился с многими известными военными разведчиками — Христофором Салнынем, Иваном Винаровым (с ними он вместе работал в Пекине и

Шанхае). Существует свидетельство П. А. Судоплатова, что Эйтингон и Винаров «вступили в контакт с Зорге в Шанхае в конце 20-х годов». Иван Винаров впоследствии упомянул в своей книге «Бойцы тихого фронта», изданной в Софии в 1969 году, «присланного в Харбин из управления разведчика Леонида Эйтингона». Учитывая, в каких сложных обстоятельствах находился в то время Эйтингон, этот факт нельзя не признать поступком.

Работа молодого разведчика в Китае была отмечена в 1927 году первым его орденом — Красного Знамени.

На берегах Босфора

Весной 1929 года Эйтингон был направлен в Турцию, где сменил своего бывшего шанхайского руководителя Якова Минского в должности легального резидента в Константинополе, действуя под прикрытием атташе консульства Наумова Леонида Александровича (оперативный псевдоним «Бур»), После того как по решению советского руководства с целью поддержания дружеских отношений с турецким правительством Кемаля Ататюрка работа советской разведки против турок была прекращена, центром резидентуры ИНО в Турции стал Стамбул (Константинополь). Именно там добывалась секретная информация в посольствах Японии, Франции (в частности, переписка военного атташе) и Австрии. Помощниками нового резидента были Бржезовский (возможно, сотрудник ИНО Генрих Бржезовский) и Петр Зубов («Гришин»).

Связь резидентуры с Центром поддерживалась через пароход «Ильич», совершавший рейсы между Одессой и Стамбулом (на этом корабле был выслан из СССР в феврале того же года Троцкий). Все материалы резидентуры в виде фотопленок с помощью специального курьера переправлялись в Москву. Через агентурную сеть поступала информация о деятельности различных групп антисоветской эмиграции — украинской, азербайджанских мусаватистов, северо-кавказских горцев.

С середины 1928 года в Константинополе была организована нелегальная резидентура по Ближнему Востоку.

Во главе ее сначала был Яков Блюмкин, а после его отзыва в Москву и ареста в 1929 году за связь с Троцким — бывший начальник Восточного сектора ИНО Георгий Агабеков (под именем армянского купца Нерсеса Овсепяна). Прибыв в Турцию в конце октября 1929 года, Агабеков при помощи Эйтингона реорганизовал агентурную сеть. Через Эйтингона поддерживалась связь Агабекова с Москвой, кроме того, он по поручению Центра в декабре 1929 года принял агентуру в Греции после ареста там нелегального резидента ОГПУ. Этому предшествовала беседа Эйтингона, Агабекова и бывшего легального резидента в Афинах Михаила Молотковского:

«Что ты скажешь об этом предложении? — спросил Эйтингона (так в тексте — авт.) Молотковский.

— А мне все равно, если хотите — поеду в Грецию и приму сеть. Провала я не боюсь. Скорей тогда поеду в Москву. Признаться, надоела мне вся эта работа. А теперь после ухода Трилиссера (М. А. Трилиссер был освобожден от обязанностей зампреда ОГПУ и начальника ИНО в октябре 1929 года — авт.) в особенности. Как только вернусь в Москву, не останусь работать в ОГПУ, уйду куда-нибудь, — равнодушно ответил Эйтингон-Наумов».

Этот разговор трех резидентов, также как и подробности работы стамбульской резидентуры, стал известен после того, как в июне 1930 года Агабеков бежал на Запад и выпустил в Берлине «Записки чекиста». Об этике перебежчика говорить не приходится. Интересно другое: после того, как Агабеков расшифровал принадлежность Эйтингона к разведке и назвал его псевдоним, под той же фамилией Наумов разведчика отправляли в ту же Турцию (в 1942 году)!

Но, как бы то ни было, из опасения провала, Центр в срочном порядке отозвал Эйтингона в Москву.

В центре и за кордоном

В Москве Эйтингон был назначен заместителем Якова Серебрянского — начальника Особой группы при председателе ОГПУ, известной также как «группа Яши». Этот параллельный и автономный от Иностранного отдела разведцентр был создан по инициативе председателя ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского в 1930 году для глубокого внедрения агентуры на объекты военно-стратегического значения и подготовки диверсионных операций в тылу противника на случай войны. С этой целью Эйтингон несколько раз выезжал в Калифорнию для организации там агентурной сети. Вот свидетельство друга и соратника Эйтингона Павла Анатольевича Судоплатова:

«В конце 20-х — начале 30-х годов Эйтингон и Серебрянский были посланы в Соединенные Штаты для вербовки китайских и японских эмигрантов, которые могли нам пригодиться в военных и диверсионных операциях против Японии. К этому времени японцы успели захватить центральные и северные районы Китая и Маньчжурию, и мы опасались предстоявшей войны с Японией. Одновременно Эйтингон внедрил двух агентов для длительного оседания — польских евреев, которых ему удалось привезти в США из Франции. Эйтингон также должен был дать оценку потенциальным возможностям американских коммунистов в интересах нашей разведки. По его весьма дельному предложению, не следовало вербовать агентов из членов компартии, а имело смысл сконцентрировать внимание на тех, кто, не будучи в ее рядах, выражал сочувствие коммунистическим идеям.

Эйтингон действовал параллельно с Ахмеровым (Исхак Абдулович Ахмеров — сотрудник нелегальной разведки, впоследствии полковник — авт.), который, несмотря на серьезные возражения Эйтингона, все-таки женился на племяннице Эрла Браудера, основателя американской компартии. Операции в Соединенных Штатах и создание там сети нелегалов не входили в число важнейших целей Кремля, поскольку в то время получение разведывательных данных из Нового Света не влияло на принимаемые Москвой решения. Эйтингон, однако, поручил нескольким своим агентам следить за американской политикой в отношении Китая. Ему, в частности, удалось найти журналистов из журнала „Амерэйша“, которые впоследствии сформировали лобби, влиявшее на американскую линию дипломатии в Азии.

Одним из завербованных Эйтингоном агентов был весьма известный японский живописец Мияги, позднее вошедший в группу Рихарда Зорге в Японии».

По воспоминаниям Судоплатова, с Серебрянским Эйтингон не сработался и в 1931 году вернулся в ИНО ОГПУ. Структура разведки после смены руководства (вместо Трилиссера с октября 1929 по июль 1931 года ИНО возглавлял второй заместитель председателя ОГПУ Станислав Адамович Мессинг) изменилась.

В январе 1930 года был объявлен новый штат ИНО, включавший в себя 94 сотрудника. Вместо прежних закордонной части и отделения иностранной регистратуры было создано 8 отделений:

1-е отделение (нелегальная разведка) — начальник Лев Эльберт, 2-е отделение (вопросы выезда и въезда в СССР) — Иван Бабкин, 3-е отделение (разведка в США и основных странах Европы) — Михаил Молотковский, 4-е отделение (разведка в Финляндии и странах Прибалтики) — Александр Невский, 5-е отделение (разведка по белой эмиграции) — Андрей Федоров, 6-е отделение (разведка в странах Востока) — Казимир Баранский, 7-е отделение (экономическая разведка) — Альфред Нейман, 8-е отделение (научно-техническая разведка) — Лев Никольский.

Заместителем начальника разведки стал Артур Артузов, помощниками — Абрам Слуцкий и Михаил Горб.

Штат Иностранного отдела составил 121 человек. Кроме штатных сотрудников в это время создается резерв ИНО, в котором в 1932 году числилось 68 человек.

Руководством СССР тогда же были поставлены перед разведкой новые задачи. 30

января 1930 года в постановлении Политбюро ЦК партии в связи с угрозой войны рекомендовалось переводить работу зарубежных аппаратов ИНО из советских учреждений на нелегальное положение. Резко увеличилось и финансирование разведки.

В 1931 году Эйтингон был назначен начальником 8-го отделения (научно-технической разведки) ИНО ОГПУ, сменив своего будущего руководителя в Испании Никольского (Орлова). Но на этой должности он пробыл недолго, так как в скором времени был командирован во Францию, а затем в Бельгию, откуда вернулся в 1933 году.

Руководство разведки, готовя «легенду» для его нелегальных заграничных командировок, предложило Эйтингону обратиться к своим родственникам, жившим за границей, с тем, чтобы они прислали ему необходимые рекомендации, бумаги и деньги для поездки в Западную Европу. Однако родственники отказались делать это. Продолжая тему родственников, следует отметить, что в свое время на Западе, а позднее и в России появились утверждения, что знаменитый психоаналитик Марк Эйтингон (1881–1943), близкий ученик Фрейда, президент Международной психоаналитической ассоциации, покровительствующий в эмиграции русской певице и агенту ИНО НКВД Надежде Плевицкой (жене белого генерала Николая Скоблина — также агента советской разведки по кличке «Фермер»), был родным (или двоюродным) братом Эйтингона и действовал по его заданию. Однако никто и никогда не представил никаких доказательств этого.

* * *

Вернувшись в Москву, Эйтингон вернулся на руководящую работу в ИНО, где вновь произошли изменения. В августе 1931 года Мессинг за участие в выступлении против первого зампреда ОГПУ Генриха Ягоды был снят с должности начальника Иностранного отдела. Его сменил Артузов, при котором продолжилось расширение полномочий ИНО и увеличение его штатов. Так, с февраля 1933 года Иностранному отделу предоставлялось право ведения следствия по возникающим в ИНО делам сотрудников, а с апреля 1933 года был введен новый штат ИНО, включавший в себя 110 сотрудников. Заместителем начальника был Слуцкий, помощником — Сергей Пузицкий.

В апреле 1933 года Эйтингон становится начальником 1-го отделения ИНО (нелегальная разведка), важность которого особенно видна из того факта, что в ноябре 1932 года Артузов издал распоряжение об усилении нелегальной работы и о готовности легальных резидентур к переходу на нелегальные условия работы.

Впрочем, в кабинете Эйтингон не задержался надолго, и в том же году его вновь отправляют за рубеж, на этот раз в США. Существуют также неподтвержденные данные, что тогда же он работал в Китае, США, Иране, Германии.

В 1933 году Эйтингон познакомился с Павлом Судоплатовым, в ту пору молодым оперуполномоченным 5-го, а затем 8-го отделений ИНО ОГПУ. Судоплатов вспоминал, как однажды принес Эйтингону личное дело молодого чекиста, служившего возле польской границы, с просьбой по возможности перевести его на работу в качестве одного из сотрудников отделения, которым Эйтингон руководил. В деле находилась записка заместителя начальника отдела Украинского ГПУ, рекомендовавшего его для службы в Польше недалеко от того места, где тот жил и работал. Эйтингону не хотелось посылать этого молодого человека в Польшу, рядом с границей, где того могли узнать. И он прокомментировал это так:

«Если этого парня, не имеющего никакого опыта, поймают при обычной проверке, то чья голова тогда полетит? Если я стану слушать подобные рекомендации, надо будет завести специальную корзину для собирания голов».

Испания

Испанский кризис начался в апреле 1931 года. Буржуазно-демократической

революцией была низложен король Альфонс XIII. Второй раз (после 1873 года) Испания стала республикой. В течение пяти лет у власти находились правые и правопоцентристские политики. В феврале 1936 года после парламентских выборов к власти пришло правительство Народного фронта во главе с лидером социалистов Франсиско Ларго Кабальеро. Испанские реакционеры, недовольные социальной политикой нового правительства, стремились к реваншу. Их союзниками стали режимы Германии и Италии, лидеры которых Адольф Гитлер и Бенито Муссолини были, естественно, недовольны победой Народного фронта на выборах в Испании. Готовясь к войне с Францией (где в том же году также победил на выборах Народный фронт), Гитлер стремился обеспечить себе выгодное стратегическое положение на Пиренейском полуострове, в соседней с Францией Испании, поставив таким образом под контроль связь парижской метрополии с колониями. «Отсель грозить мы будем французу!» — могли бы сказать фюрер и дуче, если бы знали русскую поэзию.

Мятеж начался 17 июня 1936 года в Испанском Марокко в испанских колониальных войсках в Северной Африке. Считается, что в ночь на 18 июля 1936 года радио города Сеута в Испанском Марокко передало условную фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо», хотя в последнее время некоторые историки и публицисты доказывают, что это легенда. Это был едва ли не десятый (начиная с 1820 года) военный переворот в испанской истории, как и все они, в итоге удачный. 18 июля восстало большинство гарнизонов на полуострове. Первоначально руководителем путчистов был генерал Хосе Санхурхо, но вскоре после начала мятежа он погиб в авиационной катастрофе. После этого восставших (которых также называли фалангистами, так именовалась крайне правая политическая организация в Испании во главе с Хосе Антонио Примо де Ривера, расстрелянным в 1936 году, уже после начала мятежа, племянником генерала, организатора военного переворота 1923 года, диктатора Испании при Альфонсе XIII) возглавил командующий войсками в Марокко генерал Франсиско Франко-и-Баамонде, «пекеньо» (коротышка), как его называли соотечественники. Из 145 тыс. солдат и офицеров испанской армии его поддержали более 100 тыс. Несмотря на это, правительству с помощью оставшихся на его стороне армейских частей и спешно сформированных отрядов народной милиции удалось подавить мятежи в большинстве крупных городов страны. Под контролем франкистов оказались только Испанское Марокко, Балеарские острова (за исключением острова Менорка) и ряд провинций на севере и юго-западе Испании — Севилья, Галисия, Наварра, часть Кастилии и Андалузии. Каталония, Баскония и большая часть Центральной Испании остались верны Республике.

С первых же дней Италия и Германия начали поставлять Франко оружие и боеприпасы. За два с половиной года войны в Испанию было направлено около 50 тыс. немецких военных, финансовая помощь Германии мятежникам оставила, по немецким источникам, 500 млн. марок (200 млн долларов). Италия направила Франко 1930 орудий, 7,5 млн артиллерийских снарядов, 240 тыс. винтовок, 325 млн патронов, 7633 автомашины, 930 танков и бронетранспортеров. Около 1000 итальянских самолетов совершило в Испании более 86 тыс. боевых вылетов и сбросило более 11 тыс. тонн бомб. В Испании воевало 150 тыс. итальянских военных. Итальянский флот оккупировал Балеарские острова, где была создана база ВМФ для блокады берегов Испании. Муссолини отдал приказ торпедировать все нейтральные корабли, перевозившие грузы для республиканцев. Итальянским подводным лодкам запрещалось подниматься на поверхность и спасать уцелевших. С июля 1936 года по май 1937 года было совершено 86 нападений на советские корабли, потоплены суда «Комсомол», «Тимирязев», «Благоев», насильственно уведены в занятые мятежниками порты корабли «Петровский», «Вторая пятилетка», «Союз водников», «Смидович». По данным официального итальянского агентства печати, итальянская военная авиация с 1936 по 1938 годы атаковала 224 судна, принадлежащих разным странам.

После атаки «неизвестной» поят од к и на английский эсминец в сентябре 1937 года в швейцарском городе Нионе состоялась конференция по борьбе с пиратством на

Средиземном море, принявшая решение уничтожить все подводные лодки, нападающие на торговые суда, после чего подводная война на Средиземном море прекратилась, хотя захваты иностранных судов флотом мятежников и их союзников продолжались.

Так, в октябре 1938 года франкистским крейсером был задержан советский теплоход «Цюрупа», переправленный на остров Майорка. Несмотря на то, что теплоход (по судовым документам) направлялся не в Испанию, испанский военный суд в Пальма-де-Майорка конфисковал судно и приговорил капитана советского корабля Соловьева к 12 годам тюрьмы, а 29 человек команды были интернированы на берегу (в январе 1939 года после докладной записки Николая Ежова, к этому времени уже освобожденного от руководства НКВД и последние месяцы перед арестом возглавлявшего наркомат водного транспорта, на имя Сталина было принято решение Политбюро о переводе полпреду в Париже Якову Сурицу трех тысяч рублей для оказания помощи советским морякам через консула любой страны в Пальме).

Итальянская военная разведка СИМ (Servizio informazioni militari — служба военной разведки), сотрудники которой в Испании подчинялись командующему итальянским экспедиционным корпусом генералу Роатта, проводила тайные операции против республиканцев. Планировалось организовать вспышку эпидемии в Барселоне или на границе с Францией для закрытия франко-испанской границы. Существовал прейскурант. «За уничтожение парохода — 25 тыс. лир; за уничтожение паровоза или организацию крушения эшелона — 15 тыс.; за уничтожение груженого товарняка, стоящего на станции — 5 тыс.; за уничтожение грузовика с людьми — 10 тыс., с материалами — 5 тыс.; за распространение инфекционных заболеваний или нанесение вреда произведениям искусства, разрушение железных дорог и т. д. оплата будет соизмеряться с полученным результатом...

В случае „неприятностей“, завершившихся арестом, каждый агент знает, что его семье будут перечисляться прожиточные средства вплоть до его освобождения. В случае смерти компенсация составит 50 тыс. лир». Планы воплощались в жизнь, причем осуществлялись и во Франции. Во французских портах было взорвано несколько кораблей, которые должны были доставить грузы в Испанию. 11 июня 1937 года в нормандском городе Баньольсюр-Орн французскими кагулярами (членами фашистской французской организации «Тайный комитет революционных действий», 6 февраля 1934 года участвовавшими вместе с крайне правым движением «Огненные кресты» в попытке фашистского путча в Париже) под руководством Жозефа Дарнана, впоследствии во время немецкой оккупации сотрудничавшего с нацистами, были убиты братья Карло и Нелло Росселли, лидеры организации итальянских эмигрантов-антифашистов «Справедливость и свобода», участвовавшие в испанской войне на стороне Народного фронта. В качестве платы за убийство СИМ передала кагулярам сто полуавтоматических карабинов «Беретта».

Общие расходы Италии по интервенции в Испании составили 14 млрд лир (700 млн долларов).

С такой дружеской помощью мятежники уже в августе 1936 года захватили город Бадахос, установив сухопутную связь между своими северной и южной армиями. Взятие франкистами городов Ирун и Сан-Себастьян поставило под угрозу коммуникации северных провинций республики с Францией. В конце октября 1936 года в Испанию прибыли германский авиационный легион «Кондор» и итальянский моторизованный корпус. Можно вспомнить здесь поэму Есенина «Страна негодяев»: «Вот они — подлецы всех стран!» Воевали в Испании на стороне мятежников и русские белоэмигранты. Впрочем, белые офицеры были и на стороне республики.

Не могли остаться безучастными к войне в Испании и в Москве. 25 июля 1936 года в Москву поступила первая просьба республиканского правительства о закупке оружия, но первоначально не была удовлетворена. Советские руководители считали, что Лондонское соглашение о невмешательстве в дела Испании даст возможность законному правительству Республики подавить мятеж без военной помощи. Но меры по получению достоверной информации о происходящих в Испании событиях были приняты незамедлительно. Уже

через два дня после начала мятежа, 20 июля 1936 года, Политбюро ЦК ВКП(б) по представлению наркома внутренних дел СССР Генриха Ягоды утвердило сотрудника ИНО НКВД майора госбезопасности Льва Лазаревича Никольского руководителем аппарата НКВД при республиканском правительстве Испании. Под именем Александра Михайловича Орлова (оперативный псевдоним «Швед») он был направлен в Мадрид под дипломатическим прикрытием как атташе советского полпредства.

Также было решено укрепить кадрами дипломатическое представительство (отношения между СССР и Испанией были установлены в 1933 году, первым полпредом стал бывший нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, скончавшийся в том же году, новый полпред назначен не был). 27 августа 1936 года в Испанию прибыл новый советский полпред Марсель Израилевич Розенберг, работавший в Наркоминделе с 1918 года (в Берлине, Кабуле, Париже, центральном аппарате НКВД во главе бюро, координировавшего совместную деятельность спецслужб и внешнеполитического ведомства, в Центральном комитете партии и в Лиге наций). Вместе с ним прибыли военный и военно-морской атташе — соответственно Владимир Ефимович Горев и Николай Герасимович Кузнецов, а также группа военных советников во главе с корпусным комиссаром Яном Карловичем Берзиным, бывшим с 1924 по 1935 годы начальником советской военной разведки — Разведупра РККА. На основании их сообщений в середине сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление (по согласованию с находившимся в отпуске в Сочи Сталиным) об оказании помощи республиканскому правительству, в частности, поставках оружия и военной техники.

По решению Политбюро два члена Военно-технической комиссии при Политбюро — начальник ИНО ГУ ГБ НКВД комиссар госбезопасности 2-го ранга Абрам Слуцкий и начальник Разведупра Красной Армии комкор Семен Урицкий подготовили план мероприятий по линии «Х» (так были обозначены операции по поставкам оружия и военных материалов в Испанию). 14 сентября 1936 года в здании НКВД состоялось совещание под председательством наркома Генриха Ягоды, в котором участвовали Слуцкий, Урицкий, начальник Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД комкор Михаил Фриновский и другие. Чекисты и военные разведчики решили, что поставки оружия целесообразно производить как из СССР, так и из-за границы. Закупка вооружения за рубежом была возложена на нелегальные резидентуры ИНО НКВД и Разведупра, которые должны были через подставных лиц приобретать оружие у иностранных фирм якобы для третьих стран и нелегально переправлять его в Испанию. 29 сентября 1936 года Политбюро одобрило представленный план. При Разведупре был создан специальный штаб по перевозкам оружия во главе с начальником испанского отделения «Х» полковником Григорием Шпилевским. Сотрудники штаба определяли необходимое количество видов оружия и боевой техники, составляли маршруты следования транспортов по территории СССР и за его пределами, подбирали кадры военных советников и инструкторов.

Стремясь не дать повода для обвинения Советского Союза в нарушении «Пакта о невмешательстве», ИНО ГУГБ НКВД организовал в Одессе нейтральную частную фирму во главе с капитаном госбезопасности Михаилом Уманским (Гюнзбергом), через которую до 23 октября 1936 года закупали республиканцы советское оружие.

7 октября 1936 года было распространено официальное заявление советского правительства о немедленном прекращении нарушений Лондонского соглашения великих держав о невмешательстве в дела Испании. Было заявлено, что в противном случае СССР будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из этого соглашения. 23 октября Советский Союз выступил с новым заявлением о фактическом прекращении действия Лондонского пакта. Декларировалось, что СССР не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей степени, чем любой из остальных участников этого пакта.

Вначале оружие из СССР отправлялось на испанских кораблях, но вскоре их оказалось недостаточно. Было решено задействовать советские суда под чужими флагами и

названиями, с фальшивыми судовыми документами, изготовлением которых занималась специальная лаборатория ИНО НКВД во главе со старшим лейтенантом госбезопасности Георгом Миллером, бывшим австрийским коммунистом. Сотрудники спецлаборатории довели изготовление документов до совершенства (советские суда спокойно проходили проливы, Миллер за успешное выполнение этого задания был награжден орденом Красной Звезды).

Первые грузовые суда с оружием из СССР прибыли в испанский порт Картахена в начале ноября 1936 года. Всего осенью и зимой 1936–1937 годов из черноморских портов в Испанию было отправлено 23 транспорта с военной техникой, оружием и боеприпасами. Всего же, по неполным данным, за 32 месяца войны Советский Союз поставил в Испанию 806 самолетов, 347 танков и более 600 броневедомостей, 1186 артиллерийских орудий, 20486 пулеметов, 500000 винтовок, 4 млн. снарядов и огромное количество других боеприпасов и военного снаряжения. Кроме оружия СССР поставлял в Испанию нефть и нефтепродукты, хлопок, лесоматериалы и т. д. В 1936 году экспорт советских товаров составил 194,6 тыс. т на сумму 24 млн рублей, в 1937 году — 520,1 тыс. т на сумму 81 млн рублей, в 1938 году — 700 тыс. т на сумму 110 млн рублей, в начале 1939 года — 7 тыс. т на сумму 1,6 млн рублей.

Поставки советского оружия и снаряжения в Испанию оплачивались за счет испанского золотого запаса, вывезенного в СССР в октябре–ноябре 1936 года. Испанское золото, упакованное в 7800 стандартных ящиков, имело общий вес 510,08 т. Руководил операцией по отправке золота в СССР резидент НКВД Орлов-Никольский (в СССР доставкой золота из Одессы в Москву занимались украинские чекисты под руководством двоюродного брата Орлова заместителя наркома внутренних дел Украины комиссара госбезопасности 2-го ранга Зиновия Кацнельсона (видимо, за эту операцию Олов был награжден в январе 1937 года орденом Ленина). Весь этот золотой запас, хранящийся в Москве, был израсходован к концу 1938 года, и в дальнейшем поставки в Испанию оплачивались за счет предоставленного СССР кредита на сумму 85 млн долларов.

Закупкой оружия для республиканского правительства Испании за рубежом занимались нелегальные резидентуры ИНО НКВД и Разведупра. Закупались и переправлялись в Испанию фотоаппаратура и противогазы из Франции, самолеты из США, Чехословакии, Франции, Голландии, артиллерийские орудия из Франции и Швейцарии, пулеметы и винтовки из Чехословакии.

Участвовал в этих операциях бывший начальник Эйтингона старший майор госбезопасности Яков Серебрянский, вместе со своей «группой Яши», автономной от ИНО. Осенью 1936 года у французской фирмы «Деуатин» якобы по заказу государства Геджис (ныне Саудовская Аравия) были приобретены 12 новых самолетов, переправленных на приграничный с Испанией французский аэродром для проведения летных испытаний. «Люди Яши» под видом французских военных летчиков перелетели на самолетах в Испанию, на территорию республиканской армии. Об этом узнали в Париже, и французские правые обвинили премьера-социалиста Леона Блюма в содействии республиканцам. 31 декабря 1936 года постановлением ЦИК СССР Серебрянский был награжден орденом Ленина «за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией».

Эта и подобные операции дали полное право 21 декабря 1936 года Сталину, главе советского правительства Молотову и наркому обороны Ворошилову заявить в телеграмме премьер-министру Испании Франсиско Ларго Кабальеро:

«Мы считали и считаем своим долгом в пределах имеющихся у нас возможностей прийти на помощь испанскому правительству, возглавляющему борьбу всех трудящихся, всей испанской демократии против военно-фашистской клики, являющейся агентурой международных фашистских сил».

В своем ответе Ларго Кабальеро 12 января 1937 года так оценил советскую помощь:

«Помощь, которую Вы оказываете испанскому народу... была и продолжает оставаться очень полезной для нас. Могу Вас заверить, что мы высоко ценим ее».

От имени Испании, и в первую очередь от имени трудящихся, благодарим Вас от всего сердца и надеемся, что и в дальнейшем мы сможем рассчитывать на Вашу помощь и Ваши советы».

* * *

Чекисты работали непосредственно в Испании. Орлов прибыл в Мадрид 16 сентября 1936 года. Его заместителем был назначен майор госбезопасности Эйтингон-Наумов (звание было присвоено в начале 1936 года после введения персональных воинских званий), работавший в Испании под оперативными псевдонимами «Котов» и «Пьер». Основными его функциями была организация партизанских отрядов и диверсионных акций в тылу франкистов. Но ему также приходилось иметь отношение ко всей деятельности резидентуры.

С Орловым-Никольским Эйтингону раньше непосредственно работать не приходилось. Лев Фельдбин работал в органах ВЧК с 1919 года, когда и взял псевдоним «Никольский», под которым все время числился в кадрах ОГПУ-НКВД. В гражданскую войну и первые годы после нее он служил в особых отделах на Южном фронте. Архангельской губЧК, Экономическом управлении ОГПУ и в пограничных войсках ОГПУ в Закавказье под начальством своего двоюродного брата, уже упоминавшегося Зиновия Кацнельсона. Но считать Орлова «блатным» (слово, появившееся в 1920-е годы, происходит от немецкого слова, в переводе обозначающего «письмо», т. е. рекомендацию, протекцию) нельзя. Это Орлов (под этой фамилией он был в Испании, для удобства будем дальше именовать его так) доказал своей работой в ИНО в 1920-1930 годы — под легальным прикрытием в Париже и Берлине, нелегально — в Париже и Лондоне. Кацнельсон, в 1929 году «выпавший из обоймы» руководства ОГПУ и работавший в территориальных органах, вряд ли мог уже оказывать своему кузену серьезную поддержку. Известно, что Орлова ценили Дзержинский и Менжинский, выдвигавшие его на руководящую работу в центральном аппарате разведки. Повторим, что Орлов и Эйтингон по работе ранее не сталкивались, так как один вел разведку на Западе, другой — на Востоке.

Кроме Эйтингона заместителями и помощниками резидента в Испании были старший лейтенант госбезопасности Наум Маркович Белкин, майор госбезопасности Григорий Сергеевич Сыроежкин, переведенный из авиации пограничных войск Лев Петрович Василевский. В Испанию также неоднократно приезжал первый заместитель начальника ИНО майор госбезопасности Сергей Михайлович Шпигельлаз.

Советским чекистам приходилось сотрудничать с испанцами, помогать им в создании системы безопасности. Ситуация в этой сфере обстояла не очень хорошо. Вот как оценивал ее Орлов в своем первом докладе в Москву 15 октября 1936 года:

«Общая оценка: единой службы безопасности нет, т. к. правительство считает это дело не очень моральным. Каждая партия сама создала свою службу безопасности.

В том учреждении, что есть у правительства, много бывших полицейских, настроенных профашистски. Нашу помощь принимают любезно, но саботируют работу, столь необходимую потребителям страны».

Посланцы Лубянки реорганизовали испанскую контрразведку СИМ (Servicio de Investigacion Militar — служба военных расследований), которая официально подчинялась военному министру, фактический же контроль осуществляли советские чекисты и руководители компартии Испании. В структуру СИМ входили генеральный секретариат (руководители технических, внутренних и юридических служб), 11 отделов, занимавшихся общей контрразведкой, контрразведывательной работой в авиации, сухопутных войсках, военно-морском флоте, промышленности, сфере производства вооружений, экономике (спекуляция и т. д.), на транспорте и в связи, в учебных заведениях, политических партиях и профсоюзах и среди гражданского населения. Также существовал юридический отдел и 13-й

отдел — бригада специального назначения. Представители НКВД находились в четырех местных отделениях СИМ в городах Мадриде, Барселоне, Бильбао и Альмерии.

Кроме СИМ советские чекисты к концу 1937 года помогли создать другие спецслужбы:

— СИЕП (служба периферийной разведки) — военная разведка, подчинявшаяся 2-му отделу центрального штаба, ее отделы существовали в каждом армейском корпусе;

— СЕ (специальная служба) — орган генерального штаба — контрразведка в войсках;

— СИ ЕЕ (специальная служба зарубежной информации) — разведка за границей.

Эти меры проходили в условиях наступления мятежников на Мадрид в ноябре 1936 года. Войска республиканской армии при помощи интернационалистов-добро-вольцев из различных стран Европы и Америки (20 октября в Испании началось создание Интернациональных бригад, первую из которых под порядковым номером 11 возглавил сотрудник советской военной разведки Манфред Штерн, воевавший в Испании под именем генерала Клебера, всего иностранных добровольцев было более 42 тысяч человек) и советских военных советников и специалистов.

Франкистская армия наступала на Мадрид четырьмя колоннами. Но была еще и «пятая колонна» — агенты мятежников и спецслужб Германии и Италии в самом Мадриде. Это выражение появилось именно в 1936 году и стало крылатым в языках разных народов и до сих пор является синонимом измены и предательства.

Многих фашистских пособников помогли разоблачить советские чекисты. В марте 1937 года в Мадриде ими были раскрыты две фашистские организации, в Валенсии арестованы итальянские разведчики братья Полити и 13 их испанских агентов. Летом 1937 года были арестованы агенты гестапо Максим Старр (служил в звании лейтенанта в интербригадах, ранее был полицейским провокатором в компартии Германии), Эрнст Клемент и Мюллер, резидент абвера в Испании, бывший атташе германского посольства Алекс, нелегальный резидент абвера в Мадриде Отто Кирхнер, под видом аргентинского гражданина владевший антикварным магазином, и все его агенты в Испании.

Испанские спецслужбы под руководством сотрудников НКВД вели тайную войну и против английской и французской разведок. В Барселоне в декабре 1936 года были арестованы агенты резидентуры 2-го бюро французского Генштаба. В июне 1937 года, по сообщению; Орлова, были арестованы агенты английской разведки «Интеллидженс сервис» индус Эриу Эдуард Дут и Кинг, собиравшие информацию о республиканской армии.

Чекисты организовали охрану лидеров испанской компартии Долорес Ибаррури, Висенте Урибе и Педро Чека, на которых, по данным разведки, мятежники готовили покушение. Этим занимался сотрудник ИНО НКВД Станислав Ваупшасов (Альфред).

Чекисты наладили и работу испанской республиканской разведки за границей. Ими были получены важные сведения о 7-м армейском корпусе германского вермахта в Мюнхене, при котором существовала специальная офицерская школа для франкистов, о вербовке и отправке в Испанию частей морских штурмовых отрядов СА и 1200 саперов из пяти саперных батальонов немецкой армии, о двух женщинах — агентах немецкой разведки: Лидии Марии Атцельде Борозон (племяннице военного министра рейха фон Бломберга, работала в Барселоне) и Ади Эйнберг в Марселе, и об испанском консуле во французском городе Монпелье Рочо, также шпионе Франко (эти сведения Орлов сообщал руководству ИНО в мае 1937 года).

Совместными усилиями советской и испанской разведок была организована агентурная сеть в Валенсии, откуда резидентура ИНО НКВД в Испании вела разведку в Испанском Марокко, английском владении Гибралтаре и во Франции. В Испании сотрудники Орлова и Эйтингона привлекли к сотрудничеству ставших впоследствии знаменитыми советских разведчиков — Героя России Мориса Коэна, Марию де лас Эрас, Иосифа Григулевича.

Всей этой огромной работой занимались резидент Орлов, его заместители и сотрудники. Но у каждого в руководстве представительства НКВД был и свой участок работы. Так, Белкин поддерживал контакты с руководством испанского МВД, курировал работу особых отделов республиканской армии. Василевский был старшим советником

Особого отдела Мадридского фронта, начальником оперативной группы НКВД. Вместе с Эйтингоном он руководил линией «Д» резидентуры НКВД СССР в Испании.

Линией «Д» именовалась диверсионно-разведывательная деятельность в тылу франкистских войск. Занимались этим подразделения 14-го партизанского корпуса республиканской армии (организован в начале 1938 года на базе существовавшей с конца 1936 года специальной разведгруппы из 5 человек, военным советником и инструктором которой был известный впоследствии минер-подорывник Разведупра РККА полковник Илья Григорьевич Старинов, после успешной операции в феврале 1937 года под Кордовой по взрыву с помощью мины поезда со штабом итальянской авиадивизии была переформирована в бригаду). Корпус насчитывал более 5000 человек — семь бригад трехбатальонного состава, три из которых находились в Каталонии на Восточном фронте, четыре бригады действовали на Центральном и Южном фронтах. При корпусе действовали специальные школы в Барселоне, Валенсии, Бильбао и Архене для подготовки кадров снайперов, минеров-подорывников, радистов и войсковых разведчиков. Из-за исключительно тяжелых условий все бойцы корпуса получали двойной паек и двойное жалование. В создании корпуса была большая заслуга Орлова, командовавшего отрядом особого назначения в 12-й армии в 1920 году, во время гражданской войны, и написавшего учебник по партизанской войне. Орлов планировал использовать подразделения такого рода для налетов на концентрационные лагеря франкистов «с целью освобождения арестованных коммунистов, социалистов и революционных рабочих, захвата небольших городов, не имеющих сильных гарнизонов и т. д.», о чем он писал в донесении московскому центру в декабре 1937 года.

Корпус действовал по заданиям генерального штаба республиканской армии. Испанское командование не захотело реализовать предложения советских советников, предлагавших дислоцировать партизанские отряды на занятой франкистами территории, как это было в гражданской войне и впоследствии во время Великой Отечественной войны. Тем не менее количество диверсионных операций в тылу франкистов увеличилось. В начале 1938 года южнее города Уэски одним из отрядов корпуса был подорван мост, уничтожено 9 автомашин и свыше 100 солдат. Вместо эпизодических рейдов небольших подразделений за линию фронта начались систематические боевые операции в тылу франкистов с участием как небольших групп, так и батальонов, и даже бригады (в некоторых операциях участвовали даже две бригады).

В корпусе действовали советские разведчики — как военные, так и чекисты. Старшими военными советниками были последовательно сменявшие друг друга Старинов, Христофор Салнынь (знакомый Эйтингону по Китаю). Николай Патрахальцев и Василий Троян. Советниками корпуса от ИНО НКВД были Григорий Сыроежкин (под псевдонимом «Гранде»), Станислав Ваупшасов («Альфред». «Шаров»), Кирилл Орловский, Николай Прокопюк, Лев Озолин-Хаскин, Александр Рабцевич и другие. Все они подчинялись Эйтингону и Василевскому.

* * *

В начале 1937 года военная обстановка неоднократно менялась. В феврале 1937 года войска Франко при поддержке итальянских экспедиционных войск овладели городом Малага на юге страны. Одновременно франкисты начали наступление на реке Харама к югу от Мадрида. На восточном берегу Харамы им удалось захватить плацдарм, но после ожесточенных боев республиканцы отбросили противника в исходное положение. В марте 1937 года армия мятежников атаковала испанскую столицу с севера. Главную роль в этом наступлении играл итальянский экспедиционный корпус. В районе Гвадалахары он был разгромлен. В этой победе республиканцев большую роль сыграли советские летчики и танкисты.

* * *

Советские чекисты в Испании, выполняя приказы Москвы, активно занимались и внутривнутриполитической борьбой в Испании, которая сразу же приобрела острый характер. Коммунисты в союзе с социалистами вели войну на уничтожение с анархистами и партией ПОУМ (Рабочая партия марксистского единства), лидером которой был бывший коммунист, работник Коминтерна, политэмигрант в СССР, депутат Моссовета, сторонник Льва Троцкого (к этому времени по различным вопросам с ним разошедшийся) Андрес Нин, ставший министром юстиции в автономном правительстве Каталонии. Нин выступал против линии VII конгресса Коминтерна на укрепление Народного фронта, выступая за немедленную социалистическую революцию в Испании, что, несомненно, мешало объединению всех антифранкистских сил.

С декабря 1936 года агенты резидентуры НКВД, внедренные в ПОУМ, сообщали о подготовке поумовцами и анархистами вооруженного выступления в Барселоне.

В начале 1937 года берлинская резидентура ИНО НКВД получила анонимное сообщение (как впоследствии оказалось, от сотрудника министерства авиации Германии Харро Шульце-Бойзена, одного из будущих руководителей нелегальной резидентуры ИНО НКВД в Германии «Красная капелла») о том, что германские агенты проникли в троцкистские круги в Барселоне с намерением в ближайшее время организовать путч. Также поумовцами готовились теракты против активистов компартии и комсомола Испании. Так был убит известный каталонский коммунист Антонио Сессе. Позднее, в феврале 1938 года был убит капитан интербригад Леон Нарвич, агент Орлова в ПОУМ, выходец из России.

3 мая 1937 года в столице Каталонии Барселоне поумовцы и анархисты, после приезда президента республики Мануэля Асаньи и его обращения к провинциальному совету Каталонии, подняли вооруженный мятеж против республиканского правительства Народного фронта. После продолжавшихся три дня боев (события в Барселоне описал в своей книге «Памяти Каталонии» знаменитый английский писатель Джордж Оруэлл, служивший в частях ПОУМ) войска республиканской национальной гвардии, присланные из Валенсии, подавили мятеж. Погибло 350 человек при 2600 раненых. Также было сорвано наступление республиканских войск на Северном фронте, в результате франкисты заняли Страну Басков, начался острейший политический кризис внутри Народного фронта. По требованию компартии Испании (в заседании Политбюро ЦК КПИ участвовали представители Коминтерна — лидер итальянской компартии Пальмиро Тольятти и будущий руководитель социалистической Венгрии в 1956 году Эрне Гере) премьер Ларго Кабальеро 15 мая 1937 года ушел в отставку (еще в марте 1937 года Орлов вместе с представителем Коминтерна румынским коммунистом Борисом Стефановым и советским полпредом Леоном Гайкисом требовал его ухода из правительства за отказ выступить против ПОУМ). Новый премьер-министр Хуан Негрин, бывший ранее министром финансов, резко выступил против поумовцев и анархистов, ПОУМ была запрещена, а ее имущество конфисковано. Орлов, добываясь по указанию Москвы, ареста Нина, использовал факт ареста агента нелегальной франкистской резидентуры в Мадриде, передал испанскому правительству сфальсифицированные документы, подготовленные с участием двух сотрудников испанской тайной полиции. О своем плане Орлов сообщил в Москву 23 мая 1937 года:

«Мы составили прилагаемый документ, изобличающий; руководство ПОУМ в сотрудничестве с организацией! „Испанская фаланга“ и через нее с Франко и Германией. Содержание этого документа мы зашифруем имеющимся в нашем распоряжении шифром Франко и напишем на обороте захваченного у организации плана расположения наших огневых точек в Каса дель Кампо. Этот шпионский документ об огневых точках прошел через пять рук. Все пятеро фашистов сознались в передаче документа друг другу для переправки Франко. На другом захваченном документе мы напишем симпатическими чернилами не — сколько строчек безразличного содержания, и с этим документом начнем совместно с испанцами обнаруживать, нет ли на документах тайнописи. На этом документе мы

испробуем несколько проявителей. Особый проявитель проявит эти несколько слов или строчек. Тогда этим проявителем мы начнем пробовать все другие документы и таким образом выявим составленное нами письмо, избличающее руководство ПОУМ. Испанец, начальник контрразведывательного отдела, немедленно выедет в Валенсию в шифротдел военного министерства для расшифровки письма. Шифротдел, по нашим данным, располагает этим шифром Франко. Если даже при этом отдел почему-либо письма не расшифрует, то мы „потратим пару дней“ и расшифруем письмо.

Ждем от этого дела большого эффекта. После той роли, которую ПОУМ сыграл в Барселонском восстании, избличение прямой связи одного из его руководителей с Франко должно содействовать принятию правительством ряда административных мер против испанских троцкистов и полностью дискредитировать ПОУМ как германо-франковскую организацию».

План удался полностью. 16 июня Негрин отдал приказ об аресте Нина и сорока других руководителей ПОУМ, и о расформировании милиции этой партии. 17 июля Нин и другие лидеры ПОУМ были арестованы и заключены в тюрьму города Алькала-де-Энарес, где их допрашивали, добиваясь признаний в шпионаже в пользу франкистов, Орлов и представитель Коминтерна Витторио Видали. Нин, не давший таких показаний (что срывало планировавшийся судебный процесс, по образцу московских процессов 1936–1938 гг.), по решению руководства НКВД, был расстрелян на шоссе около Алькала-де-Энарес и захоронен в поле в ста метрах от дороги. Министерство юстиции республиканского правительства в апреле 1938 года официально заявило о его побеге из мадридской тюрьмы. Москва приняла решение о его ликвидации.

В операции под названием «Николай» участвовали Орлов, три испанца и в качестве переводчика агент ИНО Иосиф Григулевич. Эйтингон в ликвидации Нина не участвовал, о чем свидетельствует донесение Орлова в Центр.

После поражения при Гвадалахаре Франко сосредоточил силы на севере. Республиканцы в июле-сентябре 1937 года начали наступление в районе Брунете и под Сарагосой, окончившееся безрезультатно. Эти атаки не помешали франкистам завершить уничтожение противника на севере, где 22 октября пал последний оплот республиканцев — город Хихон. Но вскоре республиканцам удалось добиться серьезного успеха. В декабре 1937 года они начали наступление на город Теруэль и в январе 1938 года взяли его, однако затем перебросили значительную часть сил на юг. Франкисты воспользовались этим, перешли в контрнаступление и в марте 1938 года отбили Теруэль у противника. В середине апреля они вышли к побережью Средиземного моря у Винариса, разрезав надвое территорию, находившуюся под контролем республиканцев. Поражения вызвали реорганизацию республиканских вооруженных сил. С середины апреля они были объединены в шесть главных армий, подчинявшихся главнокомандующему генералу Миахе (Народная армия Испанской Республики насчитывала 22 корпуса, 66 дивизий и 202 бригады общей численностью 1 250 тысяч человек). Одна из этих армий, Восточная, была отрезана в Каталонии от остальной территории республиканской Испании и действовала изолированно. В мае 1938 года из ее состава была выделена еще одна армия, названная «армией Эбро». Республиканское командование готовило крупное наступление, чтобы восстановить сухопутную связь Каталонии с остальной страной.

Скрытно сосредоточившись, армия Эбро 25 июня 1938 года начала форсирование реки. Поскольку ширина реки Эбро составляла от 80 до 150 м, франкисты считали ее труднопреодолимым препятствием. На участке наступления республиканской армии они имели лишь одну пехотную дивизию. 25 и 26 июня шесть республиканских дивизий заняли плацдарм на правом берегу Эбро. 35-я интернациональная дивизия под командованием генерала Кароля Сверчевского (кадровый командир Красной Армии, в Испании он был известен под псевдонимом «Вальтер»), входившая в состав 15-го армейского корпуса, овладела возвышенностями Фатарелья и Сьерра-де-Кабальс. Битва на реке Эбро было

последним сражением Гражданской войны, в котором участвовали интернациональные бригады (осенью 1938 года по просьбе республиканского правительства они вместе с большей частью советских советников и военных специалистов покинули Испанию, республиканцы надеялись, что благодаря этому удастся добиться разрешения французских властей на пропуск в Испанию оружия и снаряжения, закупленного правительством Негрина).

Два армейских корпуса республиканцев должны были окружить группировку франкистских войск в районе Эбро. Однако их продвижение было остановлено при помощи подкреплений, которые Франко перебросил с других фронтов (из-за республиканской атаки на Эбро франкистам пришлось прекратить наступление на Валенсию). Авиация Франко захватила господство в воздухе и постоянно бомбила и обстреливала переправы через Эбро. За 8 дней боев республиканские войска потеряли 12 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В районе республиканского плацдарма началась длительная битва на истощение. Вплоть до конца октября 1938 года франкисты предпринимали безуспешные атаки, пытаясь сбросить республиканцев в Эбро. Лишь в начале ноября седьмое наступление войск Франко окончилось прорывом обороны на правом берегу Эбро. Республиканцам пришлось оставить плацдарм. Их поражение было предопределено тем, что правительство Франции закрыло франко-испанскую границу и не пропускало вооружение для республиканской армии.

Героическая борьба и поражение республиканской Испании проходила на фоне репрессий в СССР, которые не могли не задеть и советских людей, воевавших на Пиренеях. Кадровый состав командиров Красной Армии, советских дипломатов, представителей внешнеторговых учреждений, сотрудников НКВД, журналистов неоднократно менялся. Был отозван Ян Берзин, главный военный советник в Испании в 1936–1937 годах, работавший под псевдонимом «генерал Гришин» (его отношения с Орловым не сложились, в 1937 году он направил Ворошилову и Ежову доклад, в котором сообщал о недовольстве испанского правительства сотрудниками НКВД и предлагал отозвать Орлова). Вернувшись в Москву в июне 1937 года, Берзин был награжден орденом Ленина, произведен в армейские комиссары 2-го ранга и вновь назначен начальником Разведупра. В ноябре того же года Берзин был арестован, обвинен в шпионаже и в июле 1938 года расстрелян.

Преемник Берзина, главный военный советник в Испании в 1937–1938 годах комдив Григорий Штерн после возвращения из Испании занимал высокие посты в РККА и был арестован в июне 1941 года, будучи генерал-полковником, начальником Главного управления ПВО Наркомата обороны, Героем Советского Союза и членом ЦК партии, расстрелян в октябре 1941 года в поселке Барбыш под Куйбышевом вместе с другими военачальниками, воевавшими в Испании — помощником начальника Генштаба по авиации генерал-лейтенантом дважды Героем Советского Союза Яковом Смушкевичем, начальником ВВС РККА генерал-лейтенантом Павлом Рычаговым, бывшим начальником Разведупра генерал-лейтенантом Иваном Проскуровым.

Драматичным образом произошла смена резидента ИНО НКВД в Испании Александра Орлова. 9 июля 1938 года он получил телеграмму от наркома НКВД Ежова, в которой ему предписывалось выехать в Антверпен, где 14 июля на борту советского парохода «Свирь» должна была состояться встреча с неназванным человеком, известным Орлову лично. Впоследствии Судоплатов писал, что планировалось назначить Орлова начальником 7-го отдела ГУ ГБ НКВД СССР (ИНО) и опасения резидента были напрасными.

Тем не менее, ожидая ареста, отправки в СССР и расстрела, Орлов решил бежать вместе с семьей в Америку, 12 июля, взяв из сейфа резидентуры 60 тысяч долларов, вместе с женой и дочерью он выехал в Париж, где обратился в канадское консульство с просьбой о въездной визе под предлогом отправки семьи в Квебек на летний отпуск (у Орлова, официально считавшегося атташе полпредства СССР в Испании, имелся дипломатический паспорт). Получив визу, он в тот же день на пароходе отплыл из французского порта Шербурга за океан. Перебравшись из Канады в США, где у него были родственники, опасаясь

расправы со стороны своих бывших товарищей, он отправил Ежову письмо с требованием гарантий личной безопасности в обмен на молчание обо всех известных ему агентах НКВД. Требование Орлова, учитывая объем его знаний о работе резидентур советской разведки за границей, фактически было принято.

В США на многочисленных допросах в ФБР и других западных спецслужбах, сообщив достаточно много сведений о работе органов госбезопасности СССР в Европе и внутри страны, Орлов не выдал известную ему лично заграничную агентуру советской разведки, в том числе группу Кима Филби. В 1953 году он опубликовал известную теперь и у нас книгу «Тайная история сталинских преступлений». В 1950-е годы проведенным КГБ при Совете министров СССР расследованием обвинения против него в предательстве были сняты. В 1969 году с ним встречался сотрудник советской разведки Михаил Феоктистов, предлагавший от имени руководства КГБ возвращение в СССР. Орлов отказался и вскоре (в 1973 году) умер в США. Об этом рассказывается в вышедшей в 1995 году книге сотрудника Службы внешней разведки России Олега Царева и английского историка спецслужб Джона Костелло «Роковые иллюзии».

Вот какое мнение по этому поводу высказывал Павел Судоплатов:

«Служба внешней разведки России провела в 1992–1994 годах активную операцию по публикации на Западе и у нас книги об Орлове-Никольском „Роковые иллюзии“. В ней он выведен как герой, противник Сталина, не выдавший врагу известную ему советскую агентуру. У меня же все это вызывает, мягко говоря, скептическую реакцию, о чем неоднократно говорил сотрудникам СВР. Какая надобность перед молодым поколением работников разведки поднимать на щит перебежчика, укравшего у нашей разведки 60 тысяч долларов, что составляет сейчас примерно около миллиона долларов США. Вообще для любой спецслужбы вне зависимости от исторических условий ее деятельности крайне вредно для воспитания молодого поколения демонстрировать сочувственное отношение к любому перебежчику, какими бы мотивами и обстоятельствами это ни объяснялось. Любая разведка непримиримо относится к таким фактам. Авторы книги утверждают, что сотрудничество Никольского с американской контрразведкой было искренним, что он не раскрыл важнейшую агентуру — „Кембриджскую пятерку“. Она действительно не была им расшифрована, но только потому что Никольский боялся быть привлеченным к ответственности за использование фальшивых американских документов, которыми он пользовался, контактируя с Филби. При этом по понятным причинам он до конца отрицал свое участие в политических убийствах и терроре в Испании. Но американские-то спецслужбы, которым было все известно, закрывали на это глаза, ибо Никольский был нужен им в политической борьбе с Советским Союзом и его разведкой.

Никольский, безусловно, повел себя как предатель.; В обмен на гражданство и роль консультанта он „сдал“ американским полицейским органам важных агентов советской разведки в США, которые были задействованы в 1940-е годы. Станным мне кажется изложение разговора с ним сотрудника нашей разведки в США в 1960-е годы. Невозможно себе представить, чтобы он говорил Никольскому о моей и Эйтингона реабилитации. Во-первых, это не соответствовало действительности, во-вторых, советским разведчикам было категорически запрещено в 1953–1990 годах обсуждать судьбу Судоплатова и Эйтингона, а также их работу с кем-либо из агентов или даже эпизодических контактеров за рубежом».

Существуют и другие версии поведения Орлова в США, предположения, что он был личным, глубоко законспирированным агентом наркома Берия.

* * *

Вернемся в 1938-й. После побега Орлова начались изменения в резидентуре ИНО

НКВД в Испании. Новым резидентом стал Эйтингон-Наумов-Котов. Другой заместитель Орлова Наум Белкин в августе 1938 года был отозван в Москву и через полгода уволен из НКВД с формулировкой «за невозможностью использования». Григорий Сыроежкин в конце 1938 года был вызван в Москву, награжден орденом Ленина, а в феврале 1939 года арестован как польский шпион и расстрелян. Работавшая в Испании сотрудница ИНО Инна Беленькая (жена сотрудника «группы Яши» Самуила Перевозникова, сестра жены Серебрянского Полины Беленькой и Марка Беленького, бывшего эсера, заместителя наркома пищевой промышленности СССР Микояна), также как и все вышеупомянутые ее родственники, подлежала аресту, но успела покончить жизнь самоубийством.

* * *

Новому резиденту пришлось работать в тяжелой обстановке. С конца 1938 года взаимодействие советской разведки с испанскими спецслужбами пошло на убыль.

В начале 1939 года резидентура ИНО переехала из Мадрида в Барселону, ставшую прифронтовым городом. Для обеспечения надежной связи с Москвой радиостанцию резидентуры (на которой работал радист Николай Липовик) разместили в пригороде Барселоны.

Эйтингону, руководя резидентурой в конце уже проигранной войны, удалось добиться и успехов, которые особенно видны в перспективе. Он завербовал испанских троцкистов братьев Руанов, бывших анархистов, министров республиканского правительства Испании Гаодоспо Оливеро и Фредерико Амундсен и, а также Рамона Меркадера, вместе с которым впоследствии осуществит самую громкую свою операцию. Новый (и последний) руководитель резидентуры НКВД организовал переправку руководства Испанской республики и компартии в феврале 1939 года во Францию, советских специалистов в колонии Франции (а оттуда они выехали в СССР), вывоз в Москву золотого запаса Испании, насчитывавшего более полумиллиарда долларов. По воспоминаниям Судоплатова, с этим золотом были определенные сложности. В Москву пришло сообщение, что часть золотого запаса растратила сама резидентура, о чем доложили лично Сталину и Молотову, давшим указание Берии разобраться. Эйтингон ответил:

«Я не бухгалтер и не клерк. Пора Центру решить вопрос о доверии мне, а также испанским товарищам, каждый день рискующим жизнью в антифашистской войне во имя общего дела».

Ответ удовлетворил Центр, а золото было использованы для поддержки испанской эмиграции и для создания конспиративного аппарата во Франции, Мексике и странах Латинской Америки.

* * *

27 февраля 1939 года Англия и Франция признали правительство Франко и порвали дипломатические отношения с Испанской Республикой. Длившаяся два с половиной года гражданская война в Испании завершилась. Республиканская армия потеряла более 100 тысяч человек убитыми и умершими от ран, армия Франко-более 70 тысяч человек. Столько же солдат Национальной армии умерло от болезней. Можно предположить, что в республиканской армии потери от болезней были несколько меньше, поскольку по численности она уступала франкистской. Интернациональных бригад потеряли более 6,5 тысяч человек, среди советских советников и специалистов было убито, умерло от ран и пропало без вести 158 человек.

Эйтингон также перебрался во Францию. Несколько месяцев он восстанавливал то, что осталось от испанской агентурной сети НКВД. Тогда же ему удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой племянника главы испанской фашистской партии

Примо де Риверы, который до 1942 года был важным источником информации о планах Франко и Гитлера. Также он восстановил связь с завербованным в 1933 году в Англии советским разведчиком Арнольдом Дейчем членом «кембриджской пятерки» Гаем Берджессом (работавшим к 1938 году в английской разведке «Интеллидженс сикрет сервис»), которая была прервана в октябре 1937 года после отъезда Дейча из Лондона. «Пьер»-Эйтингон несколько раз встречался с Берджессом в Париже до марта 1939 года, когда англичанин был передан на связь легальному резиденту ИНО в Лондоне Анатолию Горскому.

* * *

За работу в Испании Эйтингон в ноябре 1937 года был награжден вторым орденом Красного Знамени. Под своим псевдонимом он упоминается в знаменитых мемуарах Ильи Эренбурга, бывшего в Испании корреспондентом «Известий», «Люди. Годы. Жизнь». Эренбург писал:

«Человека, которого звали в Испании Котовым, я остерегался — он не был ни дипломатом, ни военным».

Опубликованные в 1960-х, эти строки стали едва ли не единственным упоминанием в советской печати имени резидента нашей разведки в воюющей Испании.

Москва

Весной 1939 года Эйтингон вернулся в Москву. Вернулся некоторым образом в другую страну.

Репрессиям подверглись практически все руководители ИНО и многие ведущие разведчики. Были расстреляны бывшие начальники ИНО, находившиеся на другой работе, — Я. Х. Давтян (Наркоминдел), М. А. Трилиссер (Коминтерн), С. А. Мессинг (Наркомвнешторг). Р. П. Катанян, работавший в органах юстиции, провел в заключении и ссылке 17 лет. 13 мая 1937 г. был арестован бывший начальник ИНО А. Х. Артузов. Сменивший его А. А. Слуцкий 17 февраля 1938 г. неожиданно скоропостижно скончался в кабинете первого заместителя Ежова Фриновского. И. о. начальника ИНО был назначен майор госбезопасности С. М. Шпигельглаз. Но и он пробыл на этой должности немногим больше месяца. 28 марта 1938 г. его сменил старший майор госбезопасности З. И. Пассов. Шпигельглаз остался зам. начальника разведки, но в ноябре 1938 г. был арестован, а 29 января 1940 г. расстрелян. Погибли руководящие работники центрального аппарата ИНО Н. Г. Самсонов, Я. М. Бодеско, В. М. Горожанин, А. С. Славатинский, О. Я. Нодев, К. И. Сили, Н. М. Шнеерсон, Э. Я. Фурман, Ш. М. Партин, К. С. Баранский, Ю. Я. Томчин. Д. М. Смирнов, И. М. Кедров, резиденты в Лондоне — А. С. Чапский и Т. Малли (нелегал), в Париже — С. М. Глинский (Смирнов) и Г. Н. Косенко (Кислов), в Риме — М. М. Аксельрод (нелегал), в Берлине — Б. М. Гордон, в США — П. Д. Гутцайт (Гусев) и Б. Я. Базаров (нелегал), в Японии — И. И. Шебеко, выдающиеся: разведчики-нелегалы С. М. Перевозников, И. И. Исурин, И. Я. Рейф, Э. Альберт-Также, советники в Испании Г. С. Сыроежкин и Л. И. Озолин-Хаскин, начальники ИНО краевых и областных УНКВД А. П. Федоров (Ленинград), Б. Д. Богданов (Хабаровск), М. А. Листенгурт [(Ростов) и многие другие. Только в один день — 21 августа 1937 г. — были расстреляны А. Х. Артузов, М. С. Горб, Б. М. Гордон, Ф. Я. Карин, О. О. Штейнбрюк.

Были случаи самоубийств среди сотрудников (Ф. А. Гурский). Были репрессированы, но остались в живых Я. Я. Буйкис, И. К. Лебединский, Я. И. Серебрянский, Р. И. Соболев, М. С. Яриков, Г. Б. Графлен, Д. А. Быстролетов, И. Н. Каминский, П. А. Золотусский, П. Я. Зубов (Серебрянский, Каминский, Яриков, Соболев, Зубов были освобождены и

вернулись в разведку во время войны).

Были уволены из разведки (возвращены в годы войны) В. Г. Фишер, Р. И. Абель, В. П. Рошин, Г. И. Мордвинов, Н. М. Белкин, Э. С. Куцин. Остались в разведке с фактическим запретом на занятие руководящих постов В. Т. Яковлев, В. С. Гражуль, И. А. Ахмеров, Н. М. Бородин. Временно перешли на работу в контрразведку (также вернулись в разведку во время войны) Е. П. Мицкевич, Д. Г. Федичкин, А. М. Отрошенко. Были случаи отказа разведчиков вернуться в СССР (А. М. Орлов-Никольский, нелегальные резиденты в Голландии И. С. Порецкий-Рейсс и В. Г. Кривицкий, нелегальный резидент в Швейцарии М. А. Штейнберг, 2-й секретарь полпредства в Париже В. Соколин).

Всего в 1937–1938 гг. из 450 сотрудников (включая заграничный аппарат) было репрессировано 275, т. е. 60 % личного состава ИНО. Со многими ценными зарубежными агентами была прервана связь, восстановить которую удавалось далеко не всегда; в 1938 г. в течение 127 дней подряд из ИНО руководству страны не поступало информации.

После назначения 25 ноября 1938 г. наркомом внутренних дел Л. П. Берии первым зам. наркома и начальником ГУГБ был утвержден комиссар госбезопасности 3-го ранга В. Н. Меркулов. 22 октября 1938 г. был арестован начальник ИНО З. Пассов (расстрелян в феврале 1940 г.). Исполняющим обязанности начальника ИНО стал и. о. помощника начальника испанского отделения П. А. Судоплатов; он возглавлял разведку до 2 декабря 1938 г., когда начальником 5-го отдела (ИНО) ГУГБ был назначен комиссар госбезопасности 3-го ранга В. Г. Деканозов, одновременно занимавший должности начальника 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ и зам. начальника ГУГБ.

В 1939 г. структура 5-го отдела, включала в себя 17 отделений: 1-е — Германия, Венгрия, Дания; 2-е — Польша; 3-е — Франция, Бельгия, Швейцария, Голландия; 4-е — Великобритания; 5-е — Италия; 6-е — Испания; 7-е — Румыния, Болгария, Югославия, Греция; 8-е — Финляндия, Швеция, Норвегия; 9-е — Латвия, Эстония, Литва; 10-е — США, Канада, Мексика, Южная Америка; 11-е — Япония, Маньчжурия; 12-е — Китай, Синьцзян; 13-е — Монголия, Тува, 14-е — Турция, Иран, Афганистан; 15-е — техническая (научно-техническая) разведка; 16-е — оперативная техника; 17-е — визы и учет иностранцев.

13 мая 1939 г. не имеющий опыта разведывательной работы Деканозов был освобожден от должности начальника ИНО и назначен зам. наркома иностранных дел СССР. Его место занял старший майор госбезопасности П. М. Фитин.

Новый начальник разведки энергично взялся за порученное дело. В значительной мере удалось восполнить урон, нанесенный репрессиями, активизировать работу зарубежных резидентур. В первую очередь внимание было сосредоточено на подборе руководителей резидентур.

В 1939–1940 гг. за рубеж были направлены такие опытные разведчики как М. А. Аллахвердов, В. М. Зарубин, Е. Ю. Зарубина, А. М. Коротков, Б. А. Рыбкин, З. И. Рыбкина, Д. Г. Федичкин; многие молодые способные разведчики; Н. М. Горшков, Г. Н. Калинин, Е. И. Кравцов, А. И. Леоненко, В. Г. Павлов, А. К. Тренев и др. К середине 1940 г. работоспособность разведки была в основном восстановлена. В ее центральном аппарате в Москве работало 695 человек, 242 командировано за границу. Удалось укомплектовать 40 резидентур. Наиболее крупные из них действовали в США (18 человек), Финляндии (17), Германии (13 человек). К 1941 г. был восстановлен агентурный состав в Германии, Англии, США, Франции, Италии и Китае, насчитывающий свыше 600 различных источников.

* * *

Эйтингону непросто было в такой обстановке. О нем самом Петерс и Карахан дали показания как об английском шпионе. Это стало ему известно только через 17 лет, в 1956 году. Но слежку за собой заметил сразу. Вот как рассказывает об этом Судоплатов, только что назначенный заместителем начальника 5-го отдела;

«На следующий день, как только я пришел в свой новый кабинет, мне позвонил из дома Эйтингон, недавно вернувшийся из Франции.

— Павлуша, я уже десять дней как в Москве, ничего не делаю. Оперативный отдел установил за мной постоянную слежку. Уверен, мой телефон прослушивается. Ты ведь знаешь, как я работал. Пожалуйста, доложи своему начальству: если они хотят арестовать меня, пусть сразу это и делают, а не устраивают детские игры.

Я ответил Эйтингону, что первый день на руководящей должности и ни о каких планах насчет его ареста мне неизвестно. Тут же я предложил ему прийти ко мне, затем позвонил Меркулову и доложил о состоявшемся разговоре. Тот, засмеявшись, сказал:

— Эти идиоты берут Эйтингона и его группу под наружное наблюдение, а не понимают, что имеют дело с профессионалами.

Через десять минут по прямому проводу мне позвонил Берия и предложил: поскольку Эйтингон — подходящая кандидатура для известного мне дела, к концу дня он ждет нас обоих с предложениями».

Охота на Льва

Отношение Эйтингона к Троцкому, вероятно, менялось со временем.

Молодой коммунист и чекист видел наркомвоенмора в Гомеле, куда Лев Давидович приезжал в 1920 году во время наступления поляков, он учился академии в Москве, когда Троцкий был вождем Красной Армии. Работая в Стамбуле в 1929 году, он вел наблюдение за только что прибывшим туда Троцким.

Троцкий и на острове Принкипо, и во Франции, и в Норвегии был под присмотром ОГПУ-НКВД (операции за границей против Троцкого и его сторонников велись совместно Иностранным и Секретно-политическим отделами). За ним следили братья Соболевичюсы, выходцы из Литвы, они же Джек Собл и Ричард Соблен. С 1929 года в течение трех лет они были доверенными лицами Троцкого, имели доступ к шифрам, которыми он пользовался для переписки со своими сторонниками в СССР. Возможно, они подожгли (или помогли поджечь) в марте 1931 года дом Троцкого в Турции.

За сыном и ближайшим помощником Троцкого Львом Седовым (в ОГПУ-НКВД у него была кличка «Сынок», а у Троцкого — «Старик») следила группа нелегала ИНО НКВД болгарина Бориса Афанасьева (Атанасова), организовавшего в 1936–1938 годах похищение архивов Седова и Международного секретариата по созданию IV(троцкистского) Интернационала. В 1936–1937 годах чекистами была установлена аппаратура прослушивания телефонов на квартирах Седова и его ближайшей сотрудницы Лилии Эстриной. Ближайшим помощником, фактически личным секретарем Седова стал выходец из России Марк Зборовский (оперативные псевдонимы «Тюльпан», «Кант» и «Мак»), работавший в Международном секретариате троцкистов. В 1933 году он был завербован чекистами в Париже, после чего Сталин и другие советские руководители получили возможность читать как переписку Троцкого и Седова со своими сторонниками, так и написанные Троцким статьи еще до их публикации. Зборовский подготовил в ночь с 6 на 7 ноября 1936 года ограбление архива Троцкого в Париже (по свидетельству Судоплатова, им руководил Серебрянский).

Внимательно следя за деятельностью Троцкого за границей, Сталин в какой-то момент пришел к выводу о необходимости физического уничтожения своего противника. Доктор философских и исторических наук Дмитрий Волкогонов (идеологическая метаморфоза бывшего заместителя начальника Главного политуправления Советской армии, ставшего яростным антикоммунистом, у многих вызывает справедливое возмущение, но факт доступа его, одного из немногих, к секретнейшим архивам заставляет относиться к приводимым им документам с вниманием) считал, что уже в начале 1935 года заместитель начальника ИНО НКВД Сергей Шпигельглаз получил устное задание от наркома Ягоды, которое тот в свою очередь получил от Сталина — побыстрее ликвидировать Троцкого.

Сталина могла крайне раздражать поступающая к нему информация о Троцком и его окружении. Например, донесение Зборовского в Москву от 1 февраля 1937 года:

«С 1936 года „Сынок“ не вел со мной разговоров о терроре. Лишь недели две-три тому назад, после собрания группы, „Сынок“ снова заговорил на эту тему. В первый раз он только теоретически старался доказать, что терроризм не противоречит марксизму. „Марксизм, — по словам „Сынка“, — отрицает терроризм постольку, поскольку условия классовой борьбы не благоприятствуют терроризму, но бывают такие положения, в которых терроризм необходим“. В следующий раз „Сынок“ заговорил о терроризме, когда я пришел к нему на квартиру работать. Во время читки газет „Сынок“ сказал, что так как весь режим в СССР держится на Сталине, то достаточно убить Сталина, чтобы все развалилось. Он неоднократно возвращался и подчеркивал необходимость убийства Сталина».

Правда, сам Троцкий в 1935 году в статье об убийстве Кирова, размышляя о том, способен ли террористический акт изменить характер режима в СССР, писал, что убийство Сталина ничего не даст, так как его заменят «одним из Кагановичей», которого советская печать в кратчайшие сроки сделает гениальным. Это вполне справедливое (хотя и не очень уважительное по отношению к Лазарю Моисеевичу) замечание вроде бы противоречит рассуждениям Седова, но Сталин, видимо, доверял более поздней информации, не предназначенной для печати.

Возможно, для Седова такие разговоры стали роковыми. В феврале 1938 года он скоропостижно скончался в Париже на операционном столе. На Западе, а теперь и в России сложилась устойчивая версия о его убийстве по приказу НКВД. В последние годы обнаруженные документы ставят ее под сомнение.

Отрицал факт убийства Седова и Павел Судоплатов:

«Легко предположить, конечно, что Седов был убит, но лично я не склонен этому верить. И причина тут самая простая. Троцкий безоговорочно доверял сыну, поэтому за ним велось плотное наблюдение с нашей стороны, и это давало возможность получать информацию о планах троцкистов по засылке агентов и пропагандистских материалов в Советский Союз через Европу. Его уничтожение привело бы к потере нами контроля за информацией о троцкистских операциях в Европе».

Впрочем, на каждую версию есть контрверсия. Историки Александр Колпакиди и Дмитрий Прохоров предполагают, что Седов был ликвидирован «группой Яши», подчинявшейся лично наркому, так что в ИНО могли и не знать.

* * *

Операция по ликвидации самого Троцкого продолжалась и после его отъезда из Европы в Мексику. По разработанному Шпигельглазом плану в начале 1938 года в секретариат Троцкого была внедрена испанка Мария де Лас Эрас Африка («Патрия»), завербованная советской разведкой в Испании в 1937 году. Летом того же года в Мексику из Нью-Йорка прибыли еще двое агентов — также завербованный в Испании Иосиф Григулевич («Фелипе»), который, как мы помним, в качестве переводчика уже помогал ликвидировать Андреса Нина, и Виторио Видали («Марио») с заданием закрепиться в Мексике и ждать контакта с представителем Москвы.

В мексиканское окружение Троцкого пытались также внедрить Зборовского, но «Тюльпану» это не удалось и он остался в Париже.

Теперь нам надо вернуться к бежавшему в США Орлову, которому были известны некоторые детали готовящейся операции по ликвидации Троцкого. В декабре 1938 года он отправил Троцкому письмо, написанное от имени американца Штейна, жителя Сан-Франциско, родственника бежавшего в июне 1938 года в Маньчжурию к японцам начальника управления НКВД по Дальневосточному краю комиссара госбезопасности 3-го

ранга Генриха Люшкова. Мнимый Штейн сообщал Троцкому, что среди членов парижской организации троцкистов есть агент НКВД. Лилия Эстрин, находившаяся в то время у Троцкого, вспоминала об этом письме следующее:

«Штейн имел якобы свидания с Люшковым до того, как тот оказался в Японии. Люшков вроде бы просил предупредить об угрозе, нависшей над „Стариком“, и прежде всего от человека, которого зовут „Марком“. Фамилию „Марка“ Люшков не помнит».

Далее в письме следовали точные приметы Зборовского. Штейн предупреждал Троцкого о готовящем покушении (которое совершит либо приехавший из Парижа «Марк», либо некий испанец, выдающий себя за троцкиста) и предлагал ему дать объявление в местной газете, по которому он мог узнать, что его послание получено. Троцкий поместил в газете следующее объявление:

«Ваше письмо получено и принято к сведению. Прошу явиться для личных переговоров».

Однако автор письма к Троцкому не приехал, после чего тот посчитал письмо провокацией и не изменил своего отношения к Зборовскому.

В Москве об этом сигнале Троцкому узнали через год из донесения парижской резидентуры ИНО в июне 1939 года (вернувшись в Париж Эстрина рассказала Зборовскому о доносе на него), после чего новое руководство ИНО (Шпигельглаз был арестован в ноябре 1938 года, видимо, из-за отсутствия результатов в подготовке убийства Троцкого, также был отозван и арестован резидент ИНО в Нью-Йорке Петр Гутцайт, координировавший из США операцию) отозвало из Мексики «Патриу», «Фелипе» и «Марио», а проведение самой операции «заморозило». Де Лас Эрас (успевшая сделать план комнат дома, в котором жил Троцкий) и Григулевич уехали из Мексики, а Видали при пересечении мексиканско-американской границы из-за плохо оформленных документов был арестован, но вскоре благодаря сотрудникам нью-йоркской резидентуры ИНО освобожден и выслан обратно в Мексику.

После ареста Шпигельглаза новый нарком НКВД Лаврентий Берия поручил выполнение операции Павлу Судоплатову, которого в начале 1939 года должны были исключить из партии. Но вместо исключения и ареста Судоплатов, оставшийся заместителем начальника 4-го отделения ИНО, в мае 1939 года присутствовал вместе с Берией на исторической встрече со Сталиным, встрече, имевшей колоссальное значение в судьбах ее участников, Троцкого и Эйтингона.

Вот как вспоминал об этой беседе сам Павел Анатольевич:

«Разговор продолжил Сталин.

— В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Он снова занял свое место напротив нас и начал неторопливо высказывать неудовлетворенность тем, как ведутся разведывательные операции. По его мнению, в них отсутствовала должная активность. Он подчеркнул, что устранение Троцкого в 1937 году поручалось Шпигельглазу, однако тот провалил это важное правительственное задание.

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

— Троцкий, или, как вы его именуєте в ваших делах, „Старик“, должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну.

У нас нет исторического опыта построения мощной индустриальной и военной державы одновременно с укреплением диктатуры пролетариата, — продолжил Сталин, и после оценки международной обстановки и предстоящей войны в Европе он перешел к

вопросу, непосредственно касавшемуся меня. Мне надлежало возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого, находившегося в это время в изгнании в Мексике. Сталин явно предпочитал обтекаемые слова вроде „акция“ (вместо „ликвидация“), заметив при этом, что в случае успеха акции „партия никогда не забудет тех, кто в ней участвовал, и позаботится не только о них самих, но и обо всех членах их семей“.

Когда я попытался возразить, что не вполне подхожу для выполнения этого задания в Мексике, поскольку совершенно не владею испанским языком, Сталин никак не прореагировал.

Я попросил разрешения привлечь к делу ветеранов диверсионных операций в гражданской войне в Испании.

— Это ваша обязанность и партийный долг находить и отбирать подходящих и надежных людей, чтобы справиться с поручением партии. Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Докладывайте непосредственно товарищу Берии и никому больше, но помните, вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас. Вы лично обязаны провести всю подготовительную работу и лично отправить специальную группу из Европы в Мексику. ЦК санкционирует представлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде.

Аудиенция закончилась, мы попрощались и вышли из кабинета. После встречи со Сталиным я был немедленно назначен заместителем начальника разведки. Мне был выделен кабинет на седьмом этаже главного здания Лубянки под номером 755 — когда-то его занимал Шпигельглаз».

* * *

Судоплатов привлек Эйтингона к операции в Мексике. На предложение Судоплатова Эйтингон согласился незамедлительно. Впоследствии Судоплатов так мотивировал свой выбор:

«Эйтингон был идеальной фигурой для того, чтобы возглавить специальную нелегальную резидентуру в США и Мексике. Подобраться к Троцкому можно было только через нашу агентуру, осевшую в Мексике после окончания войны в Испании. Никто лучше его не знал этих людей. Работая вместе, мы стали близкими друзьями».

9 июля 1939 года Судоплатов и Эйтингон разработали «План агентурно-оперативных мероприятий по делу „Утка“» (именно Эйтингон и придумал название операции против Троцкого — «Утка», в значении «дезинформация»), который был доложен Сталину и одобрен им в начале августа 1939 года. В «Плане» говорилось следующее:

«В результате просмотра всех материалов, имевшихся в 5-м отделе ГУГБ по „разработке и подготовке ликвидации „Утки““, установлено, что привлекавшиеся по этому делу люди использованы быть не могут.

Настоящий план предусматривает привлечение новых людей и будет построен на новой основе.

Цель: ликвидация „Утки“.

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы.

Люди: организатор и руководитель на месте „Том“ (Эйтингон — авт.).

Вместе с „Томом“ в страну выезжают „Мать“ и „Раймонд“»...

В плане рассказывалось о методах изучения ближайшего окружения и обстановки вокруг дома Троцкого и прилагалась смета расходов — 31 тысяча американских долларов на

6 месяцев.

План подписали начальник ИНО Павел Фитин, его заместитель Павел Судоплатов и Наум Эйтингон (должности и воинские звания не упоминались). План был отпечатан Судоплатовым в одном экземпляре, о чем свидетельствует соответствующая пометка на документе.

Судоплатов планировал использовать в операции завербованных Эйтингоном троцкистов. Но Эйтингон категорически выступил против, считая возможным использовать только тех агентов в Западной Европе, Латинской Америке и США, которые никогда не участвовали ни в каких операциях против Троцкого, и предложил свой план организации двух самостоятельных групп. Первую, под названием «Конь», должен был возглавить мексиканский коммунист, участник гражданской войны в Испании, знаменитый впоследствии художник Давид Альфаро Сикейрос. Вторую группу — «Мать» планировалось поручить Каридад Меркадер. Эта испанка происходила из аристократической семьи. Порвав с богатым мужем, она примкнула к анархистам, а затем эмигрировала в Париж, где поселилась со своими четырьмя детьми в начале 30-х годов, зарабатывая вязанием. В Париже она вступила в компартию Франции. В 1936 году она вернулась в Барселону, где вновь стала анархистской. Во время войны она была тяжело ранена во время воздушного налета, а ее старший сын погиб в бою. Младший сын Луис приехал в Москву вместе с другими испанскими детьми, дочь жила в Париже. В Испании Каридад и ее среднего сына Рамона, майора республиканской армии, привлек к сотрудничеству Эйтингон, и отправил их летом 1938 года из Барселоны в Париж. 24-летний Рамон должен был играть роль Жака Морнара, сына бельгийского дипломата, спортивного фотокорреспондента бельгийского пресс-агентства, враждебно относящегося к любой власти и вследствие этого материально поддерживающего «крайне левых» (например, троцкистов). Таким образом Рамон, по подсказке братьев Руанов, и с помощью агента НКВД Руби Вайль, познакомился с гражданкой США Сильвией Агелов (Аджелофф, Эджелофф), дочерью предпринимателя, выходца из России, профессиональным психологом. Она была близко знакома с Троцким, благодаря тому, что ее старшая сестра Рут исполняла обязанности секретаря Льва Давидовича. Сильвия принимала участие в подготовке учредительной конференции IV Интернационала в качестве переводчика. Тогда же Меркадер свел знакомство с близкими к Троцкому бывшими деятелями французской компартии супругами Альфредом и Маргерит Росмер.

По словам Судоплатова, обе группы — «Конь» и «Мать» «не общались и не знали о существовании друг друга». Встал вопрос о связях агентов, предназначенных для участия в операции «Утка», с резидентурами ИНО в США и Мексике. Эйтингон настаивал на полной автономности агентов. Судоплатов, соглашаясь, обращал внимание на возникающие в связи с этим финансовые проблемы. По его подсчетам, «дня перебазирования и оснащения групп необходимо было иметь не менее трехсот тысяч долларов». Эйтингон предложил выход. Судоплатов вспоминал: «для создания надежного прикрытия Эйтингон предложил использовать в операции свои личные семейные связи в США. Его родственники имели большие льготы от советского правительства с 1930 вплоть до 1948 года при участии в пушных аукционах-ярмарках в Ленинграде. Мы изложили наши соображения Берии, подчеркнув, что в окружении Троцкого у нас нет никого, кто имел бы на него прямой выход. Мы не исключали, что его резиденцию нам придется брать штурмом. Раздосадованный отзывом агента „Патрии“ из окружения Троцкого, согласившись на использование личных связей Эйтингона, Берия неожиданно предложил нам использовать связи Орлова, для чего мы должны обратиться к нему от его имени. Орлов был известен Берии еще по Грузии, где командовал пограничным отрядом в 1921 году (ошибка памяти Судоплатова — Орлов командовал погранохраной в Сухуми в 1925–1926 годах, Берия в 1921 году был зампредом Азербайджанской ЧК. — авт.). Эйтингон решительно возражал, и не только по личным мотивам: в Испании у него с Орловым были натянутые отношения. Он считал, что Орлов, будучи профессионалом, участвовавшим в ликвидациих перебежчиков, наверняка не поверит

нам, независимо от чьего имени мы к нему обратимся. Более того, заметив слежку или любые попытки выйти на него, он может поставить под удар всех наших людей. Скрепя сердце Берия вынужден был с нами согласиться. В результате переданный мне Берией приказ инстанции гласил: оставить Орлова в покое и не искать никаких связей с ним».

Тогда же Берия приказал Судоплатову выехать вместе с Эйтингоном в Париж, чтобы на месте определить готовность группы, отправляемой в Мексику. По фальшивым документам, изготовленным в отделении «паспортной техники» ИНО (им руководил уже упоминавшийся Георг Миллер) в июне 1939 года оба выехали из Москвы (забавная деталь: по словам Судоплатова, «Эйтингон как ребенок радовался тому, что одна из его сестер, хроническая брюзга, не пришла на вокзал проводить его. В их семье существовало суеверное убеждение, что любое дело, которое она благословляла своим присутствием, заранее обречено на провал»). Доехав по железной дороге до Одессы, разведчики на корабле приплыли в Афины, а из столицы греческого королевства уже с другими документами и на другом пароходе — в Марсель, откуда на поезде прибыли, наконец, в Париж. Там состоялось знакомство Судоплатова с сыном и матерью Меркадер, и членами группы Сикейроса. Судоплатов в июле вернулся в Москву, а Эйтингон (оперативный псевдоним «Том») по его предложению на месяц остался с Меркадерами, для их ознакомления с азбукой агентурной работы — разработкой источника, вербовкой агентуры, обнаружения слежки, изменения внешности.

Пройдя такой курс лекций, в августе 1939 года Каридад и Рамон Меркадеры из французского портового города Гавра отправились в Нью-Йорк. Эйтингону, жившему в Париже с польским паспортом, выехать сразу не удалось. С сентября 1939 года началась вторая мировая война. Немецкие войска вступили на территорию Польши. Эйтингон, как польского беженец, подлежал мобилизации во французскую армию или интернированию как иностранец. Получить визу на выезд из Франции для подданного доживавшего последние дни польского государства стадо проблемой, и Наум Исаакович вынужден был перейти на нелегальное положение. 8 сентября в парижскую резидентуру пришла телеграмма Берии с приказом о приостановлении операции «Утка» и возвращении «Тома» в Москву. Удивительно, но приказ не был выполнен. Эйтингон укрылся в советском посольстве, а вскоре ситуация изменилась.

Помощь подоспела от резидента ИНО в Париже Льва Петровича Василевского (оперативный псевдоним «Тарасов»), Соратник Эйтингона по Испании работал под дипломатическим прикрытием — генеральным консулом. Пока он готовил Эйтингону документы для поездки в Америк), в течение месяца «Том» скрывался в психиатрической больнице (главным врачом которой был русский эмигрант) под видом душевнобольного сирийского еврея (кем только не приходилось притворяться разведчику! Для этого использовали поддельный французский вид на жительство, добытый с помощью агента «группы Яши» англичанина Моррисона, жившего в Париже и имевшего связи в полиции). По гуманным французским законам, в армии психически больному служить было нельзя, а получить заграничный паспорт имел полное право. Впрочем, оставался риск не получить американскую визу.

Единственным контактом парижской резидентуры с консульством США был швейцарский бизнесмен Шарль Мартен. Под этим именем жил бывший сотрудник нелегальной разведки, капитан госбезопасности Матвей Штейнберг. Опасаясь репрессий, он не вернулся из Швейцарии в 1938 году. Василевский отправил на встречу с бывшим коллегой в Лозанну нелегала ИНО Тахчианова. Безопасность встречи обеспечивал еще один нелегал — Михаил Аллахвердов, сослуживец Эйтингона по Восточному отделу ОГПУ и соученик по Военной академии. Встреча прошла в нервной обстановке. Штейнберг боялся покушения и готов был застрелить Тахчианова. Но все-таки разведчики пришли к согласию. Штейнберг обещал помочь сирийскому еврею с визой, не опознав знакомого ему Эйтингона на фотографии в паспорте (Наум Исаакович изменил прическу и обзавелся усами). Уже через неделю Штейнберг выполнил свое обещание, и Тахчианов привез визу в Париж. С Эйтингоном Штейнбергу было суждено встретиться более чем через десятилетие при не

самых благоприятных обстоятельствах.

Нью-Йорк

В октябре 1939 года из воюющей Франции Эйтингон с иракским паспортом прибыл в еще нейтральные Штаты. Поселившись в Нью-Йорке, он открыл в Бруклине (районе с большим количеством еврейского населения) импортно-экспортную фирму, через которую поддерживал контакты с Центром. С этой фирмой установил «деловые контакты» Рамон Меркадер, ставший теперь канадцем Фрэнком Джексоном и приехавший в Нью-Йорк из Мексики для получения денег от Эйтингона. Через месяц, в ноябре 1939 года. Эйтингон выехал в Мексику, куда еще раньше из Франции приехала Кариад Меркадер. Перед отъездом Эйтингон получил из Москвы указания, датированные 11 ноября, в 5-м пункте которых, в частности, говорилось:

«Свою научную работу продолжайте ... Имейте в виду, что всякая научно-исследовательская работа, тем более в области сельского хозяйства, требует терпения, вдумчивости и умения ожидать результатов. Готовясь к снятию урожая, помните, что плод должен быть полностью созревшим. В противном случае вкус плода будет плохой и Ваша научная работа не достигнет цели. Если нет уверенности, лучше выжидайте полного созревания. Чтобы внезапная буря не разрушила Ваши плантации, подыщите или создайте подходящую и надежную оранжерею, в которой займитесь исследовательской работой. Не делайте непродуманных экспериментов, идите к получению результатов наверняка, и тогда Вы действительно внесете ценный вклад в науку, но обязательно с таким расчетом, чтобы Ваши опыты не отразились на Вашем здоровье и здоровье Ваших ассистентов» (по свидетельству Судоплатова, весь этот пункт был написан Меркуловым, слова о здоровье принадлежат Берию).

В Мексике Эйтингон вступил в контакт с группой Сикейроса и установил прямую радиосвязь с Москвой при помощи двух радистов-нелегалов (Судоплатов отмечал плохое качество связи из-за несовершенной радиоаппаратуры). На квартире испанской эмигрантки Марты Меллер, исключенной в ходе склок среди испанской эмиграции в Мексике из компартии, Эйтингон оборудовал свою оперативную базу, где хранил документы, деньги и разрабатывал планы операций.

* * *

Владелец фирмы разрабатывал планы проникновения на виллу знаменитого мексиканского художника Диего Риверы в пригороде Мехико Койоакане, на которой жил Троцкий. Другой великий мексиканский мастер холста и красок — Сикейрос готовился штурмовать виллу. Параллельно Меркадер-Джексон, не знавший о группе Сикейроса, завязал романтические отношения с Сильвией Агелоф, чтобы проникнуть через нее в окружение Троцкого, и достиг успеха еще в Париже. Молодые люди вместе ездили в Нью-Йорк, где Эйтингон наблюдай за ними в ресторане, не вступая в контакт.

* * *

Наступил новый, 1940-й год. Количество нелегалов советской разведки в Мексике пополнилось Иосифом Григулевичем («Юзиком»), приехавшим в Мексику в апреле. Подозрений ни у кого это не вызвало. Отец Григулевича, давно эмигрировавший из Литвы, владел в Аргентине большой аптекой. Если бы троцкисты знали, что направил «Юзика» в Мексику сам нарком Берия, на даче которого познакомились Иосиф Ромуальдович и Павел Судоплатов!

Войдя в оперативное подчинение Эйтингона, «Юзик» организовал новую, третью по счету, резервную сеть нелегалов для проведения операций в Мексике и Калифорнии,

поддерживая контакт с группой Сикейроса, которую он снабжал оружием и боеприпасами. Григулевич нашел себе хорошего друга — одного из охранников Троцкого американца Роберта Шелдона Харта (агента ИНО НКВД по кличке «Амур», завербованного в Нью-Йорке). Григулевич убедил Харта открыть ему во время своего ночного дежурства ворота виллы в Койоакане, подкрепив свои аргументы большой суммой денег.

В мае 1940 года Эйтингон отдал группе Сикейроса приказ убить Троцкого. В ночь на 24 мая группа из 20 человек, в форме мексиканской полиции и армии, во главе с Григулевичем и Сикейросом подъехала к вилле на четырех автомобилях, с автоматами, зажигательными бомбами, штурмовыми лестницами и дисковой пилой. Григулевич, подойдя к воротам, позвал дежурного Харта. Тот открыл входную дверь, и боевики ворвались в дом, где первым делом перерезали телефонные провода. Далее они направились во внутренний дворик (патио) и начали оттуда стрелять из автоматов по дому, в частности по спальне Троцкого, выпустив более 200 пуль. Лев Давидович и его жена Наталья Ивановна Седова упали на пол, где лежали, не двигаясь. Пять американцев — охранников Троцкого, захваченные врасплох, не оказали нападавшим серьезного сопротивления.

Через 20 минут, после того, как закончились патроны, группа «Конь» ушла с места нападения, оставив несколько зажигательных бомб и заряд динамита, которые, впрочем, не сработали. Вскоре прибыли мексиканские полицейские, которые установили, что замок в воротах и двери в доме целы, а охранник Харт исчез. Нашли его через месяц. Труп американца обнаружили около деревни Санта-Роса в местечке Ранчо-де-Тланинилапа, где жил напарник Сикейроса электрик Мариано Васкес. Полицейские правильно определили роль Харта в этой истории. Отец Харта заявил, что его сын был сторонником Сталина, портрет которого висел в его нью-йоркской квартире. Троцкий не поверил в предательство Харта и приказал прикрепить у входа в дом мемориальную табличку с надписью:

«В память Роберта Шелдона Харта, 1915–1940. убитого Сталиным».

Харт был убит во сне двумя пулями в голову шурином Сикейроса Луисом Ареналем. В марте 1954 года это подтвердил Эйтингон на допросе в Москве:

«Во время операции было выявлено, что Шелдон оказался предателем. Хотя он и открыл дверь калитки, однако в комнате, куда он привел участников налета, не оказалось ни архива, ни самого Троцкого. Когда же участники налета открыли стрельбу, Шелдон заявил им, что если бы знач все это, то он, как американец, никогда не согласился бы участвовать в этом деле. Такое поведение послужило основанием для принятия на месте решения о его ликвидации. Он был убит мексиканцами».

Еще позже Григулевич рассказал своему коллеге по Госкомитету по культурным связям с зарубежными странами, дипломату и писателю Юрию Пагурову:

«— А что было с ним делать? Ведь его нужно было спрятать и потом нелегально вывозить из Мексики. Словом, хлопот не оберешься! И потом, влезь в шкуру Сикейроса. Ведь он телеграфировал в Москву, что Боб Шелдон их предал, и потому стреляли они в пустую кровать. Москва приказала: предателя расстрелять! Что мы и сделали».

Судоплатов находился в Москве, но знал, что и как происходило в Мексике. Вот его свидетельство:

«Харт был ликвидирован, поскольку знач Григулевича и мог нас выдать. Инцидент закончился арестом лишь Сикейроса, что дало хорошее прикрытие для продолжения действий Григулевича и Меркадера, все еще не знавших о существовании друг друга».

Покушение сорвалось из-за того, что группа захвата не была профессионально подготовлена для конкретной акции. Эйтингон по соображениям конспирации не принимал участия в этом нападении. Он бы наверняка скорректировал действия нападавших. В группе Сикейроса не было никого, кто бы имел опыт обысков и проверок помещений или домов. Членами его группы были крестьяне и шахтеры с элементарной подготовкой ведения партизанской войны и диверсий».

Сообщение о провале покушения поступило в Москву при своеобразных обстоятельствах. Эйтингон передал зашифрованное сообщение по радиосвязи. Через советский корабль, стоявший в гавани Нью-Йорка, шифрограмма была передана в парижскую резидентуру. Резидент Василевский отправил сообщение в Москву, но видимо, не в первую очередь, так как не знал шифра.

8 июня за подписью Берии Сталину и Молотову было направлено спецсообщение:

«24 мая 1940 г. произведено нападение на дом Троцкого в Мехико. Наиболее полно обстоятельства освещает американская газета „Уорлд Телеграф“. Приводим выдержки (...)

По существу происшедшего нами получено из Америки донесение нашего человека. Копия донесения прилагается».

В приложенном донесении говорилось:

«а) О нашем несчастье Вы знаете из газет подробно. Отчет Вам будет дан, когда я или „Филипе“ выберемся из страны.

б) Пока все люди целы, и часть уехала из страны.

в) Если не будет особых осложнений, через 2–3 недели приступим к исправлению ошибки, т. к. не все резервы исчерпаны.

г) Для окончания дела мне нужны еще 10–15 тыс. (долларов), которые нужно срочно прислать.

д) Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по вашему первому требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания.

30 мая. Том».

Нельзя не отметить мужественный подход и высокое чувство ответственности «Тома» — Эйтингона.

О дальнейшем рассказал Павел Анатольевич Судоплатов:

«...Берия и Сталин узнали о неудавшемся покушении из сообщения ТАСС. Не помню точной даты, очевидно, это было майским воскресеньем 1940 года. Меня вызвали на дачу к Берии — за мной прислали его машину. На даче были гости: Серов, тогдашний нарком внутренних дел Украины, и Круглов, заместитель Берии по кадрам; Берия (...) прошел со мной в дальний угол сада. Он был взбешен. Глядя на меня в упор, он начал спрашивать о составе одобренной мною в Париже группы и о плане уничтожения Троцкого. Я ответил, что профессиональный уровень группы Сикейроса низок, но это люди, преданные нашему делу и готовые пожертвовать ради него своими жизнями. Я ожидаю подробного отчета из Мексики по радиоканалам через день-два. После нашего разговора мы вернулись в столовую, и Берия приказал мне немедленно возвращаться на работу и информировать его сразу же, как только я узнаю о дальнейших событиях.

Через два дня я получил из Парижа краткий отчет Эйтингона и доложил Берии. Эйтингон сообщал, что он готов, при одобрении Центра, приступить к осуществлению альтернативного плана — использовать для ликвидации Троцкого основного из наших агентов-„аутсайдеров“ — Меркадера. Для выполнения этого плана необходимо было отказаться от использования Меркадера как нашего агента в окружении Троцкого и не внедрять новых: арест агента, пытавшегося убить Троцкого, мог означать провал всей агентурной сети, связанной непосредственно с Троцким и его окружением. Я почувствовал, что подобное решение ни я, ни Эйтингон не могли принять самостоятельно. Оно могло быть принято только Берией и Сталиным. (...)

Я изложил все это Берии. Сначала он никак не прореагировал. Я вернулся к себе в кабинет и стал ждать...

Ждать мне пришлось недолго. Всего через два часа я был вызван на третий этаж к Берии.

— Идемте со мной, — бросил он мне.

На этот раз мы поехали к Сталину на ближнюю дачу, находившуюся в получасе езды к западу от Москвы. Первая часть встречи была весьма недолгой. Я доложил о неудачной попытке Сикейроса ликвидировать Троцкого, объяснив, что альтернативный план означает угрозу потерять антитроцкистскую сеть в Соединенных Штатах и Латинской Америке после уничтожения Троцкого. Сталин задал всего один вопрос:

— В какой мере агентурная сеть в Соединенных Штатах и Мексике, которой руководит Овакимян, задействована в операции против Троцкого?

Я ответил, что операция Эйтингона, которому даны специальные полномочия самостоятельно вербовать и привлекать людей без санкции Центра, совершенно независима от Овакимяна, чья разведывательная деятельность под прикрытием нашей фирмы „Амторг“ осуществляется вне связи с акцией против Троцкого.

Сталин подтвердил свое прежнее решение, заметив:

— Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия.

Я подготовил текст телеграммы и добавил в конце:

„Павел шлет наилучшие пожелания“.

„Павел“ было кодовым именем Берии.

Когда в 1953 году меня арестовали, следователи, просматривая материалы операции „Утка“ в моих рабочих документах, хранившихся в сейфе, спросили, кто скрывался под именем „Павел“. Я не счел нужным подчеркивать, что Эйтингона высоко ценил Берия, который к этому времени был арестован и расстрелян, и сказал, что это мое имя, добавленное для подтверждения подлинности посылаемого сообщения.

Время было уже позднее, одиннадцать вечера, и Сталин предложил Берии и мне остаться на ужин. Помню, еда была самая простая. Сталин, подшучивая над тем, что я не пью, предложил мне попробовать грузинского вина пополам с шипучей водой „Лагидзе“. Эта вода ежедневно доставлялась ему самолетом из Грузии. Вопреки тому, что пишут о нем сейчас, Сталин вовсе не был в ярости из-за неудачного покушения на Троцкого. Если он и был сердит, то хорошо маскировал это. Внешне он выглядел спокойным и готовым довести до конца операцию по уничтожению своего противника, поставив на карту судьбу всей агентурной сети в окружении Троцкого».

Задача после провала акции 24 мая усложнилась. Была усилена охрана дома Троцкого. Высота стены вокруг дома была поднята с 10 до 15 футов. Стены виллы Троцкого обложили мешками с песком, на окнах и дверях установили стальные ставни, провели сигнализацию. В тридцати шагах от дома было выстроено специальное караульное помещение для отряда мексиканских полицейских. Вокруг дома установлено постоянное дежурство пяти полицейских патрулей.

Троцкий после покушения не прекратил своей деятельности. В июне-июле он несколько раз встретился с сотрудником американского консульства Макгрегором, которому сообщил имена рабочих лидеров и правительственных чиновников, связанных с Мексиканской компартией. Важной была сообщенная Троцким американскому дипломату информация о том, что в ЦК МКП работает представитель Коминтерна Карлос Контеро (псевдоним известного нам Витторио Видали).

* * *

После неудачи 24 мая Эйтингону пришлось сделать основную ставку на Меркадера. Рамон к этому времени был уже вхож в дом Троцкого. Он был лично представлен Льву

Давидовичу Сильвией (которая начала работать у него секретарем) 28 мая 1940 года, через четыре дня после нападения группы Сикейроса, и сумел произвести на свою будущую жертву хорошее впечатление. Рамон добровольно предложил себя для ликвидации Троцкого.

В Испании он научился стрелять и драться в рукопашном бою. На совместном совещании Эйтингона, Каридад и Рамона Меркадеров, на явочной квартире в Мехико, в качестве орудия убийства они решили использовать лож или альпинистский ледоруб, как бесшумные и легко проносимые через охрану.

Придумали они и мотив для убийства, с целью сокрытия связи убийцы с советской разведкой, и компрометации Троцкого и таким образом дискредитировать его движение. Было решено, что Рамон, если его схватят на месте покушения, заявит, что Троцкий убеждал Сильвию Агелоф не выходить замуж за Меркадера, а самого Меркадера агитировал вступить в международную террористическую организацию, готовившую убийство Сталина.

Эйтингон предложил следующий план покушения: он сам вместе с Каридад и пятью боевиками попытаются напасть на дом Троцкого, отвлечь стрельбой внимание охраны, а находящийся в доме Меркадер тем временем ликвидирует Троцкого. Меркадер не согласился с планом Эйтингона и убедил его, что сможет в одиночку убить Троцкого.

* * *

17 августа 1940 года Меркадер попросил Троцкого посмотреть написанную им статью. Троцкий согласился.

20 августа Меркадер принес Троцкому рукопись. Рассчитывая быстро сделать свое дело и скрыться, Рамон оставил свой автомобиль перед виллой, в 100 метрах от которой его ждал еще один автомобиль, в котором находились Каридад и Эйтингон.

О том, что произошло, когда Троцкий сел за письменный стол, существуют различные версии. Сам Меркадер на суде рассказывал следующим образом:

«Я положил свой плащ на стол таким образом, чтобы иметь возможность вынуть оттуда ледоруб, который находился в кармане. Я решил не упускать замечательный случай, который представился мне. В тот момент, когда Троцкий начал читать статью, послужившую мне предлогом, я вытащил ледоруб из плаща, сжал его в руке и, закрыв глаза, нанес им страшный удар по голове ...

Троцкий издал такой крик, который я никогда не забуду в жизни. Это было очень долгое „А-а-а ...“, бесконечно долгое, и мне кажется, что этот крик до сих пор пронзает мой мозг. Троцкий порывисто вскочил, бросился на меня и укусил мне руку. Посмотрите: еще можно увидеть следы его зубов. Я его оттолкнул, он упал на пол. Затем поднялся и, спотыкаясь, выбежал из комнаты ...».

Вот что рассказал он же через 29 лет, в 1969 году в Москве Судоплатову:

«Вопреки тому, что писалось о самом убийстве, Рамон не закрыл глаза перед тем как ударить Троцкого по голове небольшим острым ледорубом, который был спрятан у него под плащом. Троцкий сидел за письменным столом и читал статью Меркадера, написанную в его защиту. Когда Меркадер готовился нанести удар, Троцкий, поглощенный чтением статьи, слегка повернул голову, и это изменило направление удара, ослабив его силу. Вот почему Троцкий не был убит сразу и закричал, призывая на помощь. Рамон растерялся и не смог заколоть Троцкого, хотя имел при себе нож.

— Представьте, ведь я прошел партизанскую войну и заколол ножом часового на мосту во время гражданской войны в Испании, но крик Троцкого меня буквально парализовал, — объяснил Рамон.

Когда в комнату вбежала жена Троцкого с охранниками. Меркадера сбили с ног, и он не смог воспользоваться пистолетом. Однако в этом, как оказалось, не было необходимости. Троцкий умер на следующий день в больнице.

— Меня сбил с ног рукояткой пистолета один из охранников Троцкого. Потом мой адвокат использовал этот эпизод для доказательства того, что я не был профессиональным убийцей. Я же придерживался версии, что мною руководила любовь к Сильвии и что троцкисты растрачивали средства, которые я жертвовал на их движение, и пытались вовлечь меня в террористическую деятельность, — сказал мне Меркадер. — Я не отходил от согласованной версии: мои действия вызваны чисто личными мотивами».

Адвокат Меркадера Эдуардо Сенисерос рассказал в 1995 году корреспонденту «Комсомольской правды» Евгению Умеренкову со слов своего бывшего подзащитного:

«Когда Меркадер вошел вслед за Троцким в его кабинет, то запер дверь изнутри. Этого было достаточно, чтобы Троцкий понял, что на него сейчас нападут. Он потянулся к ящику письменного стола, в котором лежал пистолет. Всегда утверждалось, что удар был нанесен сзади. Но медэкспертиза показала, что это не так. Троцкий заслонился от удара руками и тем чуть-чуть ослабил удар. Наверное, поэтому он и прожил еще несколько часов. Так что удар Меркадер нанес, стоя лицом к лицу с Троцким.

Он мог бы убить его, как только вошел, но он хотел, чтобы Троцкий понял, что должно произойти.

— Значит, Троцкий догадался, что его собираются убивать?

— Однозначно. И Рамон дал ему это понять сознательно. Хотя он убил бы его в любом случае. Правда, он и сам не допускал возможности, что останется после покушения живым. Он готовился умереть и поэтому загодя не позаботился ни о какой защите. Потом он даже вытащил свой пистолет, чтобы спровоцировать огонь охраны, но сам в нее не стрелял, потому что не хотел других смертей.

— Почему он выбрал такое необычное орудие убийства — ледоруб?

— Какая-то ничтожная вероятность того, что после покушения он останется жив, все же допускалась. И тогда единственным путем для бегства оставалась высокая каменная стена. Для того, чтобы перебраться через нее, и нужен был ледоруб».

Когда охранники начали бить Меркадера, Троцкий, еще остававшийся в сознании, остановил их: «Оставьте, не убивайте его. Пусть он все расскажет», после чего Троцкого отвезли в больницу и прооперировали. Вечером того же дня он потерял сознание и через сутки, 21 августа 1940 года, скончался. Останки Троцкого были кремированы и захоронены в саду его дома в Койоакане, над могилой воздвигнута стелла с серпом и молотом. Через 22 года, в 1962 году там же была похоронена и жена Троцкого Наталья Ивановна Седова, пережившая мужа и обоих сыновей — умершего в парижской больнице Льва и расстрелянного в 1937 году на родине Сергея Седовых. Она еще успела направить в феврале 1956 года послание в адрес XX съезда КПСС с просьбой о реабилитации Троцкого.

* * *

Итак, задание было выполнено. Исполнитель был схвачен. Организаторам удаюсь скрыться. Эйтингон и Каридад, ожидавшие Рамона в машине неподалеку от виллы и наблюдавшие за домом, уехали, когда увидели шум в доме, полицию, и поняли, что Рамону уйти не удалось. Они уехали на Кубу, где перешли на нелегальное положение. Григулевич бежал из Мехико в Калифорнию.

О реакции Москвы вспоминал Судоплатов:

«Первое сообщение пришло к нам в Москву по каналам ТАСС. Затем, неделей позже, кодированное радиосообщение с Кубы прислал Эйтингон, снова через Париж. Мне было официально объявлено, что людьми Эйтингона и их работой наверху довольны, но участники операции будут награждены только после

возвращения в Москву. Что касается меня, то я был слишком занят в этот момент нашими делами в Латвии, чтобы дальше думать о деле Троцкого. Берия спросил меня, удалось ли Каридад, Эйтингону и Григулевичу спастись и надежно спрятаться. Я ответил, что у них хорошее укрытие, неизвестное Меркадеру. Арестовали Меркадера как Фрэнка Джексона, канадского бизнесмена, и его подлинное имя власти не знали в течение шести лет».

Свое исчезновение из Мексики сам Эйтингон описал в 1954 году на допросе после ареста:

«Примерно в 10 часов вечера мексиканское радио сообщило подробности покушения на Троцкого. Немедленно после этого Эйтингон и „Мать“ покинули столицу. Он выехал на Кубу по иракскому паспорту. Там получил болгарский паспорт и направился в Европу...»

Судоплатов излагает несколько другой ход событий:

«Эйтингон и Каридад получили приказ оставаться в подполье. Пол года они провели на Кубе, а затем морем отправились в Нью-Йорк, где Эйтингон использовал свои знакомства в еврейской общине для того, чтобы раздобыть новые документы и паспорта. Вместе с Каридад он пересек Америку и приехал в Лос-Анджелес, а потом в Сан-Франциско. Эйтингон воспользовался возможностью возобновить контакты с двумя агентами, которых он и Серебрянский заслали в Калифорнию в начале 30-х годов, и те взяли на себя обязанности связных с нелегальной агентурной сетью, которая добывала американские ядерные секреты с 1942 по 1945 год. В феврале 1941 года Эйтингон и Каридад на пароходе отплыли в Китай. В мае 1941 года, перед самым началом Великой Отечественной войны, они возвратились в Москву из Шанхая по Транссибирской магистрали».

Возможно, Эйтингон на допросе забыл или по каким-то причинам не упомянул о своем пребывании в США.

* * *

В конце мая 1941 года Эйтингон и Каридад Меркадер приехали в Москву на поезде из Харбина. На Казанском вокзале их встретил Судоплатов. Берия в своем кабинете принял Эйтингона и Каридад вместе с Судоплатовым. Эйтингон, по его словам, никаких отчетов не писал, а устно доложил Берия, а затем Всеволоду Меркулову (в феврале 1941 года из состава НКВД был выделен наркомат госбезопасности, который и возглавил бывший первый зам Берии, ставшего заместителем председателя Совнаркома СССР, остававшегося наркомом внутренних дел и куратором госбезопасности). Судоплатов написал для ЦК на полтора страницах рукописный отчет о ликвидации Троцкого. Тогда же, в мае 1941 года Эйтингон был назначен заместителем начальника созданного три месяца назад 1-го (разведывательного) управления НКГБ СССР.

Еще в августе 1940 года, сразу после успешного завершения операции «Утка», Сталин сказал:

«Мы будем награждать всех участников этого дела после возвращения домой. Что касается товарища, который привел приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности профессиональный революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время».

Берия, восприняв слова вождя как руководство к действию, после возвращения

участников операции в СССР, направил Сталину следующую записку:

«Сов. секретно
6 июня 1941 г.
ЦК ВКП(б) СНК СССР
Тов. Сталину И. В.

Группой работников НКВД в 1940 году было выполнено специальное задание.

НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания.

Прошу вашего разрешения.

Народный комиссар внутренних дел (Л. Берия)».

Резолюция Сталина была краткой:

«За (без публикации)».

Закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью председателя Михаила Ивановича Калинина и секретаря Александра Федоровича Горкина были награждены: орденом Ленина — Меркадер Каридад Рамоновна и Эйтингон Наум Исаакович; орденом Красного Знамени — Василевский Лев Петрович и Судоплатов Павел Анатольевич; орденом Красной Звезды — Григулевич Иосиф Ромуальдович и Пастельняк Павел Пантелеймонович (сотрудник нью-йоркской резидентуры ИНО под прикрытием вице-консула СССР).

Судоплатов так описывает процедуру награждения и то, что за ним последовало:

«17 июня 1941 года Эйтингон, Каридад и я были приглашены в Кремль, но не в Свердловский зал, как обычно, а в кабинет Калинина, где он вручил нам коробочки с орденами. Каридад и Эйтингон получили орден Ленина. Меня наградили орденом Красного Знамени. Такой орден был у меня уже вторым.

Приезд Эйтингона почти совпал с днем рождения моего старшего сына Андрея. Мы отмечали его на даче веселой компанией. Были Мельников и Эйтингон с женами. На день рождения пригласили и Каридад. Она привезла нам в подарок большое китайское блюдо».

По семейной легенде, во время торжественного вручения ордена Калинин сказал:

«Что бы ни случилось — помни: Советская власть позаботится о тебе и твоей семье...».

Судьба Сикейроса и Каридад Меркадер

В октябре 1940 года Сикейрос был арестован полицией в горах. Он признал свое участие в акции 24 мая, но утверждал, что целью нападения было не убийство Троцкого, а лишь уничтожение его архивов. Он заявил также, что этой акцией предполагалось вызвать «психологический шок» в стране и использовать его для изгнания Троцкого из Мексики.

Эту версию Сикейрос повторил и в своей автобиографической книге «Меня называли лихим полковником».

Оценивая спустя три десятилетия свои действия, Сикейрос писал:

«Я никогда не отрицал и не отрицаю того, что формально, если исходить из действующего законодательства, мое участие в нападении на дом Троцкого 24 мая 1940 года является преступлением. За это я пробыл долгое время в тюрьме, свыше

трех лет в изгнании, потерял большую сумму денег, внесенную в качестве залога, и подвергся оскорбительным нападениям во внешнем мире».

Фактически Сикейрос, приговоренный к длительному тюремному заключению, спустя год был освобожден из тюрьмы под денежный залог. Такое решение было принято генералом Мануэле Авила Камачо, недавно избранным президентом Мексики. Камачо предложил Сикейросу уехать из Мексики для работы по контракту за границей. Сикейрос с семьей отправился в Чили. Чилийская виза была получена с помощью поэта-коммуниста Пабло Неруды, занимавшего тогда пост генерального консула Чили в Мексике. Сикейрос вернулся в Мексику в 1944 году.

Сикейрос оставался другом СССР вплоть до своей смерти. В 1966 г. ему была присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

* * *

Каридад Меркадер после начала Великой Отечественной войны была эвакуирована в Уфу. В 1944 году она получила разрешение переехать в Мексику. Каридад была единственной из сотрудников советской разведки, которая 9 мая 1945 года, как «Клавдия», получила персональную телеграмму от Берии за подписью «Павел», поздравлявшего ее с Победой и сообщавшего об освобождении из фашистского концлагеря младшего сына Хорхе. Телеграмму Каридад вручил резидент советской разведки в Мексике Григорий Каспаров. Впоследствии Каридад переселилась в Париж, откуда два раза приезжала в гости к сыновьям, проживавшим в Москве. В Париже она и умерла в 1975 году. До самой смерти она получала пенсию от советского правительства.

В западной литературе сообщается о раскаянии, якобы испытываемом К. Меркадер. Там же муссируется вопрос о предположительно имевших место интимных отношениях Каридад Меркадер и советского разведчика На ума Эйтингона. Вот как прокомментировал этот сюжет Павел Судоплатов:

«Получили также распространение сплетни об интимных отношениях Каридад Меркадер и Эйтингона, о том, что якобы на этой основе Рамон принял участие в операции по ликвидации Троцкого. Я несколько раз писал Волкогонову, интересовавшемуся этим делом, по поводу вздорности этих измышлений, запущенных в оборот перебежчиком Н. Хохловым. Ведь мало кто знает, что Эйтингон по делам троцкистов работал за рубежом с оперативной женой, старшим оперуполномоченным ИНО Александрой Кочергиной — Шурой. И именно она привлекла к сотрудничеству с нами Каридад. Кочергина прекрасно знала и поддерживала отношения еще во Франции с Рамоном. Каридад и Шура дружили семьями и в Москве в 40-е годы. Измышления об „интимных“ отношениях Эйтингона с семьей Меркадеров сознательно запускались и у нас, и на Западе с целью очернить этих незаурядных людей, внесших существенный вклад не только в ликвидацию злейшего врага Советского Союза, но и в борьбу с фашизмом в трудное предвоенное время».

Война

Великую Отечественную войну Эйтингон встретил на посту заместителя начальника разведки. По свидетельству Судоплатова, за день до начала войны он получил приказ Берия о создании специальной группы для проведения в случае войны диверсионных акций в тылу противника. Эйтингону было поручена связь с Генштабом и командованием приграничных округов.

Вскоре вместе с Судоплатовым он занялся новой важнейшей в военных условиях работой. 5 июля 1941 года при наркоме НКВД была создана Специальная группа для

проведения актов террора и диверсий в тылу противника и за границей. Начальником группы был назначен старший майор госбезопасности Павел Судоплатов. Эйтингон был назначен его заместителем.

Также сразу после начала войны 26 июня (по другим данным — 27 июня) приказом НКВД были сформированы войска Особой группы. Начальником этих войск был назначен комбриг Павел Богданов, заместителем начальника (с октября 1941 года — начальник) полковник Михаил Федорович Орлов. Первоначально войска Особой, группы включали в себя две бригады, состоявшие из батальонов, которые, в свою очередь, делились на отряды, а отряды — на спецгруппы. Создание войск особой группы проходило под непосредственным контролем Судоплатова и Эйтингона.

В октябре 1941 года войска Особой группы были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН). Она состояла из двух мотострелковых полков: четырехбатальонного и трехбатальонного, со специальными подразделениями. К последним относились отряды спецназначения, школа младшего начсостава и специалистов, саперно-подрывная рота, авторота и рота связи. В октябре 1943 года бригада была полностью переориентирована на выполнение спецзаданий командования в тылу врага и переименована в Отдельный отряд особого назначения НКГБ СССР.

Эйтингон в это время выполнял особо важное задание в знакомой уже ему Турции. Он руководил подготовкой покушения на посла Германии в Турции Франца фон Папена.

Покушение на Папена

Немецкий посол в Турции Франц фон Папен родился 29 октября 1879 года в городе Верль, Вестфалия, в семье богатого помещика. После окончания юнкерского училища и стажировки в Генеральном штабе незадолго до начала Первой мировой войны получил назначение на пост военного атташе посольства Германии в США и одновременно резидента военной разведки и руководителя всей шпионской службы в США.

В начале Первой мировой войны Папен по указанию из Берлина развернул в Америке диверсионную деятельность. В 1915 году агенты американской контрразведки провели у Папена обыск и изъяли ряд документов. Папену пришлось покинуть Нью-Йорк.

Занимаясь во времена Веймарской республики политической деятельностью, он не имел больших успехов до марта 1930 года, когда стал членом немецкого правительства, возглавляемого лидером партии Центра Г. Брюнингом. 30 мая 1932 года, после отставки кабинета Брюнинга, фон Папен до ноября 1932 года был канцлером Германии, помогая нацистам прийти к власти. В июне 1932 года фон Папен вел в Париже переговоры относительно создания военного союза между Францией, Германией и Польшей, направленного против СССР.

В 1933 году фон Папен был назначен вице-канцлером и имперским комиссаром Пруссии. На этих постах он оставался до 1934 года, успев поспособствовать уничтожению германского парламента и Веймарской конституции, «творения дьяволов и евреев».

Во время «кровавой чистки» («ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года) Гиммлер приказал ликвидировать Папена, но Гитлер, считавший его полезным, отменил этот приказ. Были уничтожены лишь ближайшие сотрудники Папена. Он же был назначен послом в Австрию. В Вене в июле 1934 года он участвовал в заговоре против канцлера Дольфуса, который был убит. Но путч провалился, и фон Папен исчез из Вены. Он поселился в своем саарском имении, находившемся близко от французской границы. По инициативе начальника абвера адмирала Канариса (бывшего агента Папена в Нью-Йорке) весной 1939 года Гитлер назначил Папена германским послом в Анкару.

В Анкару Папен прибыл в апреле 1939 года вместе с группой тайных агентов, которые действовали в Персии, Турции, в странах арабского мира, организуя антианглийское движение от северо-западной границы Индии до Персидского залива. Гитлеровцам удалось поднять на восстания ряд племен, путем диверсий они пытались сорвать поставки в

Советский Союз через Иран.

Турция, несмотря на официально провозглашенный нейтралитет, занимала прогерманскую позицию. 18 июня 1941 года турецкое правительство заключило с Германией Пакт о дружбе и ненападении. Главной задачей фон Папена, которую поставил перед ним Гитлер, было склонить Турцию к войне против СССР на стороне Германии.

В Анкаре Папен активно занимался антисоветской деятельностью. Еще до его прибытия в Анкару в Турции действовали различные антисоветские группы. Он укрепил их людьми, бежавшими из Грузии и Азербайджана в начале 1920-х годов, организовал ряд «пярых колонн», в том числе «Лигу серого волка» и «Урало-алтайскую патриотическую ассоциацию». Его люди выполняли задания политического шпионажа и военной разведки, особенно в 1942 году, когда немцы вплотную приблизились к Кавказу.

Папен вел дипломатический зондаж в поисках путей для заключения сепаратного мира между Германией с одной стороны, и Англией и США — с другой. В начале 1942 года советской разведкой была получена информация о том, что близкий к фон Папену немецкий дипломат Г. от имени оппозиционной группы «Германия без Гитлера, но с военным правительством» предложил англичанам следующие условия мира:

- Британская империя сохраняется в неприкосновенности.
- Германия выводит войска из Чехословакии и Польши, оставив в их районе коридор, соединяющий ее территорию с Данцигом, и в районе Катовиц.
- Государства Восточной Европы восстанавливаются в довоенных границах.
- Прибалтийские государства объявляются самостоятельными.
- На этих условиях достигается договоренность и с СССР.

В результате начальник 4-го (диверсионного) управления НКВД Судоплатов получил приказ ликвидировать фон Папена.

Разработка и организация покушения на фон Папена была возложена на заместителя начальника 4-го управления НКВД Эйттингона, прибывшего в Анкару под фамилией Наумов, пол которой он уже работал в Турции в 1929–1930 годах. Его помощниками были резидент ИНО НКВД в Турции Лев Василевский и нелегал военной разведки Иван Винаров, во главе группы агентов-болгар, переброшенных в Турцию в сентябре — октябре 1941 года. Они должны были осуществить убийство фон Папена.

Авторы книги «Ликвидаторы» А. Колпакиди и Д. Прохоров так описывают покушение:

«24 февраля 1942 года болгарский боевик турецкого происхождения Омером Токата попытался совершить на фон Папена покушение. В 10 часов утра на главной улице Анкары — бульваре Ататюрка — он попытался приблизиться к направляющемуся в немецкое посольство фон Папену и бросить в него бомбу. Однако бомба, замаскированная под приемник „Телефункен“, взорвалась раньше времени у него в руках. Этим взрывом сам Токата был убит, а еще несколько человек ранено. При этом сам фон Папен и его жена, находившиеся на другой стороне улицы, были лишь сбиты с ног взрывной волной и отделались легким испугом. Буквально через минуту после взрыва они поднялись на ноги и продолжили свой путь в германское посольство.

Практически сразу после взрыва правительство Турции выступило со следующим официальным сообщением:

„24 февраля 1942 года. В 10 часов утра на бульваре Ататюрка в Анкаре взорвалась бомба, разорвав на части одного человека, который в этот момент проходил в указанном месте, неся что-то завернутое в руках. Полагают, что этот завернутый предмет был бомбой, которая разорвалась. Германский посол Папен и его жена, которые шли с противоположной стороны, находились на расстоянии 17 метров от места, где разорвалась бомба. От удара взрывной волны они упали на землю, но затем поднялись невредимыми и достигли здания посольства. Начато расследование обстоятельств взрыва. Министр внутренних дел и прокурор немедленно направились на место происшествия. Президент республики и глава правительства послали в германское посольство своих начальников кабинетов, а министр иностранных дел и генеральный секретарь министерства иностранных дел лично посетили

фон Папена. Тот факт, что взрыв произошел поблизости от фон Папена, побуждает прокурора серьезно обратить внимание следствия на возможность того, что злонамеренный акт был направлен против немецкого посла⁴.

Турецкие власти незамедлительно начали расследование обстоятельств неудавшегося покушения и вскоре выяснили, что за спиной террористов стояли советские спецслужбы. Турецкая полиция нашла на месте взрыва каблук от обуви Токата с клеймом гостиницы, где он провел последние дни. В результате был арестован руководитель Токата — некий студент Абдурахман, а затем и его помощник парикмахер Сулейман. На допросе Абдурахман показал, что в октябре 1941 года посетил советское посольство в Анкаре. Там он имел встречу со старшим помощником военного атташе майором авиации Новиковым, которому предложил купить документы о подготовке покушения на Сталина. Однако Новиков слушать его не стал и выгнал вон. Но вскоре Абдурахман изменил свои показания и стал утверждать, что после отказа Новикова купить документы он вместе с Токатой отправился в Стамбул, где был завербован сотрудниками советского генерального консульства и торгпредства Корниловым и Павловым, которые являлись главными организаторами неудавшегося покушения.

Турки немедленно предъявили советскому посольству ультиматум о выдаче Павлова и Корнилова для суда над ними. Первоначально советские официальные представители отклонили это требование, однако после четырехдневной осады посольства были вынуждены согласиться. Турецкие власти с необычайной поспешностью провели расследование и уже через пять недель предали Павлова, Корнилова, Абдурахмана и Сулеймана суду по обвинению в покушении на германского посла. На суде, который проходил с по 30 апреля 1942 года, Павлов и Корнилов категорически отрицали свою вину, в то время как Абдурахман и Сулейман ее подтверждали. В результате суд признал обвиняемых виновными в совершении преступления и приговорил Павлова и Корнилова к 20 годам тюремного заключения, а Абдурахмана и Сулеймана к 10 годам заключения каждого¹.

А через несколько дней после вынесения приговора турецкая полиция получила новую информацию о неудавшемся покушении. Дело в том, что 3 мая 1942 года сотрудник резидентуры ГРУ в Анкаре Исмаил Ахмедов попросил у турецких властей политического убежища. Пытаясь заслужить признательность турок, он рассказал им все, что знал о работе резидентур ГРУ и ИНО НКВД в Анкаре и Стамбуле, выдал двух нелегалов, с которыми работал в Турции и дал подробные показания о „деле Папена“. Ахмедов назвал имена основных организаторов покушения и причину, по которой оно не удалось. По его словам уровень подготовки Токата был крайне низок. Он слишком рано снял предохранитель мины, в результате чего взорвался сам».

Ахмедов раскрыл настоящее имя одного из осужденных по «делу Папена» — советского дипломата Павлова, которым был на самом деле сотрудник советской разведки Георгий Мордвинов.

После провала покушения Сталин и Берия были крайне недовольны Эйтингоном, но Судоплатову удалось отстоять своего заместителя.

В 1944 году Турция порвала дипломатические отношения, а затем объявила Германии войну. Президент Турции Исмет Иненю своим указом амнистировал Павлова и Корнилова, а также 100 захваченных турецкими спецслужбами советских агентов, работавших на ГРУ, НКВД, фронтовые и армейские разведорганы. В августе 1944 года Павлов и Корнилов были освобождены из тюрьмы и возвратились в Москву.

Судьба Папена сложилась следующим образом. После разгрома фашистской Германии

¹ Позднее, в ноябре 1942 года по кассационной жалобе Павлова и Корнилова турецкий кассационный суд отменил приговор из-за многочисленных нарушений процессуальных норм, допущенных при судебном разбирательстве, и направил дело на новое расследование. В результате приговор Абдурахману и Сулейману остался прежним, а Павлову и Корнилову срок заключения был сокращен до 16 лет.

в числе других главных военных преступников Франц фон Папен был передан Международному военному трибуналу. На Нюрнбергском процессе он с негодованием отрицал свое участие в мировом нацистском заговоре, заявляя, что он был честным дипломатом. Советский прокурор Руденко требовал для Папена, как и для других главных военных преступников, смертной казни. Но из-за разногласий среди членов трибунала Папену был вынесен оправдательный приговор. Он умер 2 мая 1969 года в своем имении Оберзасбах в Бадене.

* * *

Старший майор госбезопасности Эйтингон по возвращении в Москву 20 августа 1942 года был назначен заместителем начальника 4-го управления НКВД. Это управление было организовано 18 января 1942 года приказом НКВД в связи с расширением деятельности по организации партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу противника. Существовавший с октября 1941 года 2-й отдел был преобразован в Четвертое управление НКВД. Начальником стал Судоплатов, заместителями — Николай Мельников и Варлам Какучая. На Четвертое управление возлагались задачи формирования в крупных населенных пунктах на оккупированных территориях нелегальных резидентур, внедрение агентов в оккупационные военные и административные органы, подготовка и переброска в тыл немецких войск разведывательно-диверсионных групп, организация резидентур в районах, находящихся под угрозой захвата, обеспечение групп и агентов оружием, средствами связи и документами. Четвертые отделы занимались также допросами пленных и перебежчиков. Полученная информация о разведывательных органах немецких спецслужб и антисоветской деятельности на оккупированной территории передавалась в контрразведывательные и секретно-политические отделы.

Структура нового управления была следующей:

4 УПРАВЛЕНИЕ НКВД (ИЗ чел. по штату) Руководство Секретариат Финансовая группа Информационно-учетное отделение ОТДЕЛ (зарубежный)

Руководство

Секретариат

1 отделение (Европейское)

2 отделение (Африка, Дальний Восток)

3 отделение (Ближний Восток, Турция, Иран, Афганистан, арабские страны, Средняя Азия, Закавказье)

4 отделение (работа по военнопленным и интернированным)

2 ОТДЕЛ (территории СССР, оккупированные и угрожаемые противником)

Руководство

Секретариат

1 отделение (г. Москва и Московская область)

2 отделение (УССР, Молдавская ССР, Крымская АССР)

3 отделение (БССР)

4 отделение (области РСФСР, Карело-Финская ССР)

5 отделение (Литва)

6 отделение (Латвия)

7 отделение (Эстония)

8 отделение (вербовка спецслужбы из числа з/к лагерей)

9 отделение (учетное)

3 ОТДЕЛ

Руководство

Секретариат

1 отделение (технической подготовки)

2 отделение (оперативное)

3 отделение (материально-технического снабжения)
1 и 2 отряды взрывников
4 ОТДЕЛ
Руководство
Секретариат
1 отделение («Д»)
2 отделение («ТН»)
3 отделение (подготовки)
4 отделение (материально-техническое)
ОТДЕЛЬНАЯ РОТА САПЕРОВ
ШТАБ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ И ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ (15 чел)
Руководство
1 отделение (истребительные батальоны)
2 отделение (партизанские отряды),.

Операции

Эйтингон сыграл ведущую роль в проведении ставших легендарными оперативных радиоигр против немецкой разведки, которые получили названия «Монастырь» и «Березино». Разработкой оперативной игры занимались комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Судоплатов, комиссар госбезопасности Наум Эйтингон, подполковник Михаил Маклярский и начальник отдела 3-го (секретно-политического) управления НКВД комиссар госбезопасности Виктор Ильин. Центральной фигурой операции «Монастырь» был Александр Демьянов — агент советской контрразведки «Гейне», в архивах абвера значившийся как «Макс». Выходец из дворянской семьи, сын казацкого есаула, племянник начальника контрразведки белого генерала Упагая, в юношеские годы живший за границей, с момента своего начавшегося в 1929 году сотрудничества с ОГПУ он имел более чем десятилетний стаж агентурной деятельности.

Согласно плану операции, нужно было довести до немецкого разведцентра дезинформацию о якобы существующей в Москве антисоветской церковно-монархической организации «Престол». Лидером легендируемого «Престола» был «назначен» известный до революции поэт Борис Садовский, которого чекисты использовали «втемную». Происходя из знатного дворянского рода, он, по легенде, враждебно относился к советской власти и пытался выйти на связь с фашистами, призывая Гитлера восстановить русское самодержавие. В июле 1941 года Садовский, больной и почти без средств к существованию, жил в московском Новодевичьем монастыре. НКВД организовал личные встречи Садовского с Демьяновым и другими своими агентами, якобы поддерживающими антисоветские идеи.

Главные члены «Престола» — Садовский и скульптор Сидоров — были хорошо известны немецкой разведке, так как некоторое время учились в Германии, а Демьянов был вхож в круги немецкого посольства. Таким образом, войдя в доверие к абверу, НКВД рассчитывал выявить немецких агентов на территории СССР.

В феврале 1942 года Демьянов перешел линию фронта под Гжатском в качестве эмиссара организации «Престол». Действуя в соответствии с выработанной легендой, он рассказал немцам о церковно-монархической организации. Фронтальная группа абвера отнеслась к Демьянову с недоверием, допрашивала его, инсценировала расстрел. Своей стойкостью «Гейне» рассеял сомнения немецких офицеров. Было установлено, что он, не живший после революции за границей, не вовлекался в довоенные операции ОГПУ-НКВД, проводившиеся через русских эмигрантов. Для организации сотрудничества с «Престолом» немцы направили «Гейне» в Смоленск на учебу в школу абвера, не подозревая, что агент советской контрразведки является специалистом в области радиотехники. Планировавшаяся работа «Гейне» без немецкого радиста на советской территории была благоприятна для развития операции «Монастырь». Пройдя курс обучения, «Гейнс» 15 марта 1942 года был

заброшен на парашюте в Ярославскую область. Для закрепления положения в германской разведке Демьянова устроили на службу в качестве офицера связи в Генштаб РККА (при маршале Советского Союза Борисе Михайловиче Шапошникове). От имени «Макса» он передавал дезинформационные материалы по якобы самостоятельно сконструированной рации. Гитлеровцам поступали радиogramмы о «местах дислокации» частей Красной Армии. Агент НКВД сознательно не обращался к абверу с решением определенных вопросов в течение четырех месяцев. В противном случае, бдительность немецкой разведки обрекла бы на провал операцию «Монастырь».

«Курьеры»

Для организации встреч с агентами абвера в Москве были определены явочные квартиры. Начался новый этап операции, получивший название «Курьеры». В августе 1942 года «Гейне» попросил немецкую разведку заменить вышедший из строя радиопередатчик. Вскоре два курьера — «Станков» и «Шалов» — прибыли в Москву с новой рацией, шифровальными блокнотами и деньгами для «Гейне». В задачи агентов входило проведение диверсий в Москве, сбор сведений для германской разведки и установление необходимых контактов. «Станков»-и «Шалов» прибыли на явочную квартиру тестя Демьянова — профессора Бориса Березанцова. Вскоре чекисты арестовали «Станкова» и «Шалова». Немецкой разведке «Гейне» сообщил, что при доставке радиопередатчик был поврежден.

7 октября 1942 года очередные курьеры — «Зюбин» и «Алаев» — доставили в Москву новую рацию, 20 тыс. рублей и документы для задержанных ранее агентов. Сотрудники НКВД арестовали и этих посланцев абвера.

«Зюбина» удалось привлечь к оперативной игре и по его радиостанции передать германской разведке дезинформацию. Операция «Курьеры» велась по двум линиям: от имени «Гейне» и «Зюбина» с «Алаевым», якобы использовавших собственные связи в Москве. Скомпрометированный перед абвером «Шалов» был выведен из игры. Радиотехническую сторону операции обеспечивал сотрудник 4-го Управления НКВД Вильям Фишер, ставший знаменитым по своей последующей деятельности в США под именем Рудольфа Абея.

В ноябре 1942 года немцы предложили «Гейне» сообщить о работе организации «Престол». Чекисты создали несколько опорных пунктов легендируемой организации в Горьком, Новосибирске, Свердловске, Челябинске и других городах. Это были явочные и конспиративные квартиры со специально подготовленной агентурой.

Глава абвера адмирал Вильгельм Канарис хвастался «источником информации в высших сферах СССР» перед своим соперником, начальником 6-го управления РСХА бригаденфюрером СС Вальтером Шелленбергом. 20 декабря 1942 года адмирал поздравил «Гейне» (Демьянова) с награждением Железным крестом 1-й степени. Тогда же «Гейне» был удостоен ордена Красной Звезды. Жена и тесть Демьянова — Татьяна и Борис Березанцовы — были награждены медалью «За боевые заслуги».

Операция «Курьеры», задуманная как контрразведывательная, приняла, как потом вспоминал Судоплатов, характер стратегической дезинформационной радиогры. Часть информации, направляемой в Берлин, возвращалась в органы госбезопасности СССР. Материалы, предоставляемые сотрудниками немецкой и английской разведок, являвшимися также агентами НКВД, при анализе оказывались разработанными «Гейне». Получение «дезинформации» доказывало ее действенность. Более того, зарубежные спецслужбы сообщали органам госбезопасности СССР о «важном источнике абвера». Правдоподобность передававшихся немцам сведений обеспечивала и сеть агентов в Наркомате путей сообщения. Телеграммы «Гейне» содержали информацию о железнодорожных перевозках воинских частей, боеприпасов, снаряжения. Для подтверждения «проведенных» диверсий были организованы сообщения в прессе, сымитированы вредительства на железных дорогах (например, под городом Горьким).

В отдельных случаях, когда это было выгодно командованию Красной Армии, абвер получал от «Гейне» правдоподобные сведения. В этом участвовал сотрудник оперативного Управления Генштаба РККА генерал Сергей Штеменко. Операции Красной Армии, о которых сообщалось немецкой разведке (а она информировала верховное командование вермахта), имели отвлекающее, вспомогательное значение. Дезинформационные мероприятия такого типа были предприняты перед Сталинградской и Орловско-Курской операциями. Предупрежденные о готовящихся ударах Красной Армии под Ржевом, немцы отразили натиск советских войск. Но окружение группировки фельдмаршала Паулюса в Сталинграде и стратегическое наступление в районе Курска и Орла явились неожиданностью для фашистского командования.

Руководители операции Судоплатов и Эйтингон были награждены орденами Суворова 2-й степени. Такая награда по своему статусу полагалась командующим армий и фронтов за выигранные сражения.

«Березино»

Во время операций «Монастырь» и «Курьеры» агентуре чекистов не удалось проникнуть в Берлин, о чем самокритично доложил Сталину и Молотову нарком госбезопасности Меркулов. На приеме Сталин предложил Судоплатову и Эйтингону расширить рамки радиоигры. Чекисты думали вновь направить «Гейне» к сотрудникам абвера. Сам «Гейне» в рапорте-предложении на имя начальника 3-го отдела 4-го управления НКВД полковника госбезопасности Михаила Маклярского предложил направить «члена организации „Престол“» (агента-переводчика Красной Армии) в лагерь немецких военнопленных.

Организованный «побег» участника церковно-монархической организации и группы военнопленных предполагал последующую связь «Гейне» с абвером. В очередной радиোগрамме для немецкой разведки Демьянов сообщил о своем «переводе» из группы связи Генштаба РККА в технические части в звании инженер-капитана.

Летом 1944 года Демьянов был командирован в освобожденный от оккупантов Минск. Вскоре он сообщил в Москву о предположениях немецкого командования, считавшего, что в белорусских лесах скрываются попавшие в окружение группы немецких солдат и офицеров.

Во время операции «Багратион» руководство госбезопасности решило «создать» для немецкого командования якобы скрывающуюся крупную немецкую воинскую часть, с двумя сотнями больных и раненых, испытывающую нехватку оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия и медикаментов. Вскоре в органы германской разведки поступило сообщение от «Гейне». 18 августа 1944 года через радиостанцию «Престол» агент информировал о нахождении в белорусских лесах разрозненных групп немецких солдат и офицеров, стремящихся прорваться за линию фронта. Командование вермахта решило помочь этим группам выйти из советского тыла, одновременно используя их для проведения диверсий.

О плане оперативной игры с верховным командованием вермахта Меркулов доложил в Государственный Комитет Обороны и лично Сталину, Молотову, Берия. Получив их согласие, чекисты сформировали группу из 20 человек во главе с майором Борисовым, которую забросили в район Березино (Белоруссия). Этот отряд состоял из сотрудников советской контрразведки и завербованных ими немецких военнопленных (в том числе подполковника Шерхорна). Подполковник Генрих Шерхорн командовал 36-м охранным полком 286-й охранной дивизии, входившей в состав группы армий «Центр». Он попал в советский плен под Минском 9 июля 1944 года. Шерхорн устраивал чекистов тем, что 36-й охранный полк плохо знали в вермахте, как и самого командира.

Большие планы относительно отряда Шерхорна строил известный нацистский диверсант Отто Скорцени. Он хотел под видом рабочего батальона военнопленных передислоцировать отряд к линии фронта и ударить в тыл частям Красной Армии. 25 августа

Демьянов получил ответ:

«Благодарим вас за ваше сообщение. Просим помочь нам связаться с этой немецкой частью».

В тот же день на озеро Песчаное выехала оперативная группа во главе с комиссаром госбезопасности Эйтингеном. В состав группы входили шестнадцать опытных чекистов, которые непосредственно руководили операцией на месте в Белоруссии, в том числе Маклярский, исполнявший роль «Шерхорна», полковник госбезопасности Георгий Мордвинов, руководитель группы 4-го Управления полковник госбезопасности Яков Серебрянский, майор госбезопасности Вильям Фишер.

В ночь на 15 сентября 1944 года чекисты на подступах к базе задержали двух немецких парашютистов (одному удалось бежать, он был задержан позднее). Второй курьер Воробьев показал на допросе, что они были сброшены по приказу штаба группы армий «Центр» для установления связи с окруженной немецкой воинской частью.

Немецкой разведке «Гейне» передал радиogramму об установлении контакта с воинской частью под командованием подполковника Шерхорна (в оперативной переписке именовавшегося «Шубиным»), Абвер проверил биографические данные подполковника, доложил Гитлеру и Герингу о необходимости оказания помощи отряду. Для принятия направляемых агентов, продуктов питания, техники и боеприпасов чекисты установили «место дислокации» отряда Шерхорна в районе озера Песчаное в Минской области. С сентября 1944 года группы армии «Центр» (под командованием генерал-полковника Рейнгардта) и «Абверкоманда-103» неоднократно забрасывали своих сотрудников в советский тыл и оказывали материальную поддержку «немецкой группе» в Белоруссии.

Например, в ночь на 9 октября была сброшена группа из пяти человек во главе с прибалтийским немцем унтер-офицером СС Пандерсом из 501-го десантно-штурмового батальона («замок Фриденталь»), В этот же день была задержана еще одна группа из того же батальона СС. Также были посланы специалисты по диверсиям из дивизии СС «Бранденбург» и группа боевиков-эсэсовцев. Прибывавшие сотрудники абвера вербовались советской контрразведкой. От их имени под контролем руководителей операции «Березино» направлялись дезинформационные радиogramмы в Германию.

Скорцени, пославший Шерхориу четыре группы, потерял связь с двумя, но от двух стал получать «данные». Регулярно сбрасывались продовольствие и боеприпасы. Планировалось вблизи лагеря Шерхорна соорудить посадочную площадку. Сначала должны были вывезти больных и раненых, а затем остальных солдат. Был назначен срок — конец октября 1944 года.

В конце сентября Рейнгардту было доложено о численности «группы Шерхорна»: 1500 человек, включающей в себя 200 русских — бывших полицейских, скрывающихся от НКВД. Этот отряд якобы был разделен на три части в целях мобильности и скрытности действий. Группы под предводительством майора Дитмана, подполковников Михаэлиса и Эркардта (завербованных советской контрразведкой военнопленных) «продвигались» к линии фронта для соединения с частями вермахта. С декабря 1944 года связь с абвером осуществлялась уже по трем каналам. Чтобы не допустить посадки немецких самолетов для эвакуации «раненых», в разведцентр противника поступали сообщения о боевых столкновениях отряда Шерхорна с частями Красной Армии. Параллельно сотрудники 4-го управления провели вспомогательную радиоигру по дезинформации абвера о шпионаже в советском тылу. В конце января 1944 года по рации «Зюбина» в фашистский разведцентр было передано донесение об установлении связи с действующей в Смоленской области группой дезертиров-красноармейцев. Эта дезинформация использовалась в целях контакта с создаваемой в Германии по указанию Гимmlера «Русской освободительной армией» во главе с бывшим советским генералом Власовым. Немецкая разведка материально помогала «группе дезертиров», в состав которой входили 15 бойцов НКВД. Получив сообщение об

«освобождении» дезертирами военнопленного германской армии капитана фон Ганшта, абвер отправил в советский тыл двух курьеров. В апреле 1945 года прибывшие немецкие агенты были арестованы чекистами, а в берлинский разведцентр передана информация об их передвижении с фон Ганштом на запад.

В начале марта 1945 года абвер информировали о подходе легендируемых передовых групп Шерхорна к границам Литвы. Для обеспечения продвижения «своих соотечественников» в Восточную Пруссию командование вермахта направило поляков — агентов немецкой разведки, которые по прибытии в СССР были арестованы сотрудниками НКГБ. 28 марта 1945 года Шерхорн получил телеграмму за подписью начальника Генштаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Гейнца Гудериана о присвоении ему звания полковника и награждения, вместе с другими офицерами, «находящимися на советской территории», Железными крестами по приказу Гитлера. Вплоть до окончания войны немецкая разведка поддерживала фуппу «Шубина». 5 мая 1945 года от абвера пришла последняя телеграмма, извещавшая о прекращении оказания помощи в связи со сложившейся обстановкой. В действительности отряд Шерхорна в это время находился под Москвой. Знаменитый Скорцени, вывезший из-под ареста Муссолини, похитивший попытавшегося отколоться от Гитлера венгерского диктатора адмирала Хорти, так и не дождался Шерхорна.

В конце операции «Березино» в советский тыл было заброшено 25 агентов абвера, прислано свыше 2 млн. рублей, много оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия, 13 радиостанций (7 из которых были включены в игру).

Из материалов немецких архивов известно, что командование вермахта совершило несколько роковых ошибок отчасти из-за того, что целиком полагалось на информацию абвера, полученную от источников из Советского Верховного Главнокомандования. С другой стороны, важные операции Красной Армии осуществлялись в 1942–1943 годах именно там, где их «предсказывал» для немцев «Гейне-Макс», но они имели отвлекающее, вспомогательное значение.

Операция «Монастырь» оказалась на редкость удачной: советский разведчик Александр Демьянов стал «лучшим» информатором немецкой военной разведки абвера. Об этом свидетельствует награждение «Макса» «Железным крестом с мечами». Москва удостоила его ордена Красной Звезды.

Были отмечены и заслуги руководителей. 5 ноября 1944 года ордена Суворова 2-й степени были удостоены Судоплатов и Эйтингон. 9 июля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Эйтингону было присвоено звание генерал-майора.

Атом

Разведчикам пришлось заниматься и атомной проблемой. Разведработка в этом направлении велась с 1939 года. Сбором информации занимались как ГРУ РККА, так и научно-техническая разведка 1-го управления НКВД-НКГБ СССР. В июле 1943 года постановлением ГКО СССР основная работа по атомной разведке была возложена на 1-е управление НКГБ и определены конкретные задачи: выявить круг стран, ведущих практические работы по созданию атомного оружия; оперативно информировать Центр о содержании работ; через собственные агентурные возможности получать научно-техническую информацию, способствующую созданию подобного оружия в СССР. В феврале 1944 года в составе НКВД для перевода и обработки информации по атомному проекту, полученной оперативно-агентурным путем в Англии, США и Канаде, была образована специальная группа «С» во главе с Судоплатовым, к этому времени уже комиссаром госбезопасности 3-го ранга. 20 августа 1945 года, после взрыва первых двух американских атомных бомб, для координации усилий по ядерной проблеме был создан Специальный комитет при ГКО (затем при Совете Министров) СССР, во главе с Берия. 27

сентября 1945 года для добывания и обработки разведанных в составе НКВД был образован Отдел «С» (начальник — Судоплатов, заместители — Николай Сазыкин, Амаяк Кобулов (по совместительству) и Эйтингон, остававшийся заместителем начальника 4-го управления НКГБ. 10 января 1946 г. Отдел «С» из состава НКВД был передан в НКГБ. После образования МГБ СССР отдел вошел в его структуру. Сотрудники отдела занимались организацией взаимодействия органов госбезопасности с учеными-атомщиками.

С атомной тематикой пересекается участие Эйтингона в контроле за урановыми рудниками в Болгарии.

В феврале 1945 года была получена информация о высококачественных запасах урана в районе Бухово в Родопских горах. Район охранялся внутренними войсками НКВД. Спецслужбы США готовили диверсии с целью срыва поставок урана. Эйтингон, командированный в Болгарию, по словам Судоплатова, «занился проверкой американских разведчиков и их жен, задержанных при содействии нашей агентуры из местных турок вблизи урановых месторождений, но успеха не достиг». Руда из тех мест была использована при пуске первого советского атомного реактора. Тем временем в СССР были найдены более крупные и высококачественные месторождения. Чтобы скрыть этот факт и создать у американцев впечатление, что нам крайне необходим болгарский уран, Эйтингон провел широкие дезинформационные мероприятия, благодаря чему долгое время удавалось вводить в заблуждение американские военные ведомства.

* * *

4-е управление, которым руководили Судоплатов и Эйтингон, было упразднено приказом МГБ 9 октября 1946 года. Однако еще до его расформирования в системе МГБ 4 мая 1946 года был создан Отдел «ДР» (служба проведения диверсий и актов индивидуального террора), начальником которого был назначен генерал-лейтенант Судоплатов, а его заместителем, в феврале 1947 года, генерал-майор Эйтингон. Главной задачей Отдела «ДР» была организация специальной агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны.

Одновременно с этим Эйтингон продолжал заниматься разведывательной работой. В 1946–1947 годах он руководил подготовкой к выводу за рубеж Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля).

В это время ему пришлось выполнять специальные задания на Востоке.

Синьцзян

В конце 1946 года Эйтингон был вновь направлен в Китай, на этот раз на северо-запад — в провинцию Синьцзян (также именовавшуюся Восточным Туркестаном и Джунгарией), для изучения военно-политической ситуации в этом стратегически важном районе с большим количеством сырья и минералов (нефти, золота, платины, железной руды, меди).

С глубокой древности эти территории были предметом спора тюркоязычных и монголоязычных народов. С XVIII века этими землями владела китайская империя. Тогда и появилось название Синьцзян — «новая граница, новая земля». Еще в 1870-х годах XIX века, после мятежа мусульманского населения под руководством Якуб-бека против императорской власти в Китае и образования ими своего государства, по просьбе китайцев в Синьцзян была предпринята интервенция русской армии, в ходе которой было подавлено выступление, после чего Россия передала Синьцзян Китаю согласно Петербургскому договору 1881 года. Тогда же в ряде городов Синьцзяна были учреждены российские консульства. После окончания гражданской войны в Синьцзяне находилось несколько тысяч солдат и офицеров армии белого генерала Александра Дутова, участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года и басмачей из Средней Азии.

К этому времени численность населения Синьцзяна насчитывала около 4 млн человек, из них 3,5 млн уйгуров, более 400 тыс. казахов, 220 тыс. ханьцев (китайцев), 100 тыс. дунган, а также (по убывающей) киргизов (65 тыс.), монголов (50 тыс.), русских (19 тыс.), узбеков (10 тыс.), сибо (10 тыс.), татар (5 тыс.), солонов (2 тыс.) и маньчжур (около 800 чел.). Наиболее политически активные уйгуры и дунгане были мусульманами, что было фактором дополнительной напряженности в отношениях с китайцами.

Центральное правительство охваченного гражданской войной Китая слабо контролировало Синьцзян. Японское правительство, пользуясь этим, стремилось отторгнуть Синьцзян от Китая. В апреле 1933 года ставленник гоминдановского правительства в Нанкине наместник (дубань) У Чжунсинь был свергнут, и власть в столице Синьцзяна Урумчи захватил начальник штаба Синьцзянского военного округа Шен Ши Цай, опиравшийся на русский полк из бывших белогвардейцев под командованием полковника Паппенгута. Новый режим заявил следующую программу: юридическое равноправие национальностей; выборность при назначении всех чиновников; свобода слова, собраний и печати; развитие транспорта, производства, оказание помощи крестьянам и т. д. Летом 1933 года дубань выдвинул «Восемь пунктов»: национальное равенство; свобода вероисповедания; немедленное сокращение земельного налога; финансовая реформа; административная реформа; распространение образования; реализация самоуправления и реформа правосудия. Далее последовали «Шесть основных направлений политики»: антиимпериализм; дружба с СССР; национальное равенство; неподкупность правительства; мир и реконструкция.

В конце 1933 года в результате конфликта с центральным правительством большую часть Синьцзяна заняла 36-я дивизия, в основном состоявшая из дунган. В январе 1934 года, после обращения Шен Ши Цая с просьбой о помощи к СССР, советское руководство, справедливо опасаясь появления у границ СССР нового японского сателлита типа Маньчжоу-го, приняло решение об оказании военной помощи. В Синьцзян была введена группа войск Красной Армии с танками, авиацией и артиллерией, причем советские войска были одеты в форму царской (и белой) армии, с погонами. В боях 36-я дивизия была разгромлена.

Также в Синьцзян было введено около 10 тысяч солдат и офицеров китайской армии и маньчжурских партизан, отступивших после японского вторжения в 1931 году из Маньчжурии и интернированных в СССР. Эти части составили так называемую «Алтайскую добровольческую армию», куда вошел и отряд полковника Паппенгута (как ярый антибольшевик, он был расстрелян по требованию советской стороны, его сменил лояльный к советскому режиму Бехтеев, также бывший белый офицер). В конце апреля 1934 года советские войска вышли из Синьцзяна, оставив кавалерийский полк численностью около тысячи человек с танками и артиллерией и несколько десятков военных советников, среди которых были старший военный советник дубаня известный разведчик Ади Каримович Маликов и будущий маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза Павел Семенович Рыбалко (под псевдонимом Фу-Дзи-Хуй), ставший помощником командующего Южным фронтом Бехтеева. Вместе с советскими военными действовали солдаты белой армии — из четырех полков и конного артиллерийского дивизиона численностью 2200 человек в ноябре 1934 года был создан полк.

СССР способствовал вооружению армии дубаня. Были произведены поставки самолетов У-2 и Р-5 пушек, винтовок, станковых и ручных пулеметов, снарядов и патронов.

Весной 1937 года недовольные политикой режима уйгуры, подстрекаемые Англией и Японией, объединившись с дунганями, подняли восстание. Китайские войска начали терпеть поражения. В июне 1937 года были сформированы из состава Среднеазиатского военного округа и войск НКВД две группы — «Ошская» и «Нарынская». Каждая из них включала в себя горный кавалерийский полк, батарею и специальные подразделения горной кавалерийской дивизии и полк войск НКВД, соответственно кавалерийский и мотомеханизированный. Границу войска пересекли в конце августа. В сентябре-октябре 1937

года советские войска вместе с войсками правительства Урумчи подавили восстание.

В январе 1938 года начался вывод части советских войск из Синьцзяна. Тогда же в городах Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Шара-Сумэ, Хами, Кашгаре, Хотане и Аксу были образованы легальные резидентуры ИНО Главного управления госбезопасности НКВД, сотрудники которых вели «тайную войну» против японской и английской разведок, контролировали строительство шоссе от Алма-Аты до территорий войск Чан Кайши. По этой стратегической дороге шло снабжение китайских войск, сражавшихся с японцами. В сентябре 1938 года прибывший в Москву для переговоров о дальнейшей военной помощи Шен Ши Цай во время переговоров с наркомом обороны маршалом Ворошиловым заявил о своем желании вступить в ВКП(б). По решению Политбюро он был принят в партию, с обязательством сохранения этого события в тайне. В день отъезда синьцзянской делегации заместитель начальника Разведывательного Управления Красной Армии (фактический руководитель военной разведки) старший майор госбезопасности Семен Гендин вручил партийный билет Шен Ши Цяю. Это не помешало китайскому дубаню во время Великой Отечественной войны проводить двойственную политику, заигрывая, по мнению советской военной разведки, с Японией. В 1943 году советские специалисты и дипломаты в Синьцзяне подвергались нападениям.

Началось ухудшение отношений Шен Ши Цая с Советским Союзом и улучшение отношений с режимом Чан Кайши. Армия дубаня, насчитывавшая около 20 тысяч солдат, в 1942–1944 годах еще более увеличилась за счет перевода частей четырех новых дивизий Новой 2-й армии из Ганьсу в Синьцзян. В конце 1944 года в Синьцзян были направлены две дивизии дунганской конницы из провинции Цинхай. К 1945 году личный состав войск Гоминьдана в Синьцзяне насчитывал почти 100 тысяч войск, главным образом ханьцев и дунган.

Режим Шен Ши Цая в Урумчи отличался жестокостью. Поданным уйгурских историков, с 1934 по 1944 годы под предлогом пресечения «попыток восстаний» было арестовано более 120 тысяч человек, из которых 80 тысяч казнено. Дунганское сопротивление было окончательно разгромлено, тяжелые удары получил тюркский мусульманский национализм на юге Синьцзяна. Просоветская позиция диктатора позволила нейтрализовать деятельность коммунистического подполья. По словам видного уйгурского коммуниста, министра просвещения Восточно-Туркестанской республики, члена политбюро ЦК КПК Сайфуддина Азизи, «... в тот период мы — вернувшаяся после обучения в СССР молодежь — доверяли советскому правительству и преклонялись перед сталинской идеологией.

В Синьцзяне было много образованной молодежи, которая мыслила одинаково с нами. Оставаясь на этих позициях, мы считали, что все поддержанное советским правительством и особенно Сталиным — правильно, поэтому Шен Ши Цай не может ошибаться, а его дела — правильны».

Пользуясь невозможностью режима Чан Кайши оказать Шен Ши Цяю серьезную военную помощь, оппозиционные силы, при поддержке СССР, начали восстание, в ходе восстания китайские войска были полностью изгнаны с трех округов Синьцзяна — Илийского, Алтайского и Тарбагатайского. Шен Ши Цай был свернут (в 1948 году он погиб при невыясненных обстоятельствах).

12 ноября 1944 года в городе Кульдже была образована «Восточно-Туркестанская республика» (ВТР). Руководство правительства ВТР во главе с муллой Алихан-Тюре (Алихан Тура Сагони), узбеком по национальности, организовавшим в 1943 году в Кульдже «Организацию свободы Восточного Туркестана», было настроено антикитайски и промусульмански. 5 января 1945 года на четвертом заседании Временного правительства ВТР был принят «Манифест 9 пунктов», согласно которому: на территории Восточного Туркестана ликвидировалось господство китайцев; на территории Восточного Туркестана создавалась суверенная республика с равенством всех национальностей; провозглашалась необходимость развития промышленности, сельского хозяйства, животноводства, частной

торговли, повышение материального благосостояния народа; поддержка ислама, как религии большей части населения Восточного Туркестана; свобода и защита других религий; развитие культуры, образования и здравоохранения; установление дружественных отношений со всеми демократическими государствами, в особенности с правительством граничащего с Восточным Туркестаном СССР; установление связи с правительством Китая в экономической и политической областях; организация армии из всех национальностей Восточного Туркестана; национализация банков, почт, телеграфа, леса и природных недр; ликвидирование вредных проявлений индивидуализма, бюрократизма, национализма, алчности и коррупции.

После ухода с политической арены Алихан-Тюре (он был арестован советскими органами безопасности, вывезен в СССР и до своей смерти в 1976 году жил в Ташкенте, где написал книгу о пророке Мухаммеде) Временное правительство было реорганизовано, к власти пришли просоветские группы. Армия республики, насчитывавшая около 30 тысяч человек, находилась под советским контролем. В 1944–1946 гг. в Синьцзяне действовала оперативная группа наркомата госбезопасности СССР во главе с начальником отдела специальных заданий генерал-майором Владимиром Егнаровым, его заместителем был начальник 4-го отдела 1-го (разведывательного) управления НКГБ генерал-лейтенант Александр Лангфанг.

* * *

Именно в этом беспокойном районе в 1946 году специальным решением Сталина Эйтингону было поручено проведение операции по оказанию помощи органам безопасности Компартии Китая в подавлении сепаратистского движения уйгуров, которых финансировали и снабжали оружием гоминьдановцы и английская разведка.

Совместно с китайскими коммунистами были образованы диверсионные группы под общим командованием сотрудника разведки Героя Советского Союза полковника Николая Прокопюка. Деятельность советских спецслужб по организации противодействия мятежникам успешно завершилась, к 1949 году уйгурские сепаратисты потерпели поражение.

Эйтингон к началу 1947 года вернулся в Москву.

В Синьцзяне дальнейшие события развивались следующим образом.

К середине 1949 года, к моменту вооруженной победы китайских коммунистов в гражданской войне, позиция СССР изменилась. Москва опасалась создания в Синьцзяне исламского государства, под влиянием Англии и США. Еще ранее под давлением СССР руководство ВТР было вынуждено пойти на соглашение с Мао Цзэдуном, который, как и все лидеры КПК, был противником независимого Синьцзяна и допускал лишь его автономию. Тем не менее политические силы, выступавшие за суверенный Восточный Туркестан, сохраняли влияние.

В ходе переговоров было принято решение о направлении делегации Синьцзяна на заседание Политического консультативного совета для обсуждения и принятия совместной программы. Выехавшая для участия в конференции в Пекине 27 августа 1949 года из Кульджи в Алма-Ату возглавляемая бывшим президентом ВТР, заместителем председателя коалиционного правительства Ахметжаном Касими (имеются данные о его пребывании в тюремном заключении в СССР в конце 1930-х годах, после чего он был завербован НКВД и переправлен в Синьцзян) делегация Синьцзяна погибла в авиационной катастрофе на самолете ИЛ-12 в районе Иркутска. В делегацию также входили генералы Исхак-бек и Далельхан, бывший вице-президент ВТР Абдукерим Аббасов (по мнению уйгурских историков, сотрудник советской разведки под псевдонимом «Иран»), переводчик А. Иминов, адъютант Г. Керимов, племянник Касими и советский вице-консул в Кульдже Василий Борисов, которого уйгурские историки считают резидентом НКВД в Синьцзяне. Существует версия, принятая некоторыми уйгурскими историками, что на самом деле члены делегации

были доставлены в Москву и там убиты.

По словам Сайфудина Азизи, через несколько дней после отъезда делегации из Кульджи советский консул сообщил ему, что делегация из Алма-Аты вылетела в Новосибирск; затем поступило сообщение о прибытии делегации в Иркутск. Вплоть до 3 сентября никакой информации не было. 3 сентября советский консул вызвал С. Азизи и сообщил полученную из Москвы срочную телеграмму следующего содержания:

«Самолет с находящейся на его борту возглавляемой Ахметжаном Касими делегацией вылетел из Иркутска и в скором времени упал в районе Забайкальских гор, из-за отвратительной погоды натолкнувшись, к несчастью, на гору; все находящиеся на борту 17 человек потерпели крушение».

Когда делегация ВТР в составе Сайфудина Азизи, Сюй Чжи и Алимжана, выехавшая из Кульджи 8 сентября, прибыла в Иркутск, Азизи встретился с двумя советскими офицерами (полковник и подполковник) «по их просьбе». Как рассказали эти офицеры, самолет с делегацией в течение трех дней находился в Иркутске; на третий день, когда погода улучшилась, он вылетел, но над озером Байкал не смог набрать необходимую высоту из-за сильного урагана и получил приказ вернуться на аэродром. Самолет начал разворот, развернулся на 60 градусов, и связь с ним неожиданно прекратилась. На место предполагаемой катастрофы вылетели поисковые самолеты и в одной из глубоких расщелин обнаружили участок с обгоревшими деревьями. По приказу из Москвы в этот район был направлен поисковый отряд альпинистов, который в течение недели пытался добраться до места гибели самолета, но безуспешно. По словам полковника, они организовали второй поисковый отряд и в ближайшие дни направят его. Как вспоминает Сайфудин, когда они пролетали над этим районом, он видел в бинокль место аварии и «возможно, трупы», лежащие «в значительном удалении от обломков самолета».

На основании этих свидетельств другая часть уйгурских историков считает версию о том, что делегация Касими побывала в Москве, не подтверждаемой никакими свидетельствами. Различные источники, приводимые ими, указывают совершенно разные даты трагедии.

Как бы то ни было, серьезных противников присоединения к Китаю в Синьцзяне не осталось. По соглашению с советским руководством ЦК Компартии Китая принял решение об освобождении Синьцзяна не к середине 1950 года, как планировалось раньше, а к концу 1949 года. 20 октября 1949 года войска Народно-освободительной армии Китая заняли Урумчи. 17 декабря было сформировано Синьцзянское провинциальное народное правительство, в состав которого вошли 9 уйгуров, 3 казаха, 4 китайца, 2 дунгана и по одному представителю от всех других народов. Возглавил правительство Бурхан Шахиди, а его заместителями стали Сайфуддин Азизи и Гао Цзиньчунь (китаец). В 1955 году ВТР прекратила свое существование как независимое государство и стало китайской провинцией — Синьцзяно-Уйгурским автономным районом. Так в середине 1950-х годов, после смерти Сталина, завершился период советского влияния в Синьцзяне. Это совпало с выводом, по решению Хрущева, Советских войск из Маньчжурии и передачей всех баз сухопутных войск и военно-морского флота СССР Китаю.

Литва

Неспокойно было и на Западе. С 1944 по 1956 годы не прекращалась партизанская война в Литве. Главной силой была Литовская освободительная армия (ЛЛА), руководимая Верховным комитетом освобождения Литвы.

В 1940–1941 годах эта организация действовала в подполье. С приходом немцев националисты легализовались, надеясь на восстановление былой независимости с помощью Германии. Но в 1943 году германские оккупационные власти запретили все политические партии в Литве.!

С возвращением Красной Армии Литовская освободительная армия организовывала вооруженные выступления местного населения против вновь образованных органов Советской власти, некоторых частей и подразделений Красной Армии и войск НКВД. В республике началось массовое неповиновение, зачастую выливавшееся в убийства «промосковских» активистов, террор и насилие. Националистов поддерживали немецкие спецслужбы, забрасывая в тыл действующей Красной Армии диверсионно-подрывные группы.

В июле-августе 1944 году вслед за войсками 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов на территорию Литвы вступили части войск НКВД. В республике были развернуты 7 пограничных полков. В их задачу входила очистка прифронтовой полосы и освобожденной территории от отставших солдат и офицеров германских частей, мародеров, дезертиров, вражеской агентуры, антисоветских элементов, пособников противника.

В приказах главного штаба Литовской освободительной армии в декабре 1944 году перед ее командирами ставились задачи объединить все вооруженные формирования, действующие в Литве, а уже объединенными силами вести активную подпольную работу против большевистского террора. В дальнейшем, при падении «оккупационного режима» и разгроме Красной Армии перейти в открытую борьбу, мобилизуя для этой цели весь народ.

Следуя этим указаниям, формирования Литовской освободительной армии быстро пополняли свои ряды. Весной 1945 года общая численность повстанцев достигла 30 тыс. человек. В целом в послевоенные годы «партизанило» или скрывалось в лесах около 70–80 тыс. человек. Вся их борьба выражалась в форме террористических актов по отношению к партийным и советским работникам на местах, пропагандистам и агитаторам, ответственным за проведение коллективизации, рядовым литовцам, заподозренным в сотрудничестве с новыми властями. Не случайно, что с 1944 года до окончательного подавления сопротивления в Литве (в 1956 г.) из 25 тыс. человек убитых повстанцами более 23 тыс. человек были их соотечественники — литовцы.

Для ликвидации националистического повстанческого движения в Литве в декабре 1944 года был образован штаб главного руководства, который координировал деятельность по этим вопросам с командованием соединений и частей Красной Армии, дислоцировавшихся в республике.

Части и подразделения 4-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД (при содействии соединений и частей Красной Армии) участвовали в 1944–1945 годах в 1764 операциях и имели 1413 боевых столкновений. В ходе них было убито и захвачено в плен 30596 повстанцев и собрано 17968 единиц стрелкового оружия.

Националистическое повстанческое подполье не ограничивалось только Литвой — оно имело место в Латвии и Эстонии. По состоянию на январь 1946 года в Латвии действовало 64 бандформирования общей численностью 753 человек, в Эстонии — 55, численностью 428 человек.

Всего в республиках Прибалтики только в 1941–1950 годах формированиями националистов было совершено 3426 вооруженных нападений, в ходе которых погибли 5155 советских активистов. Органами госбезопасности и войсками было ликвидировано 878 вооруженных групп.

В противоповстанческих операциях части внутренних войск НКВД потеряли 533 человек убитыми и 784 — ранеными, потери подразделений Красной Армии составили 42 человек убитыми и 94 ранеными. Всего внутренние войска НКВД и подразделения Красной Армии потеряли убитыми — 575 и ранеными — 878 военнослужащих.

В результате националистическое движение в Литве стало ослабевать. В 1952 году командир повстанцев Южного округа Литвы издал приказ о прекращении «партизанской войны». Однако факты вооруженного сопротивления продолжались вплоть до середины 60-х годов, как в Литве, так и в других республиках Прибалтики.

В Литву для ликвидации банд неоднократно выезжал генерал Эйтингон. Подробности его работы до сих пор неизвестны. С аналогичными миссиями в Прибалтике и на Западной

Украине действовали Судоплатов, начальник 2-го главного (контрразведывательного) управления МГБ генерал-майор Евгений Питовранов, его заместитель генерал-лейтенант Леонид Райхман.

Так же известно, что в 1949 году Эйтингон побывал в Венеции, но подробности скрыты до сих пор.

* * *

В сентябре 1950 года вместо отдела «ДР» был создан новый разведывательно-диверсионный орган — Бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей. Возглавил его Судоплатов, заместителями были назначены Эйтингон и полковник Александр Коротков. В этой связи в печати против руководителей этого подразделения выдвигаются обвинения в бесчисленных ликвидациих опасных для советского руководства людей. Вот как объяснял эти операции Судоплатов в своем письме Президиуму XXIII съезда КПСС:

«В 1946 г. на меня и Эйтингона была возложена миссия организовать и возглавить Спец. Службу МГБ СССР. В нашу задачу входила организация специальной агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны против врагов партии и советского государства. В частности, согласно специальному постановлению Политбюро УК ВКП(б), мы готовили боевые операции во Франции, Турции, Иране. Однако, в последний момент, мы получили приказ отложить их. Внутри же страны, в период второй половины 1946 года и в 1947 году, было проведено 4 операции:

1) По указанию членов Политбюро ЦК ВКП(б) и 1-го секретаря ЦК КП(б) Хрущева, по плану, разработанному МГБ УССР и одобренному Хрущевым, в гор. Мукачева был уничтожен Ромжа — глава греко-католической церкви, активно сопротивлявшийся присоединению греко-католиков к православию;

2) По указанию Сталина, в Ульяновске был уничтожен польск. гр-н Самет, который, работая в СССР инженером, добыл сов. секретные сведения о советских подводных лодках, собираясь выехать из Сов. Союза и продать эти сведения американцам;

3) В Саратове был уничтожен известный враг партии Шумский, именем которого — шумскизм — называлось одно из течений среди украинских националистов. Абакумов, отдавая приказ об этой операции, ссылаясь на указания Сталина и Кагановича;

4) В Москве, по указанию Сталина и Молотова, был уничтожен американский гр-н Оггинс, который отбывая наказание в лагере, во время войны, связался с посольством США в СССР, и американцы неоднократно посылали ноты с просьбой о его освобождении и выдаче разрешения на выезд в США.

В соответствии с Положением о работе Спец. Службы, утвержденной правительством, приказы о проведении перечисленных операций отдавал бывший тогда Министр гос. безоп. Абакумов.

Мне и Эйтингону хорошо известно, что Абакумов по всем этим операциям докладывал в ЦК ВКП(б)».

Исаак Оггинс, американский коммунист, был давним агентом Коминтерна и НКВД, и в 30-е годы выполнял секретные задания в Китае, на Дальнем Востоке и США. Его жена Нора также была агентом НКВД и отвечала за обслуживание конспиративных квартир во Франции и США. В 1938 году Оггинс въехал в СССР по фальшивому чехословацкому паспорту, а 20 февраля 1939 года был арестован по подозрению в двойной игре. Его обвинили в шпионаже и предательстве и постановлением Особого Совещания при НКВД СССР приговорили к 8 годам ИТЛ. Нора вступила в контакт с американскими спецслужбами, надеясь таким путем выволить мужа из СССР. В 1942 году по просьбе американских властей ей разрешили встретиться с мужем в Бутырской тюрьме, что только усилило желание американцев освободить его и использовать в своих целях. Такая опасность особенно усилилась после провала в 1945–1946 годах агентурных сетей советской разведки в Канаде и США. Поэтому

руководство МГБ и государства приняли решение о ликвидации Оггинса. В связи с этим министр МГБ Абакумов направил Сталину и Молотову докладную записку, по которой Сталиным и Молотовым было принято решение о ликвидации Оггинса. Его доставили в спецлабораторию, которой руководил полковник Григорий Майрановский, и сделали под видом профилактического осмотра смертельный укол. Участие подчиненных Судоплатова и Эйтингона в данной операции, проведенной по прямому приказу высших руководителей страны — Сталина и Молотова — сводилась к тому, что они организовали похороны тела Оггинса в Пензе и оформили дату захоронения 1946 годом.

Эйтингон на допросах так освещал этот вопрос:

«Я присутствовал при производстве опытов в лаборатории Майрановского. Подопытными были четыре человека немцев, осужденные к ВМН как активные гестаповцы, участвовавшие в уничтожении советских людей».

Верная служба не гарантировала спокойной жизни. Беда постепенно приходила, откуда не ждали. Рассказывает Павел Анатольевич Судоплатов:

«Ситуация еще более ухудшилась в 1947 году. Я помню устное указание Обручникова, заместителя министра госбезопасности по кадрам, не принимать евреев на офицерские должности в органы госбезопасности. Я не мог себе представить, что такой откровенно антисемитский приказ исходил непосредственно от Сталина, и считал, что все это дело рук Абакумова. Мне стало ясно, что грандиозный план использования советской еврейской интеллигенции для укрепления международного сотрудничества со всемирным еврейством был отвергнут. Эйтингон, все время жаловавшийся на притеснения его родственников в университете и в медицинских учреждениях, был убежден, что антисемитизм являлся существенным элементом государственной политики. Оглядываясь назад, я признаю, что он понимал ситуацию куда лучше, чем я.

Большую часть 1948 года я занимался берлинским кризисом и созданием курдской подпольной сети в Иране, Ираке и Турции с целью свержения правительства Нури Сайда и Фейсала в Ираке, а также чехословацкими делами. Я летал в Прагу вместе с Зубовым, чтобы попытаться нейтрализовать сторонников президента Бенеша при передаче власти новому правительству во главе с Готвальдом.

В 1949 и 1950 годах, когда мне приходилось часто выезжать в Прагу, Западную Украину, Азербайджан и Узбекистан, Эйтингон исполнял мои обязанности в бюро по разведке и диверсионной работе. Он навешал Эмму (жена Судоплатова — авт.) и рассказывал ей об антисемитской кампании, которая набирала обороты и принимала все больший размах. Сестра Эйтингона Соня, известный терапевт и главврач поликлиники автозавода (ныне ЗИЛ), была арестована.... По сценарию Рюмина в роли связного между врачами и „заговорщиками в МГБ“ должна была выступать сестра Эйтингона Соня, которая якобы поддерживала связь между учеными-медиками и братом, планировавшим убийство руководителей страны».

Михаил Рюмин, сделавший карьеру на разоблачении «сионистского заговора» в органах, был назначен летом 1951 года начальником Следственной части по особо важным делам, а затем заместителем министра госбезопасности по следственной работе. Он обвинял Абакумова, арестованного в июле 1951 года, в сокрытии данных о заговоре, целью которого было убийство Сталина. Абакумов якобы рассчитывал на врачей-евреев и евреев — сотрудников в аппарате министра госбезопасности, в частности на Эйтингона.

О дальнейшем рассказывает Судоплатов:

«В 1951 году, когда арестовали Абакумова, мне позвонил Рюмин, которого только что назначили начальником Следственной части МГБ. Он заявил, что в его распоряжении имеются серьезные компрометирующие материалы на Эйтингона и его сестру. Эйтингон в тот момент находился в трехмесячной командировке в Литве. Я попросил, чтобы мне принесли эти материалы: я хотел с ними лично ознакомиться. Через час появился Рюмин с тощим досье. Против Эйтингона не было никаких данных, но против Сони были выдержки

из агентурных сообщений, будто она отказывала в медицинской помощи русским, а лечила и консультировала только евреев. Я заявил Рюмину, что меня это совершенно не убеждает и Эйтингон в моих глазах по-прежнему остается надежным и заслуживающим доверия ответственным сотрудником органов безопасности. Рюмин возразил:

— А вот Центральный комитет нашел эти данные вполне убедительными. — И тут же, выхватив папку из моих рук, с гневным видом удалился.

Ситуация, сложившаяся в Министерстве госбезопасности, была запутанной и крайне неопределенной. Министр Абакумов находился под арестом в „Матросской тишине“. Однако его место оставалось вакантным — преемника не назначали. Когда я позвонил заместителю министра Огольцову с тем, чтобы обсудить с ним положение с сестрой Эйтингона, он ответил:

— Это дело политическое, и рассматривать его можно лишь в ЦК.

По его словам, пока не будет назначен новый министр, он не будет подписывать никаких бумаг или давать какие-либо приказы.

После разговора с Огольцовым мне осталось только одно: позвонить Игнатьеву, тогдашнему секретарю ЦК партии (Игнатьев был заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК — авт.), курировавшему работу МГБ-МВД. Он был членом созданной Сталиным комиссии ЦК по реорганизации министерства после ареста Абакумова. Меня уже вызывали на одно заседание, и я, признаюсь, критиковал руководство министерства за ошибки в проведении разведывательных и контрразведывательных операций за границей, а также в Западной Украине и Средней Азии. Игнатьев тогда сказал, что готов, если потребуется, — обсудить со мной тот или иной неотложный вопрос. Когда я позвонил ему, он, казалось, с радостью согласился принять меня в ЦК на Старой площади.

Встретившись с ним, я сказал, что обеспокоен попытками оклеветать Эйтингона и его сестру, приписав им националистические взгляды. Игнатьев вызвал в кабинет Рюмина с материалами на Эйтингона и его сестру. В моем присутствии Рюмин, открыв папку, начал зачитывать крайне невразумительные показания против Эйтингона и его сестры, в которых утверждалось, что они оба проявляют враждебность по отношению к советскому государству. На сей раз агентурные сведения, что Соня отказывалась лечить русских, даже не были упомянуты.

— Как члены партии мы обязаны, — сказал я, — оценивать людей не по слухам, а по их делам. Вот работа Эйтингона: организатор акции по устранению Троцкого в Мексике, создатель успешно действовавшей агентурной сети за границей, наконец, он является одной из ключевых фигур в обеспечении нашей страны секретной информацией об атомном оружии.

Рюмин молчал. Игнатьев прервал меня:

— Давайте оставим Эйтингона и его семью в покое.

После встречи с Игнатьевым у меня отлегло от сердца: я подумал, что с Эйтингоном и его сестрой ничего плохого не произойдет.

Примерно месяц спустя Игнатьева назначили министром госбезопасности. А в октябре 1951 года именно по его прямому указанию Эйтингон был арестован, когда возвратился в Москву из Литвы, где ему удалось обезвредить руководство антисоветской подпольной организации. Его падчерица Зоя Зарубина сообщила мне, что Эйтингона арестовали на ее глазах в аэропорту Внуково.

(...)

Через несколько дней после ареста Эйтингона мне представилась возможность встретиться с Игнатьевым на совещании руководящего состава министерства. Отведя меня в сторону, он с упреком произнес:

— Вы ошибались насчет Эйтингона. Что вы сейчас о нем думаете?

До сих пор помню свой ответ:

— Моя оценка базируется на конкретных результатах работы людей и на линии партии. Когда ко мне попали материалы с обвинениями против Эйтингона, я узнал, что он

якобы обучал врачей-заговорщиков ведению террористических действий против Сталина и членов советского правительства. В этой связи, говорилось в обвинительном заключении, Эйтингон держал у себя в кабинете мины, взрывные устройства, закамуфлированные под обычные электроприборы. Между тем все прекрасно знали, что это были образцы оперативной техники, постоянно находившейся в нашем распоряжении».

Рюмин заявил Судоплатову, что арест производится по указанию главы Советского правительства (т. е. Сталина), который, просматривая показания арестованного заместителя начальника следственной части МГБ полковника Льва Шварцмана, дал санкцию. Ордер на арест подписал заместитель министра МГБ генерал-полковник Сергей Гоглидзе.

Полтора года генерал Эйтингон пробыл в тюрьме, ожидая расправы. Известно, что из всех арестованных «заговорщиков в МГБ» только Абакумов, Эйтингон, Питовранов и Яков Матусов ни в чем не признали себя виновными.

Судоплатов пытался спасти своего друга и соратника, пользуясь любой возможностью. Сталин в феврале 1953 года вызвал его в Кремль. Вот что он пишет об этом Судоплатов:

«Сталин передал мне написанный от руки документ и попросил прокомментировать его. Это был план покушения на маршала Тито. Я никогда раньше не видел этого документа, но Игнатъев пояснил, что инициатива исходила от Рясного и Савченко, заместителей министра госбезопасности...

Я сказал Сталину, что в документе предлагаются наивные методы ликвидации Тито, которые отражают некомпетентность в подготовке плана ... Я сказал, что „Макс“ не подходит для подобного поручения, так как он никогда не был боевиком-террористом. Он участвовал в операции против Троцкого, против агента охраны в Литве, в ликвидации лидера троцкистов в Испании А. Нина, но лишь с задачей обеспечения выхода боевиков на объект атаки. Кроме того, из документа не следует, что прямой выход на Тито гарантирован. Как бы мы о Тито не думали, мы должны отнестись к нему как к серьезному противнику, который участвовал в боевых операциях в военные годы и, безусловно, сохранит присутствие духа и отразит нападение. Я сослался на нашего агента „Вала“ — Момо Джуровича, генерал-майора в охране Тито. По его отчетам, Тито был всегда начеку из-за напряженного внутреннего положения в Югославии...

Однако Сталин прервал меня и, обращаясь к Игнатьеву, сказал, что это дело надо обдумать еще раз, приняв во внимание внутренние „драчки“ в руководстве Югославии. Потом он пристально посмотрел на меня и сказал, что, так как это задание важно для укрепления наших позиций в Восточной Европе и для нашего влияния на Балканах, подойти надо к нему исключительно ответственно, чтобы избежать провала, который имел место в Турции в 1942 году, когда сорвалось покушение на посла Германии фон Папена».

После чего Судоплатов понял, что про Эйтингона сейчас лучше не напоминать. А план покушения, которое должен был совершить «Макс», он же «Юзик» — Иосиф Григулевич, не был осуществлен из-за последовавшем вскоре смерти вождя.

* * *

Смерть Сталина принесла свободу и Эйтингону. 20 марта 1953 года он, среди группы других сотрудников МГБ, был выпущен из тюрьмы по приказу Берии. Он был восстановлен в партии, ему вернули все правительственные награды. 30 мая 1953 года был организован 9-й отдел МВД (проведение актов индивидуального террора и диверсий) во главе с генерал-лейтенантом Судоплатовым. Заместители Судоплатова стал генерал-майор Эйтингон. Однако просуществовал этот отдел недолго. Почти сразу после ареста Берии приказом МВД СССР 31 июля он был упразднен, а Судоплатов 21 августа 1953 года арестован.

Вновь попал за решетку и Эйтингон. Имя его прозвучало с высокой партийной трибуны. Новый министр внутренних дел СССР Сергей Круглов, в течение 6 лет бывший

заместителем Берии, обвинял своего бывшего шефа за то, что тот привлек к работе

«таких людей как Райхман, Эйтингон, Судоплатов, Мешик, Мильштейн и других, которые абсолютно не пользуются политическим доверием коллектива и были до его прихода изгнаны из органов МВД.

В настоящее время стало ясно, что теперь необходимо иметь у себя до конца преданных ему людей.

Особое внимание привлекает создание в последнее время Берией, в обход утвержденной Центральным Комитетом структуры министерства, нового отдела, лично подчиненного ему и неизвестно чем занимающегося. Даже кадры в этот отдел подбирались помимо Управления кадров министерства. В этот отдел берется тот же Эйтингон, только что освобожденный из тюрьмы, некто Василевский, пользующийся сомнительной репутацией, близкий человек к Берии, некто Правдин, по национальности француз, и так далее...»

20 июля 1953 года Эйтингон был уволен из МВД в запас Министерства обороны, но уже через месяц арестован вновь по обвинению в сообщничестве Берии. Четыре года пробыл в заключении в Бутырской тюрьме без суда. В 1957 году (в отличие от Судоплатова, получившего 15 лет), он был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к 12 годам тюремного заключения, поскольку ему было зачтено пребывание в тюрьме в 1951–1953 годах.

На заседании суда в последнем слове он заявил:

«Вы судите меня как человека Берии. Но я — не его человек. Если я — чей-то, тогда считайте меня человеком Дзержинского. Но если быть более точным, то я — человек партии. Я выполнял ее задания и государственные. И с вами о них я говорить не буду. Я считаю, что моя жизнь не дороже государственных тайн, которыми я обладаю.

А по вашим лицам я вижу, что вы уже все решили. Поэтому — молчу...»

Генерал Эйтингон полностью отбыл свой срок во Владимирской тюрьме, вместе с Судоплатовым и Матвеем Штейнбергом, разведчиком-невозвращенцем, который все-таки вернулся в 1956 году из Швейцарии и получил 12 лет тюрьмы.

Некоторые бывшие коллеги и люди, знавшие его в боевой обстановке, не захотели помочь, как, например, маршал Родион Малиновский, министр обороны СССР, знакомый по Испании. Но вступились Герои Советского Союза Евгений Мирковский, Станислав Ваупшасов, Кирилл Орловский (первый выступил с ходатайством полностью реабилитировать и освободить из тюрьмы Эйтингона еще в феврале 1958 года), Долорес Ибаррури, руководители французской и австрийской компартий, приехавший в Москву после 20 лет тюрьмы Рамон Меркадер (в 1960 году стал Героем Советского Союза) и его мать Каридад писали письма в ЦК с просьбой о пересмотре дела Судоплатова и Эйтингона.

Даже будучи в заключении, старые чекисты жили интересами дела. В 1962 году после создания в США диверсионных сил специального назначения («зеленые береты») Эйтингон и Судоплатов написали из тюрьмы письмо Хрущеву о необходимости организации аналогичных подразделений в СССР.

Эйтингона выпустили на свободу 20 марта 1964 года. Незадолго до этого во Владимирской тюрьме ему была сделана сложная операция, но его удалось спасти. Перед операцией Эйтингон послал личное письмо Никите Хрущеву, где кратко описал свою прошлую жизнь, службу и годы, проведенные в заключении. Он спрашивал Хрущева: «За что меня осудили?» Призвав лидера партии и государства освободить осужденного на 15 лет Павла Судоплатова, Эйтингон заключает послание словами: «Да здравствует коммунизм! Прощайте!»

Эйтингону после хлопот семьи и друзей разрешили проживать в Москве и получать пенсию в 70 рублей. Он работал переводчиком и редактором в издательстве «Международная книга» (всего он знал 4 языка — английский, французский, испанский и немецкий). Пытался добиться справедливости к себе. В середине 70-х годов он писал члену Политбюро ЦК КПСС, председателю КГБ СССР Андропову (мы вспоминали это письмо в начале книги):

«В 1925 году, перед отъездом в Китай (это был мой первый выезд за кордон), я вместе с бывшим в то время начальником иностранного отдела ГПУ тов. Трилиссером был на приеме у товарища Дзержинского. Он, после того как коротко объяснил обстановку в Китае и указал, на что следует обратить особое внимание, сказал: „Делайте все, что полезно революции“. И я следовал всю жизнь этому напутствию и делал всегда то, что считал полезным и нужным Советской власти и партии ...

И легко себе представить, каким нелепым, диким и непонятным явился для меня мой арест.

Ни во время предварительного следствия, которое длилось четыре года, ни во время суда, так же как и в настоящее время, я ни в чем себя виновным перед советской родиной и партией не признавал и не признаю. Тем не менее меня приговорили к 12 годам тюрьмы, которые я провел во Владимирском центральном.

Я обращаюсь к Вам с просьбой как к члену Политбюро ЦК КПСС, то есть той партии, в которой я состоял с 1919 года, вместе с ней боролся и защищал от врагов внутренних и внешних завоевания Октябрьской революции. Во-вторых, как к руководителю чекистских органов, в которых я проработал всю свою жизнь. Очень прошу Вас помочь мне, чтобы как можно скорее разобрались с моим делом о реабилитации и восстановлении в партии».

Но все попытки добиться реабилитации отвергались. Член Политбюро, секретарь ЦК Михаил Суслов (с которым у Эйтингона, по некоторым данным, было столкновение еще в Литве, где тот был уполномоченным ЦК) заявил Меркадеру:

«Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда. Не суйте нос не в свои дела».

Личная жизнь

Утешение он, возможно, находил в семье. Женщины любили разведчика. Он был пять раз женат, трижды — на сотрудницах. Александра Васильевна Кочергина работала в контрразведке. С ней Эйтингон был в Испании. Кочергина была награждена в 1937 году орденом Красной Звезды.

В 1941 году Эйтингон женится на Музе Григорьевне Малиновской (Вихиревой), спортсменке-парашютистке, с началом войны зачисленной в диверсионный отряд Особой группы. Вместе с ним она работала в Стамбуле. После ареста осталась ждать его с двумя детьми на руках. Последние годы женой Эйтингона была Евгения Пузырева — единственная женщина-сотрудница органов госбезопасности, награжденная британским орденом.

В трех браках было у Наума Исааковича четверо детей.

Сын от первого брака, Владимир Наумович, участник Великой Отечественной, офицер радиоконтрразведки, в 1951 году был уволен из органов, а в 1953 году и с машиностроительного завода в Воронеже. Но выстоял, стал ученым, деканом экономического факультета Воронежского университета. Леонид Наумович — технолог, мастер спорта по футболу. Муза Наумовна — педагог, тренер, мастер спорта по гимнастике. Во втором браке с Ольгой Георгиевной Васильевой Эйтингон воспитывал двух девочек —

свою дочь Светлану и падчерицу Зою Васильевну Зарубину (ее отец — известный разведчик генерал-майор Василий Михайлович Зарубим). Она также работала в органах госбезопасности. Вот как отзывался о ней Судоплатов:

«Арест Эйтингона положил конец службе Зои Зарубиной в органах нашей разведки. Она успешно работала с материалами по атомному оружию, на Ялтинской и Потсдамской конференциях, но вынуждена была уйти из органов после его ареста. Прекрасное знание английского языка помогло ей стать одним из ведущих преподавателей Института иностранных языков, а позднее она руководила подготовкой переводчиков для Организации Объединенных Наций. Зоя Зарубина и сейчас прекрасный лектор, общественный Деятель, участник многих международных конференций».

Так что, как видим, детей своих Наум Эйтингон сумел вырастить людьми достойными.

В конце жизни Эйтингон испытывал, видимо, определенную неудовлетворенность. По мнению Судоплатова, Эйтингон оказался настроенным более реалистично в оценке советских порядков, чем он. Эйтингон часто говорил, к примеру, что партия больше не является отрядом единомышленников, преданных социалистическим идеям и принципам справедливости, а стала всего лишь машиной для управления страной. «Сначала шутки Эйтингона в адрес руководства страны расстраивали меня, но затем я привык к ним и стал понимать, насколько он прав, полагая, что наши лидеры ставят свои собственные корыстные интересы выше интересов народа и Советского государства» — вспоминал друг и соратник Эйтингона.

Умер Наум Исаакович 3 мая 1981 года. Никаких некрологов в газетах не было. Во время похорон на Донском кладбище в Москве Герой Советского Союза полковник Евгений Иванович Мирковский сказал:

«Сегодня у этой могилы как бы завершается рыцарская эпоха в истории нашей ЧК...».

Посмертная реабилитация состоялась в апреле 1992 года. К 55-летию Великой Победы над германским фашизмом 9 мая 2000 года детям Наума Исааковича Эйтингона были возвращены награды, отобранные 47 лет назад — два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Суворова 1-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Наум Исаакович Эйтингон был человеком с большим чувством юмора. Хочется закончить рассказ о нем его же шуткой:

«При нашей системе есть лишь одна, впрочем, тоже не гарантированная, возможность не закончить свои дни в тюрьме. Надо не быть евреем или генералом госбезопасности».

Биографии

Алексеев Владимир Павлович (1900–1988). Сотрудник советской разведки.

Родился на ст... Ляховичи Барановичского уезда Минской губ. в семье железнодорожного служащего. В 1918-1919 гг. учился в Харьковском технологическом институте. Член РКП(б) с 1919 г. Председатель Гомельского уездного комитета комсомола, сотрудник земельного отдела уездного исполкома, в марте 1919 г. участвовал в подавлении антисоветского мятежа (т. н. «стрекопьевщина», по фамилии руководителя, бывшего царского офицера, служившего в Красной Армии). В 1919–1920 гг. служил в Красной Армии (красноармеец, политработник), был тяжело ранен, затем в органах ВЧК-ОГПУ (зам. пред. Гомельской губ. ЧК в 1921 г. и ЧК-ГПУ Башкирской АССР), уполномоченный Восточного отдела ОГПУ в 1923–1925 гг.

В 1925 г. окончил восточный факультет Военной академии РККА; был направлен на

заграничную разведработу в Харбин. С 1928 г. работал в полпредстве СССР в Японии под именем Владимира Владимировича Железнякова: 2-м секретарем (резидент ИНО), в 1932–1934 гг. 1-м секретарем и генеральным консулом.

В 1935–1938 гг. в секретариате секретаря Исполкома Коминтерна О. В. Куусинена референтом по Японии. В 1938 г. был арестован, приговорен к 10 гг. лагерей, в 1949 г. Особым совещанием при МГБ СССР — к ссылке на поселение в Красноярском крае. Реабилитирован в 1956 г. В 1967 г. награжден орденом Красного Знамени.

Аллахвердов Михаил Андреевич (псевд. «Заман») (1900–1968). Генерал-майор (1945). Родился в г. Шуша (Нагорный Карабах) в семье торговца. Учился в гимназии в Андижане (Узбекистан). В 1918 г. вступил добровольцем в Красную Армию. В составе 3-го Туркестанского стрелкового полка участвовал в боях с басмачами. Затем слушатель педагогических курсов, учитель.

С 1919 г. в органах ВЧК. В 1920 г. вступил в РКП(б). Секретарь военного комиссара отряда особого назначения (г. Ош, Фергана). С июня 1921 г. зам. начальника особого отдела Памирской военно-политической экспедиции, задачей которой было установление Советской власти в этом районе. В начале 1923 г. был переведен в Восточный отдел ОГПУ в Москве. Владел узбекским, персидским, французским, английским языками.

По окончании заочного отделения восточного факультета Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе в 1925 г. был направлен на разведывательную работу в Иран (под дипломатическим прикрытием должности секретаря консульства в Керманшахе). С 1928 г. резидент ИНО в Иране. Провел большую работу по проникновению в антисоветские эмигрантские круги и действовавшие с территории Ирана против СССР турецкую, германскую, японскую и др. разведки, приобрел ценную агентуру в иранских правящих кругах.

По возвращении в СССР в 1930 г. работал в центральном аппарате ИНО ОГПУ. В 1933–1934 гг. нелегальный резидент в Австрии (Вена), Швейцарии (Цюрих) и Франции (Париж). В 1934–1936 гг. легальный резидент в Афганистане; в 1936–1938 гг. — в Турции. В этих странах успешно работал против антисоветской эмиграции и иностранных разведок.

С 1938 г. в центральном аппарате, затем в германском отделении 5-го отдела. В феврале-марте 1941 г. выезжал в Белград, где участвовал в подготовке и осуществлении переворота против прогермански настроенного правительства Югославии. С апреля 1941 г. начальник информационного отделения 1-го (немецкого) отдела 1-го управления НКГБ СССР.

С началом Великой Отечественной войны под оперативным псевдоним «Заман» вновь легальный резидент в Афганистане. Под его руководством была раскрыта сеть германской агентуры и во взаимодействии с британской разведкой парализована деятельность германских и японских спецслужб в этом регионе. По возвращении в СССР в конце 1943 г. был назначен начальником вновь созданного информационного отдела 1-го управления НКГБ СССР. В 1945 г. выезжал в Швейцарию для выполнения специального задания.

В 1947–1955 гг. зам. начальника по учебной и научной части ВРШ КИ при СМ СССР — КГБ при СМ СССР.

С 1955 г. в отставке.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, «Знак Почета», медалями, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Белкин Наум Маркович (псевд. «Кадис», «Н. М. Марков») (1893–1942). Старший лейтенант госбезопасности (1935). Родился в г. Жлобине Могилевской губ. в мещанской семье. Окончил 3 класса частной гимназии в Гомеле. Участник Первой мировой войны. В 1914–1918 гг. находился в немецком плену. В октябре 1918 вступил в РКП(б).

В 1918–1919 гг. на хозяйственной работе в Саратове, в 1919–1920 гг. зав. отделом Наркомата труда и социального обеспечения Туркестанской АССР (Ташкент). В 1920–1921 гг. в Красной Армии, политический комиссар на Западном фронте.

После гражданской войны в 1921–1922 гг. работал на железнодорожном транспорте. В

1924 г. как владеющий арабским, французским, испанским и английским языками был направлен на заграничную работу по линии НКВД в Саудовскую Аравию. В 1925–1931 гг. по линии Наркомата торговли СССР работал в Йемене и Иране.

В июне 1931 г. был зачислен в штаты ИНО ОГПУ.

В 1933–1934 гг. на нелегальной работе в Болгарии и Югославии, Уругвае. В 1935–1936 гг. под псевд. «Кади» работал в берлинской резидентуре ИНО ГУ ГБ НКВД; был оператором Аренда Харнака («Корсиканец») — одного из организаторов подпольной антифашистской группы, впоследствии известной как «Красная капелла».

С сентября 1936 г. в Испании в качестве зам. резидента и зам. официального представителя НКВД СССР при республиканской службе безопасности А. М. Орлова. Задачей Белкина являлась координация совместной деятельности с представителями испанского МВД, руководством особых отделов республиканской армии. После бегства А. М. Орлова в августе 1938 г. на Запад был отозван в СССР и уволен из органов НКВД «за невозможностью дальнейшего использования». С 1939 работал начальником Бюро информации Всесоюзного радиокомитета. Весной 1941 г. был подготовлен материал на арест Белкина, но нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов не дал санкции, посчитав представленные данные недостаточными.

С первых дней Великой Отечественной войны Белкин в армии, старший политрук Центрального военного госпиталя. В ноябре 1941 г. восстановлен в кадрах НКВД и откомандирован в распоряжение 2-го отдела НКВД СССР, в декабре 1941 г. под псевд. «Н. М. Марков» по специальному поручению наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия был направлен в Иран — по линии 4-го управления НКВД — для изучения «курдского вопроса»; в марте 1942 г. умер в г. Тавризе от сыпного тифа.

Награжден орденом Красного Знамени.

Василевский Лев Петрович (1904–1979). Полковник. Родился в г. Курске. С 14 лет трудился слесарем, электромонтером.

С 1927 г. работал в полномочном представительстве ОГПУ по ЗСФСР, служил в погранвойсках, окончил авиашколу, курсы усовершенствования комсостава при Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. В 1936 г. командир-комиссар отдельной авиачасти Управления по граничной и внутренней охраны УНКВД Казахской АССР (на границе с Китаем, в районе Синцзяна).

В 1937–1938 гг. руководитель линии «Д» (разведывательно-диверсионные операции) резидентуры НКВД СССР в Испании, старший советник Особого отдела Мадридского фронта, начальник оперативной группы НКВД. Владел французским и испанским языками. В 1939–1941 гг. резидент внешней разведки в Париже (под прикрытием должности генерального консула — «Тарасова»), Участвовал в операции по ликвидации Л. Д. Троцкого в Мексике. В 1941–1942 гг. — зам. резидента в Анкаре (Турция). С 1942 г. — зам. начальника 4-го управления НКВД СССР. В 1943–1945 гг. резидент НКВД-НКГБ в Мексике, действовал под именем Л. А. Тарасова и прикрытием должности советника посольства СССР в этой стране. Ему удалось восстановить связи с агентурой в США и Мексике, привлеченной советскими разведчиками Эйтингоном и И. Р. Григулевичем для проведения операции по ликвидации Троцкого.

С декабря 1945 г. Василевский — зам. начальника отдела «С» НКГБ-МГБ СССР. С 1945 г. зам. начальника, с 1946 г. начальник 11-го отдела (Научно-техническая разведка) 1-го управления НКГБ-ПГУ МГБ СССР — Отдела НТР КИ при СМ СССР.

В 1948–1951 гг. — пенсионер МГБ, зам. директора Главного управления кинопроката Министерства кинематографии СССР.

В апреле 1953 г. был назначен помощником начальника 9-го отдела МВД СССР (Служба диверсий за границей).

В июле 1953 г. уволен из МВД СССР и в 1954 г. исключен из КПСС за «связи с Берией» и «политические ошибки», допущенные в заграничной работе. Лишен воинского звания. В] 1959 г. восстановлен в КПСС, воинском звании. Реабилитирован.

Автор более 50 книг и статей по истории гражданской войны в Испании. Вместе с А. В. Горским (в годы войны резидентом в Англии) — перевел знаменитую книгу Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада». Автор книги о чекисте Г. С. Сыроежке «Испанская хроника Григория Гранде» (М., 1974).

Награжден орденом Красного Знамени, медалями.

Ваупиасов Станислав Алексеевич (1899–1976). Наст. фам. Ваупшас. Полковник.

Родился в д. Грузджай Шяуляйского уезда Ковенской губ. в семье рабочего. Трудовую деятельность начал батраком. С 1914 г. жил в Москве, работал землекопом, арматурщиком на заводе «Проводник».

С 1918 г. в Красной гвардии, затем в Красной Армии. Участвовал в боях на Южном фронте, затем на Восточном — против войск генерала Дутова и белочехов; на Западном фронте.

С 1920 по 1925 гг. на подпольной работе по линии т. н. «активной разведки» Разведывательного управления РККА в оккупированных Польшей западных областях Белоруссии. Организатор и командир партизанских отрядов. С 1925 г. на административно-хозяйственной работе в Москве. В 1927 г. окончил Курсы комсостава РККА.

В 1930-е гг. работал в органах ГПУ БССР, был начальником участка на строительстве канала Москва — Волга.

В 1937–1939 гг. находился в командировке в Испании, старший советник при штабе 14-го партизанского корпуса республиканской армии по разведывательно-диверсионным операциям (под псевд. «Шаров» и «товарищ Альфред»), После поражения республиканцев, рискуя жизнью, вывез архивы республики.

С 1939 г. — в центральном аппарате НКВД СССР. Во время советско-финской войны участвовал в формировании разведывательно-диверсионных групп. В 1940 г. вступил в ВКП(б).

В 1940–1941 гг. в разведывательной заграничной командировке в Финляндии и Швеции. После возвращения в СССР направлен в распоряжение Особой группы 2-го отдела НКВД СССР. В годы Великой Отечественной войны с октября 1941 г. командир батальона Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР, участник битвы за Москву. С марта 1942 по июль 1944 г. под псевд. «Градов» — командир партизанского отряда НКГБ СССР «Местные», действовавшего в Минской обл. Белоруссии. Партизанское соединение под его командованием уничтожило свыше 14 тыс. немецких солдат и офицеров, совершило 57 крупных диверсий, в т. ч. — взрыв столовой СД, в результате которой было убито несколько десятков немецких офицеров высоких рангов.

В 1945 г. работал в центральном аппарате НКГБ в Москве. В августе 1945 г. участвовал в боевых операциях против Японии, затем начальник оперативной группы НКГБ по очистке тыла от агентуры противника в Маньчжурии.

С декабря 1946 г. начальник разведотдела МГБ Литовской ССР. Участвовал в ликвидации националистических вооруженных формирований. В 1954 г. уволен в запас.

Автор воспоминаний «На тревожных перекрестках» (М., 1972 и др.).

Герой Советского Союза (1944). Награжден 4 орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Трудового Красного Знамени БССР, медалями.

Вележев Сергей Георгиевич (1885–1972). Родился в д. Ксихонка (ныне Задонского р-на Воронежской обл.), в семье священника. Учился в Горном институте в Петербурге. Член РСДРП с 1905 г. Работал учителем. Участник Первой мировой войны, прапорщик.

В 1917–1918 гг. состоял в организации объединенных социал-демократов (интернационалистов). С августа 1917 г. — помощник командующего Омского ВО. В апреле 1918 г. был кооптирован в состав Центрального исполкома Советов Сибири, член коллегии Сибирского военного комиссариата. В 1918 г. вступил в РКП(б).

В октябре 1918 — апреле 1919 г. находился в плену у японских интервентов. С октября 1919 г. воевал в партизанском отряде, действовавшем в районе Хабаровска (командир

эскадрона). С апреля 1920 г. начальник штаба Хабаровского (Восточного) фронта, затем — член военного совета Амурского фронта. В 1921 г. — комиссар Оперативного управления, начальник разведывательного управления штаба помощника главкома по Сибири.

В 1923–1929 гг. помощник начальника ИНО ОГПУ. В 1924 г. член комиссии по возвращению судов бывшей врангелевской эскадры из Французской военно-морской базы Бизерте (Тунис). В 1925–1927 гг. главный резидент ИНО в Китае под фам. Ведерников и под прикрытием должности атташе полпредства СССР в Пекине и генерального консульства в Ханькоу.

В апреле-ноябре 1929 г. — начальник Главного управления погранохраны и войск ОГПУ. С 1930 г. — в аппарате ЦК ВКП(б). В 1931–1933 гг. — слушатель Промышленной академии, в 1934–1937 гг. — директор Киевского завода «Арсенал», на другой хозяйственной работе. Член ЦИК УССР в 1935–1937 гг. В годы Великой Отечественной войны работал в системе Наркомата цветной металлургии, с 1948 — инженер Главвольфрамурамдмета.

С 1957 г. — персональный пенсионер.

Винаров Иван Цолов (Иван Цолович, Иван Гаврилович, «Март»). (24.02.1896–25.07.1969).

Генерал-майор (1945) Болгарской народной армии, полковник РККА (1936).

Родился в Болгарии в г. Плевен в семье крупного землевладельца, из рабочих; болгарин. Участник Первой мировой войны и воинского восстания 1918 г. Член Болгарской социал-демократической рабочей партии («тесняков») с конца 1916 г. По заданию партии занимался изъятием оружия для ее нужд со складов Союзной контрольной комиссии, активный сотрудник нелегального канала связи Варна — Севастополь — Одесса. Осенью 1921 г. был арестован, а в декабре 1922 г. бежал в СССР.

В апреле 1923 г. вступил в РКП (б). Работал столяром на музыкальном предприятии, учился в Коммунистическом университете им. Свердлова. В апреле 1924-октябре 1925 г. в составе группы Разведупра Штаба РККА занимался переброской оружия для БКП, которая готовила вооруженное восстание и разворачивала четническое (партизанское) движение.

Прошел трехмесячное обучение в специальной военной школе в г. Тамбове. Затем находился в Болгарии и Австрии, помогал болгарским коммунистам, которые покидали страну из-за репрессий, обрушившихся после покушения в апреле 1925 г. на царя в храме «Света неделя» в Софии.

В январе 1926-феврале 1929 г. работал в Китае советником по вопросам военной разведки в группе Х. И. Салныня, которая с 1927 г. находилась на нелегальном положении под прикрытием торговой фирмы. Помимо разведывательной деятельности группа оказывала помощь Компартии Китая, в том числе поставками оружия. Связной группы была жена Винарова Г. П. Лебедева, которая работала шифровальщицей в советских представительствах в Пекине и Харбине.

В апреле 1929-июне 1930 г. учился на Курсах усовершенствования по разведке при IV управлении Штаба РККА, одновременно в сентябре-декабре 1929 г. участвовал в разведывательных операциях в Китае в период ликвидации конфликта на КВЖД.

В 1930–1933 г. главный резидент в Австрии, в сферу его деятельности входили Австрия, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Греция, Венгрия, Болгария, Турция. Из характеристики Центра о деятельности Винарова в этот период: «Винаров организовал на чешских военных заводах и заводе „Шкода“ разведывательные группы. Он получил исчерпывающую информацию о состоянии авиационной промышленности, которая характеризуется как особо ценная. С его помощью Центр получил также необходимые ему 17 греческих паспортов. От Винарова получены исключительно интересные сведения государственного значения от источников в Бухаресте, Белграде, Афинах и Софии...»

В 1936 г. окончил Особый факультет Военной академии им. Фрунзе. В декабре 1936-марте 1938 г. руководил разведывательной организацией в Париже, которая охватывала не только Францию, но и соседние страны. Одна из главных задач организации была помощь

республиканской Испании.

В июле 1938 г. уволен из РККА. В июне 1940 г. приказ об увольнении был отменен, тогда же назначен преподавателем кафедры общей тактики Военной академии им. Фрунзе.

В 1941–1944 гг. занимался подготовкой болгарских политэмигрантов для партизанской войны в Болгарии, выполнял в 1941–1942 гг. задание в Турции, был командиром интернационального полка ОМСБОН, неоднократно выполнял задания в тылу врага.

С 1944 г. проживал в Болгарии. В 1944–1949 гг. участвовал в создании Болгарской народной армии, находился на командных постах в строительных войсках.

В 1949–1964 гг. пом. министра, министр путей сообщения и строительства, начальник Главного управления путей сообщения при Совете министров НРБ. Герой социалистического труда НРБ (1964).

Волленберг Николай Львович (1892–1937). Майор госбезопасности. Родился в г. Двинске Витебской губернии (ныне Даугавпилс, Латвия), в семье железнодорожного служащего. По национальности немец. Учился в школе в Варшаве, в 1910 г. окончил городское училище в Речице (Белоруссия). В 1910–1911 гг. матрос на торговых судах Черноморского флота. Участник Первой мировой войны. В ноябре 1917 г. один из организаторов Красной гвардии в Белоруссии. Тогда же вступил в РКП(б). Служил в Красной Армии. После демобилизации — на партийной и советской работе в Могилеве и Гомеле.

С января 1920 г. председатель Могилевской уездной ЧК, председатель Гомельской ЧК. Объединил под своим руководством группу молодых чекистов, позднее ставших крупными советскими разведчиками, среди которых были Н. Эйтингон и В. Алексеев-Железняков. С конца декабря 1921 г. — председатель ЧК Башкирской АССР, с июля 1922 г. начальник Башкирского отдела ГПУ. В 1926 г. был переведен на работу в центральный аппарат ОГПУ в Москву, помощник начальника ЭКУ, затем зам. начальника Восточного отдела ОГПУ (фактически руководил отделом, так как его начальник Я. Петерс был перегружен партийной работой). В 1928–1930 гг. полномочный представитель ОГПУ по Казахстану (Казахской АССР). С 1930 г. — вновь в Центральном аппарате ЭКУ ОГПУ.

Был приглашен А. Артузовым на работу в ИНО ОГПУ. С 1933 г. — резидент ИНО ОГПУ в Иране, атташе полпредства; с ноября 1934 г. — резидент ИНО ГУГБ НКВД в Данциге под прикрытием должности вице-консула СССР под фамилией Гроднева. В результате обострившегося ревматизма в августе 1936 г. был отозван в Москву. Награжден орденом Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ», грамотой Коллегии ОГПУ, именным оружием. Умер в декабре 1937 г.

Зарубин Василий Михайлович (1894–1972). Генерал-майор (1945). Родился в д. Панино Бронницкого уезда Московской губ. в семье кондуктора ст. Москва-Курская, члена РСДРП. Кроме Василия в семье было еще 12 детей; впоследствии его брат Сергей и сестра Анна работали в органах госбезопасности. В 1903–1908 гг. учился в 2-классном училище при Московско-Курской ж.-д. Работал в товариществе В. Лыжина (суконная фирма) мальчиком, упаковщиком, конторщиком; одновременно учился. Участник 1-й мировой войны, рядовой. Вел антивоенную агитацию, за что был отправлен в штрафную роту, был ранен. В марте 1917 г. избирался членом полкового солдатского комитета. С октября 1917 г. — конторщик в товариществе «Волжская мануфактура» в Москве, затем помощник кладовщика на складе.

В апреле 1918 г. вступил в РКП(б). С сентября 1918 г. служил в Красной Армии. Воевал на Южном фронте, начальник конной связи и помощник начальника штаба по оперативной части 1-й бригады 1-й Московской Рабочей дивизии, с февраля 1920 г. — инструктор-контролер 24-й бригады ВОХР Орловского сектора, с октября 1920 г. сотрудник для поручений при начальнике 5-й дивизии внутренней службы в г. Козлове.

При расформировании войск внутренней службы рекомендован в органы ВЧК. С января 1921 г. помощник уполномоченного по борьбе со спекуляцией районной транспортной ЧК Центра (г. Москва), затем уполномоченный, зам. начальника, начальник

секретно-оперативной части Отдельной дорожно-транспортной ЧК и одновременно зам. начальника Отдельной дорожно-транспортной ЧК в Москве.

В апреле 1922 г. направлен в полномочное представительство ГПУ Дальневосточного ВО, был назначен зам., начальника Особого отдела 17-го Приморского корпуса в г. Никольске-Уссурийском. С февраля 1923 г. начальник экономического отделения Приморского губернского отдела ГПУ во Владивостоке. В феврале 1924 г. переведен на работу в разведку с зачислением в негласный штат по закордонной работе полномочного представительства ОГПУ Дальневосточного ВО; выезжал со спецзаданиями в Харбин и Пекин под прикрытием должности завхоза консульства СССР. С марта 1924 г. начальник 4-го отделения Экономического отдела Приморского губернского отдела полномочного представительства ОГПУ Дальневосточного ВО во Владивостоке, ответственный за борьбу с контрабандой наркотиков и оружия.

С сентября 1925 г. в аппарате ИНО ОГПУ, особоуполномоченный Закордонной части. С декабря 1925 г. легальный резидент ИНО в Хельсинки под прикрытием должности атташе полномочного представительства СССР в Финляндии. С 1927 г. на нелегальной работе в Дании. После возвращения в СССР с апреля 1929 г. особоуполномоченный Закордонной части, с января 1930 г. помощник начальника 8-го отделения ИНО ОГПУ. В марте 1930 г. назначен нелегальным резидентом ИНО ОГПУ во Франция; выехал по документам инженера Яна Кочека, словака по национальности, вместе с женой Е. Ю. Зарубиной (Горской), предварительно легализовавшись в Швейцарии. Действовал под видом совладельца гаража, затем — рекламной фирмы. Возглавляемая им резидентура ¹ получала секретные материалы не только по Франции, но и Германии, в частности, добываемую в германском посольстве политическую и экономическую информацию.

В декабре 1933 г. переведен нелегальным резидентом в Берлин. Провел ряд ценных вербовок, являлся оператором особо важного агента — сотрудника гестапо Вилли Лемана («Брайтенбах»). Полученная через него информация о структуре, кадрах, операциях РСХА, гестапо и абвера, о военном строительстве и оборонной промышленности Германии получила высокую оценку Центра.

В 1937 г. для выполнения спецзадания вместе с женой выезжал в США.

С января 1939 г. — старший оперуполномоченный 7-го отделения, с августа 1940 г. — зам. начальника 10-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Продолжал выполнять оперативные задания; в т. ч. привлек к сотрудничеству латиноамериканского дипломата, аккредитованного в Москве. Весной 1941 г. выезжал в Китай, где восстановил связь с Вальтером Стеннесом, германским военным советником Чан Кайши, в прошлом — одним из лидеров левого крыла НСДАП, руководителем берлинских штурмовых отрядов СА. Также выезжал в Швейцарию, Италию, Турцию, Польшу, Австрию. С февраля 1941 г. — зам. начальника 1-го управления НКГБ СССР.

В декабре 1941 г. был направлен резидентом в США действовал под фам. «Зубилина» и прикрытием должности вице-консула СССР в Нью-Йорке. Перед поездкой 12 октября 1941 г. имел личную беседу с И. В. Сталиным.

С апреля 1943 г. — главный резидент в США под прикрытием должности 2-го секретаря полпредства СССР. Получаемая из правительственных, военных и научных кругов США информация высоко оценивалась Центром и регулярно докладывалась советскому руководству.

Летом 1944 г. сотрудник резидентуры В. Д. Миронов написал донос на Зарубина и других коллег, якобы те являются немецкими и японскими шпионами, который отправил не только в Центр, но и директору ФБР Э. Гуверу, фактически раскрыв личный состав резидентуры.

В связи с этим в августе 1944 г. Зарубин был отозван в Москву и переведен в резерв на время расследования.

В ходе следствия было выявлено предательство Миронова. Последний был арестован и расстрелян.

По возвращении на родину до 1948 г. работал зам. начальника внешней разведки. В 1948 г. вышел в запас «по состоянию здоровья с правом ношения военной формы». После увольнения являлся председателем федерации тенниса ДСО «Динамо». В мае 1953 г. был принят П. А. Судоплатовым на работу в 9-й (разведывательно-диверсионный) отдел МВД СССР в качестве оперативного работника 1-й категории негласного штата.

8 июля 1953 г. уволен из органов МВД с переводом в запас Министерства обороны. В последующие годы принимал участие в подготовке кадров для разведки, написал учебник для специального учебного заведения ПГУ КГБ.

Награжден 2 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 2 орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями, знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ», именными часами.

Казас Михаил Маркович (1896-год смерти неизв.). Родился в Крыму в семье служащего. Окончил гимназию в 1914 г. Учился в Лазаревском институте восточных языков. Член РКП(б) с 1919 г. В 1920–1921 гг. — особоуполномоченный Оренбургской губернской ЧК. В 1921 г. находился в Анкаре в составе комиссии по репатриации военнопленных. В том же году сотрудник Особого отдела ВЧК. С 1922 г. начальник 3-го (дальневосточного) отделения Восточного отдела СОУ ГПУ. Одновременно в 1922–1924 гг. учился в Институте востоковедения и на восточном факультете Военной академии РККА.

В 1924–1926 гг. резидент ИНО в Тегеране под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР в Иране. В 1927–1929 гг. вице-консул в Кашгаре (Западный Китай). С 1929 г. в центральном аппарате ИНО ОГПУ. С 1933 г. работал в политотделах МТС. Уволен из органов НКВД в 1939.

Минский (Минскер) Яков Григорьевич (1891–1934). Родился в Киеве в семье портного. В 1903 г. поступил в Киевское художественное училище, был отчислен за участие в забастовке учащихся. В 1911 г. вступил в партию эсеров. В 1912 г. был арестован, отбывал ссылку в Иркутской губ. Из ссылки бежал в Одессу, однако вернулся в Иркутск, где до Февральской революции работал конторщиком. В 1917 г. был избран в Иркутский совет солдатских и рабочих депутатов. В апреле вернулся в Киев, работал в эсеровском издательском товариществе, служил в армии.

В ноябре 1917 г. вновь в Иркутске. Принимал участие в подавлении юнкерского мятежа. За сотрудничество с Советской властью был исключен из партии эсеров. Вступил в партию левых эсеров, от которой избирался в Совет рабочих и солдатских депутатов. На I съезде Советов Сибири избран в ЦИК Советов Сибири (Центросибирь). После поражения Советской власти в Сибири работал в подполье. Был избран в подпольный ревком в г. Владивостоке.

В декабре 1918 г. вступил в РКП(б). В январе 1919 г. был арестован колчаковской контрразведкой, до января 1920 г. находился во владивостокской тюрьме.

После освобождения уполномоченный Приморского краевого комитета РКП(б), затем — Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) в полосе отчуждения КВЖД. Руководил работой профсоюзов в Харбине.

В августе 1920 был назначен уполномоченным Военного совета Амурского фронта в Северной Маньчжурии.

С октября — уполномоченный (резидент) Разведывательного управления Штаба РККА в Северной Маньчжурии, организовал там агентурную сеть. В феврале 1921 г. выехал в Читу, затем в Иркутск; был назначен зам. уполномоченного Исполкома Коминтерна по работе на Дальнем Востоке.

С февраля 1922 г. в Москве, сотрудник ИНО ОГПУ. В 1922–1924 находился на разведработе в Иране под прикрытием должности консула. С мая 1925 г. — в центральном аппарате ОГПУ в Москве. С декабря 1925 г. находился в Шанхае под прикрытием должности вице-консула. В декабре 1926 г. был назначен резидентом ИНО ОГПУ в Турции, под прикрытием должности атташе советского полпредства.

В 1929 г. был отозван в СССР, работал в центральном аппарате внешней разведки. С

1933 г. начальник отделения Дальнего Востока ИНО ОГПУ. Умер в Москве.

Мирковский Евгений Иванович (1904–1992). Полковник (1944). Родился в Минске в семье служащего. С 1921 г. работал слесарем в г. Дмитриев-Льговский Курской губ., бетонщиком на строительстве в Минске.

С 1927 г. в органах ОГПУ. С 1926 г. — сотрудник полномочного представительства ОГПУ по БССР. Член ВКП(б) с 1927 г. С 1927 по 1941 г. служил в погранвойсках на западной границе. В 1932 г. окончил Минское военное пехотное училище, в 1939 г. участник освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию.

После начала Великой Отечественной войны с июля 1941 г. — командир отряда Особой группы (позднее — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения) НКВД СССР. Участник обороны Москвы. С марта 1942 по сентябрь 1944 г. командир специального разведывательно-диверсионного отряда «Ходоки», развернутого в специальный партизанский отряд имени Дзержинского, действовавший на территории Орловской, Житомирской, Черниговской, Гомельской и Брестской обл., а также в Польше.

С 1944 г. на руководящей оперативной работе в органах НКВД-НКГБ-МГБ-МВД. С 1953 г. — советник МВД СССР при Службе госбезопасности Албании. С марта 1954 г. — начальник 13-го (разведывательно-диверсионного) отдела ПГУ КГБ при СМ СССР. В 1955 г. уволен в запас по состоянию здоровья. Жил в Москве.

Герой Советского Союза (1944). Награжден 2 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

Орлов Александр Михайлович (21.08.1895–04.1973). Майор ГБ (1935).

Настоящая фамилия — Фельдбин Лейба Лазаревич, в органах НКВД — Никольский Лев Лазаревич.

Родился в г. Бобруйске Минской губернии в семье мелкого служащего по лесному делу. С 16-летнего возраста подрабатывал частными уроками. Закончив среднее учебное заведение в Москве в 1915 г., в 1916 г. поступил на юридический факультет Московского университета и одновременно в Лазаревский институт восточных языков. В том же году призван в армию, служил рядовым 104-го пехотного полка на Урале. В 1917 г. переведен в студенческий батальон в г. Царицыне, где служили неблагонадежные элементы. После Февральской революции закончил 2-ю школу прапорщиков. Тогда же вступил в партию социал-демократов (объединенных интернационалистов), позднее переименованную в Российскую социалистическую рабочую партию (интернационалистов), а затем — в группу «независимых» во главе с Соломоном Лозовским.

В 1917–1918 гг. Л. Л. Фельдбин — заместитель заведующего справочного бюро Высшего финансового совета, затем преподавал в школе в провинции. В 1919 г. он вступил в РККА и был зачислен в ОО 12-й армии, где работал следователем, уполномоченным по борьбе с контрреволюцией, старшим следователем. Участвовал в раскрытии контрреволюционных организаций в Киеве. Во время отступления армии во главе Отряда особого назначения боролся с повстанцами. В мае 1920 г. вступил в РКП(б).

С декабря 1920 г. — начальник агентурно-следственного отделения 00 ВЧК по охране северных границ, заместитель начальника СОЧ того же отдела, начальник следственно-розыскной части и заместитель заведующего СОЧ Архангельской ГубЧК. Одновременно особоуполномоченный по фильтрации белых офицеров на Севере.

С июля 1921 г. по 1922 г. Л. Л. Никольский — следователь Верховного трибунала при ВЦИК. Во время партийной чистки переведен на 6 месяцев из членов в кандидаты в члены РКП(б) «за незнание партийной программы».

С января 1923 г. — помощник прокурора Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда.

В 1924 г. Л. Л. Никольский завершает обучение в Школе правоведения при Московском университете и возвращается в органы госбезопасности. С мая 1924 г. он — начальник 6-го отделения, с 1925 г. — начальник 7-го отделения и помощник начальника ЭКУ ОГПУ, затем — начальник погранохраны Сухумского гарнизона.

В 1926 г. Л. Л. Никольский переводится в ИНО ОГПУ.

В 1926–1927 гг. он — резидент в Париже, действовал под фамилией Л. Николаев и под прикрытием должности сотрудника торгпредства СССР во Франции. В 1928 г. направлен в берлинскую резидентуру под фамилией Л. Фельдель и прикрытием должности торгового советника полпредства СССР в Германии.

В 1930 г. вернулся в СССР, начальник 7-го отделения (экономическая разведка) ИНО ОГПУ. В сентябре 1932 г. выезжал в краткосрочную командировку в США под прикрытием должности представителя Льноэкспорта, где смог приобрести подлинный американский паспорт на имя Уильяма Голдина.

Весной 1933 г. Л. Л. Никольский (псевдоним «Швед») по документам У. Голдина был направлен в Париж во главе нелегальной оперативной группы «Экспресс» с задачей разработки 2-го Бюро (разведка) французского Генштаба. В процессе командировки в декабре 1933 г. выезжал со спецзаданием в Рим. Весной 1934 г. был опознан бывшим сотрудником советского торгпредства, в связи с чем в мае 1934 г. покинул Францию.

С 15 июля 1934 г. — нелегальный резидент в Англии под прикрытием представителя «Америкэн рефриджерейтор компани, лтд». Орлов прибыл в Лондон, где стал главным оператором выпускника Кембриджского университета К. Филби («Зенхен»), завербованного незадолго до этого сотрудником резидентуры А. Дейчем («Ланг»).

В конце октября 1935, по возвращении в СССР назначен заместителем нач. ТО ГУ ГБ НКВД. Однако фактически работал в ИНО, где продолжал курировать деятельность «Кембриджской группы». В декабре 1935 по американским документам для выполнения вербовочного задания выезжал в Рим, а в 1936 — Эстонию и Швецию, где успешно провел операцию по вербовке посла одной из западных стран.

В сентябре 1936 г. под прикрытием должности атташе по политическим вопросам советского полпредства в Испании Орлов был направлен в Мадрид в качестве резидента НКВД и главного советника по внутренней безопасности и контрразведке при республиканском правительстве. Тогда же лично И. В. Сталиным на него была возложена задача по организации вывоза на хранение в СССР испанского золотого запаса, составлявшего более полумиллиарда долларов США.

С декабря 1936 г. принимал непосредственное участие в организации контрразведывательной службы республиканцев — СИМ. Руководимый им аппарат провел значительную работу по разоблачению франкистской агентуры и подготовке партизанских и диверсионных групп для действий в тылу противника. В 6 созданных при его участии диверсионных школах прошли обучение не менее 1000 человек.

Под его непосредственным руководством была проведена операция по подавлению вооруженного мятежа анархистов и троцкистской организации ПОУМ в Каталонии. В июне 1937 г. им же было организовано похищение из тюрьмы и последующая ликвидация лидера ПОУМ Андре Нина.

В конце 1937 г. Орлов, втайне от испанских властей, организован нелегальную разведшколу под условным названием «Строительство». Кандидаты на обучение тщательно отбирались из бойцов интернациональных бригад. Многие выпускники школы были признаны слишком ценными, чтобы воевать в Испании. Их выводили через Францию в Западную Европу и с заданиями направляли в различные страны мира.

В Испании Орлову вновь пришлось руководить работой К. Филби, находившегося со спецзаданием при франкистском правительстве. В апреле 1938 г. Орлов завербовал бойца Интербригады из США Морриса Козна, будущего «атомного разведчика», связного Р. И. Абеля и К. Т. Молодых.

В июле 1938 г. Орлов получил приказ выехать в Антверпен для встречи с представителем Центра С. М. Шпигельглазом на борту советского парохода «Свирь». Опасаясь ареста и депортации в Советский Союз, бежал на Запад. В дальнейшем проживал в США под именем Игоря Константиновича Берга.

После смерти И. В. Сталина Орлов опубликовал за границей книги «История

сталинских преступлений» (1953) и «Пособие по контрразведке и ведению партизанской войны» (1954). На многочисленных допросах в ФБР и других западных спецслужбах, сообщив достаточно много сведений о работе органов госбезопасности СССР в Европе и внутри страны, не выдал известную ему лично заграничную агентуру советской разведки, в т. ч. группу К. Филби. Умер в США.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени.

Орловский Кирилл Прокофьевич (1895–1968). Полковник. Родился в д. Мышковичи (ныне Кировского р-на Могилевской обл., Белоруссия) в семье крестьянина. В 1910 г. окончил церковно-приходскую школу. В 1915 г. был призван в армию, служил рядовым 251-го запасного пехотного полка, затем, с 1917 г. — унтер-офицером, командиром саперного взвода 65-го пехотного полка на Западном фронте. В январе 1918 г. демобилизовался и вернулся в родную деревню. Однако его «мирная передышка» продолжалась недолго: после прихода германских оккупантов в Белоруссию Орловский связывается с Бобруйским подпольным комитетом РКП(б), создает партизанский отряд, которым командует с августа по декабрь 1918 г.

В декабре 1918-мае 1919 г. работал в Бобруйской ЧК. В 1919–1920 гг. учился на 1-х московских пехотных курсах комсостава, будучи курсантом, участвовал в боях против войск Юденича, в советско-польской войне. В 1920–1925 гг. руководил партизанскими отрядами во входившей в состав Польши Западной Белоруссии по линии «активной разведки» Разведывательного управления РККА. Под его руководством были проведены десятки боевых операций, в результате которых было уничтожено свыше 100 жандармов и помещиков.

В последующий период учился в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада имени Ю. Ю. Мархлевского, который окончил в 1930 г. Затем в течение 5 лет находился на работе по подбору и подготовке партизанских кадров по линии Особого отдела НКВД Белорусской ССР.

В 1936–1937 гг. работал начальником участка на строительстве канала Москва-Волга.

В 1937–1938 гг. выполнял специальные задания органов советской внешней разведки во время войны с фашистами в Испании. Затем был слушателем специальных курсов НКВД в Москве, работал помощником директора сельскохозяйственного института в Чкалове (ныне Оренбург). С марта 1941 по май 1942 г. находился в заграничной командировке по линии НКВД в Китае.

После возвращения в СССР — в 4-м управлении НКВД СССР. В октябре 1942 г. во главе десантной группы был направлен в тыл врага в район Беловежской пуши, участвовал в организации партизанских отрядов, возглавлял отряд особого назначения «Соколы», действовавший в Барановической обл. В феврале 1943 г. во время операции по уничтожению зам. фашистского гауляйтера Белоруссии Ф. Фенса тяжело ранен (оторвало правую руку). После лечения по декабрь 1944 г. работал в НКГБ БССР, затем вышел в отставку по состоянию здоровья.

В 1944–1945 гг. — председатель колхоза «Рассвет» в с. Мышковичи Могилевской обл. Белоруссии.

Делегат XX, XXII и XXIII съездов КПСС. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1956–1961 гг. Депутат Верховного Совета СССР с 1950 г.

Герой Советского Союза (1943), Герой Социалистического Труда (1965). Награжден 5 орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени БССР (1932), медалями.

Петерс Екаб (Яков Христофорович) (1886–1938). Родился в Латвии в крестьянской семье. В 1904 г. вступил в Латышскую СДРП, стаж в Российской коммунистической партии с 1904 г. Работал в подполье. Активный участник революции 1905–1907 гг. В 1909 г. эмигрировал в Гамбург, а оттуда в Лондон, где состоял в Коммунистическом клубе и Британской социалистической партии.

В декабре 1910 г. был арестован лондонской полицией по обвинению в соучастии в

вооруженных ограблениях и убийстве трех полицейских. Во время пребывания Петерса в предварительном заключении (Брикстонская тюрьма) в январе 1911 г. был убит во время штурма полицейскими дома на Сидней-стрит оказавший вооруженное сопротивление основной подозреваемый, двоюродный брат Петерса анархист Фриц Думниек (в штурме также участвовали солдаты стрелкового шотландского батальона, применялись пулеметы и артиллерийские орудия, операцией лично руководил Уинстон Черчилль, в то время министр внутренних дел).

В мае 1911 г. Петерс вместе с другими латышскими эмигрантами предстал перед судом, которым и был оправдан.

В мае 1917 года вернулся в Россию. Во время Октябрьской революции 1917 г. — член Петроградского ВРК (с 29 октября). Делегат. I. Всероссийского съезда Советов, избран членом ВЦИК.

7(20) декабря 1917 г. при организации ВЧК утвержден членом Коллегии, помощником председателя и казначеем ВЧК. В апреле 1918 вместе с Держинским в Москве возглавил операцию по ликвидации вооруженных анархистских отрядов, в том же месяце был избран первым в истории ВЧК секретарем парторганизации. Тогда же он руководил ликвидацией «Союза защиты родины и свободы» Б. Савинкова в Москве и Казани.

6 июля 1918 г. во время вооруженного выступления левых эсеров Петерс вместе с членами коллегии ВЧК В. В. Фоминым и И. Н. Полукаровым заменил охрану V Всероссийского съезда Советов в Большом театре на более надежных латышских стрелков. 7 июля, уже после подавления мятежа и заявления Держинского об отставке, Петерс постановлением Совнаркома был назначен временным председателем ВЧК. 22 августа после возвращения Держинского Петерс был утвержден его заместителем. В этом качестве он руководил следствием по делу Фанни Каплан, стрелявшей в Ленина, и операцией по т. н. «заговору послов», включая аресты и следствие.

27 марта 1919 г. Петерс был утвержден Совнаркомом членом Коллегии ВЧК нового состава. Но на посту зампреда ВЧК его сменил И. К. Ксенофонтов. Петерс стал работать в Московском ревтрибунале и возглавил штаб по борьбе с контрреволюцией в Москве.

В мае того же года был направлен в Петроград чрезвычайным комиссаром города и прифронтовой полосы «по очистке города от контрреволюционных банд» (с мандатом от Совета обороны РСФСР) и по предложению Комитета обороны Петрограда назначен начальником штаба внутренней обороны (затем начальником внутренней обороны) города. Вместе со Сталиным (уполномоченным ЦК и Совета обороны) руководил подавлением мятежа на форте «Красная Горка».

В августе 1919 г. Петерс был назначен комендантом Киевского укрепрайона и начальником гарнизона, до оставления города Красной Армией.

В октябре того же года Петерс — в Туле, член военного совета укрепрайона. В январе 1920 г. — полпред ВЧК на Северном Кавказе, с июля 1920 г. полпред ВЧК в Туркестане, руководил операциями против антибольшевистских банд Дутова, Анненкова, Энвер-паши.

В феврале 1922 Петерс был отозван в Москву и назначен членом Коллегии и начальником Восточного отдела ГПУ. Работая в Восточном отделе, Петерс в 1925 году был главным инспектором погранвойск ОГПУ. К 10-летию ВЧК в декабре 1927 он был награжден орденом Красного Знамени.

31 октября 1929 г. Я. Х. Петерс был освобожден от обязанностей члена Коллегии и начальника Восточного отдела ОГПУ. С 1930 г. был членом Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б). В 1930–1934 гг. — председатель Московской контрольной комиссии ВКП(б).

Арестован 26 ноября 1937 г. 25 апреля 1938 по обвинению в участии в контрреволюционной организации осужден ВК ВС СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

После проверки, проведенной Главной военной прокуратурой (был допрошен находившийся в то время в тюрьме Н. И. Эйтингон, о котором Петерс дал показания как об

английском шпионе) Петерс был реабилитирован 3 марта 1956 г. ВК ВС СССР.

Прокопюк Николай Архипович (1902–1975). Полковник (1948). Родился в с. Самчики Каменец-Подольской губ. (ныне Хмельницкой обл.) в семье плотника. После окончания церковно-приходской школы батрачил у помещика. В 1916 г. экстерном сдал экзамены за 6 классов гимназии.

После Октябрьской революции работал на заводе слесарем, токарем. В 1918 г. состоял в вооруженной дружине завода. В 1917–1918 гг. и 1919–1920 гг. по болезни на иждивении родителей. В 1920 г. вступил в Красную Армию, воевал с деникинцами и на польском фронте в составе 8-й дивизии Червоного казачества. В 1920–1921 гг. работал в Решневцеком и Купельском волостных военкоматах в Каменец-Подольской губ.

В 1921 г. направлен на работу в органы госбезопасности — сотрудник Старо-Константиновского политбюро ЧК/уездного отделения ГПУ (зав. столом финансовых документов, делопроизводитель политчасти, секретарь секретно-оперативной части, шифровальщик), Шепетовского окружного отделения ГПУ (информатор по уезду, уполномоченный по борьбе с бандитизмом). Принимал участие в ликвидации диверсионно-террористических групп, засылаемых польской разведкой на советскую территорию. В 1924–1930 гг. служил в 20-м Славутском (уполномоченный ИНО), затем в 24-м Могилев-Подольском погранотрядах. В 1930–1940 гг. служил в Особом отделе Украинского военного округа / Особом отделе У ГБ НКВД УССР в должности пом. начальника и начальника отделения. В мае 1937 г. после поданного им рапорта был направлен помощником резидента ИНО ГУ ГБ НКВД в Барселону (Испания). Был советником и командиром партизанского отряда на Южном фронте, старшим советником 14-го корпуса республиканской армии.

По возвращении в Советский Союз в ноябре 1938 г. по ложному доносу был понижен в должности. В мае 1940 г. уволен в запас, в августе того же года зачислен в резерв НКВД с прикомандированием к 5-му отделу ГУГБ НКВД. Перед Великой Отечественной войной, с октября 1940 по июнь 1941 г., находился на оперативной работе в Хельсинки (Финляндия) под прикрытием должности сотрудника хозяйственной группы полпредства СССР в Финляндии.

В конце лета 1941 г. по рекомендации бывшего резидента в Финляндии Е. Т. Синицына был направлен в Особую фуппу НКВД СССР. С сентября 1941 г. командир 4-го батальона 2-го полка ОМСБОН. В ноябре 1941-январе 1942 г. — старший оперуполномоченный 16-го отделения 2-го отдела НКВД СССР. С января 1942 г. — начальник отделения 4-го управления НКВД СССР. Одновременно руководил опергруппой Особого отдела Юго-Западного фронта. В июле 1942 г. принят кандидатом в члены ВКП(б). В августе 1942 г. заброшен в тыл фашистов во главе оперативной группы «Охотники» 4-го управления НКВД, на базе которой создал партизанское соединение, действовавшее на территории Украины, Польши, Чехословакии. Соединение провело 23 крупных боевых операции, уничтожило 21 эшелон с живой силой и техникой противника, 38 немецких танков, захватило большое количество оружия и боеприпасов. На основе разведанных отряда советская авиация совершила ряд успешных воздушных налетов на военные объекты врага.

В 1944 г. соединение и действующие вместе с ним партизанские отряды попали в окружение. Прокопюк принял командование на себя. В ходе продолжительных ожесточенных боев партизаны прорвали кольцо окружения, нанеся противнику серьезный урон. Под командованием Прокопюка отряды прошли с боями более 300 км.

В июне 1944 г. он руководил действиями советских и польских партизан в Яновских лесах (южнее г. Люблина, Польша). В конце сентября 1944 г. соединение захватило Русский перевал в Восточных Карпатах и удерживало его до подхода войск 4-го Украинского фронта.

В ноябре 1944 г. Прокопюк был принят в члены ВКП(б).

С декабря 1944 по июль 1946 г. — зам. начальника отдела спецзаданий НКВД/МВД СССР, в декабре 1944-декабре 1945 гг. в спецкомандировке в Китае, участвовал в национально-освободительной войне китайского народа. При его участии сформированы разведывательно-диверсионные группы, которые оказали успешное сопротивление

поднявшим мятеж в провинции Синьцзян уйгурским сепаратистам, финансируемым и снабжаемым оружием правительством Чан Кайши.

После возвращения из Китая возглавлял отдел внутренних дел управления Советской военной администрации в Германии земли Саксония (Дрезден), участвовал в ряде специальных операций. В 1948–1950 гг, работал в Главном управлении по борьбе с бандитизмом МВД СССР (в мае-июне 1948 г. — в июне 1948-августе 1950 гг. — дела).

В 1950 г. в звании полковника был уволен в запас по состоянию здоровья, с 1961 г. — персональный пенсионер союзного значения.

Герой Советского Союза (1944). Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями, именным оружием, восемью иностранными орденами (ПНР и ЧССР).

Рабцевич Александр Маркович (14.03.1897–11.04.1961). Полковник.

Родился в деревне Лозовая Буда Бобруйского уезда Минской губернии в крестьянской семье.

В 1916 г. призван в армию. Рядовой, затем унтер-офицер.

В 1918 г. — партизан отряда, действовавшего в Бобруйском уезде против корпуса Довбор-Мусницкого и немецких оккупантов. С конца 1918 г. — в РККА. В октябре-ноябре 1919 г. воевал на Петроградском фронте. В 1920 г. окончил Школу комсостава РККА.

В 1921–1924 гг. участвовал в партизанском движении в Западной Белоруссии по линии «активной разведки».

С 1925 г. А. М. Рабцевич работает в органах ОГПУ.

Во время гражданской войны в Испании командовал разведотрядом 18-й бригады Республиканской армии. За успешное проведение специальных операций и руководство деятельностью боевой группы награжден орденом Красной Звезды.

После возвращения из Испании в 1938 г. работал в Минске в НКВД БССР. В 1939 г. вступил в ВКП(б).

После начала Великой Отечественной войны А. М. Рабцевич с июня 1941 г. — командир роты, а затем — командир батальона ОМСБОН НКВД СССР.

С июля 1942 г. и до полного освобождения Белоруссии — командир партизанского отряда особого назначения «Храбрецы». Под непосредственным руководством А. М. Рабцевича отряд провел ряд крупных операций в Могилевской, Полесской и Пинской областях по дезорганизации коммуникаций противника и уничтожению его живой силы и техники, вел детальную разведку военных объектов немецкой армии. В частности, бойцам отряда удалось добыть данные о строительстве оборонительных рубежей, расположении складов, аэродромов и функционировании железнодорожных коммуникаций по Витебской, Могилевской и Гомельской областям.

В 1945–1952 гг. А. М. Рабцевич работал в органах МГБ БССР.

Герой Советского Союза (5.11.1944). Награжден орденами Ленина (1944), Красной Звезды (1937), Отечественной войны 2-й степени (1943), медалями.

Салнынь Христофор Интович (Христофор Фогель, Христофор Лауберг, «Гришка», «Осип», Виктор Хугос) (25.08.1885–8.05.1939).

Бригадный комиссар (13.12.1935).

Родился в г. Риге в семье рабочего; латыш. В 1900 г. окончил двухклассную народную школу. Член РСДРП с 1902 г. Активный участник революции 1905–1907 гг; боевик. Участвовал в организации крупных выступлений боевиков в Прибалтике, в частности, в освобождении «смертников» Лациса и Слессара из Рижской тюрьмы, боевиков Люттера, Калныня и др. из Рижского сыскного отделения. Трижды арестовывался, каждый раз бежал из-под ареста.

С 1908 г. жил в Лондоне, содержал конспиративную квартиру, с 1912 г. — в США. В 1920 г. выехал на Дальний Восток, вступил во 2-ю Амурскую армию, затем занимался подпольной работой. После установления Советской власти находился в распоряжении штаба 5-й армии.

В 1920–1921 гг. находился в Шанхае под именем Христофор Фогель. В 1921 г. работал в Петрограде в разведотделе. В 1921–1923 гг. находился на Дальнем Востоке. В 1923 г. переправлен в Германию для работы по созданию замначальника 8-го отдела, замначальника 1-го от нелегальной боевой организации КПП занимался организацией «красных сотен» в Тюрингии и сети скрытых складов и баз оружия. В 1924 г. отправлен с транспортом оружия в Болгарию. Около 4 месяцев под псевдонимом «Осип» в составе отряда Янчева участвовал в партизанской борьбе с правительственными войсками на юге Болгарии.

В 1926–1929 гг. резидент в Китае под именем Христофора Лауберга, гражданина США. Участник событий на КВЖД, руководил диверсионной работой в тылу китайских войск.

В 1930 г. окончил Курсы усовершенствования начсостава по разведке. В 1930–1932 гг. находился в странах Центральной и Восточной Европы. С октября 1932 г. пом. начальника 4-го отдела штаба ОКДВА. В 1933–1935 гг. начальник 3-го сектора 4-го отдела штаба ОКДВА.

10 октября 1935 г. «за исключительно добросовестную работу при выполнении особо ответственных заданий» награжден золотыми часами. С 10 февраля 1935 г. пом. начальника разведотдела штаба ОКДВА. С февраля 1936 г. зам. начальника спецотделения «А» (активная разведка) Разведупра. В июне 1937-марте 1938 г. находился в Испании под именем Виктор Хугос, советник 14-го (партизанского) корпуса.

Арестован в Москве 20 апреля 1938 г., Военной коллегией Верховного суда СССР 14 марта 1939 г. по обвинению в «участии в контрреволюционной, диверсионной, террористической и шпионской организации» приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение 8 мая 1939 г. Реабилитирован в 1956 г.

Серебрянский Яков Исаакович (1892–1956). Полковник госбезопасности (1945). Родился в Минске в семье подмастерья часовщика. В 1908 г. окончил 4-классное городское училище. В 1907 г. примкнул к ученической организации эсеров-максималистов. В мае 1909 г. за хранение «переписки преступного содержания» и по подозрению в соучастии в убийстве начальника Минской тюрьмы был арестован. В 1909–1910 гг. находился в заключении, затем был административно выслан в Витебск.

С апреля 1910 г. работал электромонтером на Витебской электростанции.

В 1912 г. призван в армию, служил рядовым 122-го Тамбовского полка в Харькове. После начала Первой мировой войны рядовой 105-го Оренбургского полка на Западном фронте. С февраля 1915 г. — электромонтер на нефтепромыслах в Баку. После Февральской революции — активист эсеровской организации, член Бакинского совета, делегат от партии эсеров съезда Советов Северного Кавказа. С марта 1917 г. — сотрудник Бакинского продовольственного комитета. В марте 1918 г. — начальник отряда Бакинского совета по охране продовольственных грузов на Владикавказской железной дороге.

В этот период Серебрянский знакомится с видным эсером Я. Г. Блюмкиным, который привлек его к участию в Гилянской экспедиции (Иран). С июля 1919 г. Серебрянский — сотрудник Особого отдела Иранской Красной Армии в г. Решт (Иран).

После падения Гилянской республики выехал в Москву. В мае 1920 г. поступил на службу в центральный аппарат ВЧК; сотрудник Управления особых отделов ВЧК (секретарь Административно-организационного отдела). С августа 1921 г., после увольнения из ВЧК по демобилизации, работал в редакции газеты «Известия» в Москве.

В декабре 1921 г. Серебрянский был арестован ВЧК за принадлежность к партии эсеров, но освобожден из-под стражи. В 1922–1923 гг. работал в системе треста «Москвотоп».

В октябре 1923 г. вступил в кандидаты в члены ВКП(б).

В ноябре 1923 г., при содействии Блюмкина, был принят на должность особоуполномоченного Закордонной части ИНО ОГПУ и вскоре направлен на работу за рубеж. Вместе с Я. Блюмкиным выехал в Палестину, где в течение 2 лет действовал нелегально сначала в качестве помощника Блюмкина, а потом самостоятельно.

Перся отъездом Серсбрянского принял зам. председателя ОГПУ В. Р. Менжинским, напутствовавший его пожеланием делать за границей «все, что будет полезно для

революции». На Ближнем Востоке ему удалось надежно внедриться в подпольное сионистское движение, привлечь к сотрудничеству с ОГПУ большую группу иммигрантов-уроженцев России: А. Н. Ананьева (И. К. Кауфман), Ю. И. Волкова, Р. Л. Эске-Рачковского, Н. А. Захарова, А. Н. Турыжникова и других. Они и составили костяк боевой группы, известной позднее как «группа Яши». В 1924 г. к группе присоединилась жена Серебрянского Полина Натановна, которая, хотя официально и не работала в ИНО ОГПУ постоянно сопровождала его в зарубежных поездках.

В 1925–1928 гг. Серебрянский — нелегальный резидент ИНО ОГПУ в Бельгии и во Франции. В 1927 г. приезжал в Советский Союз, где успешно прошел партчистку и был принят в члены ВКП(б).

В апреле 1929 г. назначен начальником 1-го отделения ИНО ОГПУ (нелегальная разведка), одновременно оставаясь руководителем Особой группы («группа Яши») при председателе ОГПУ. Под этим названием действовало независимое от ИНО разведывательное подразделение, задачей которого являлось глубокое внедрение агентуры на объекты военно-стратегического характера на случай войны, а также проведение диверсионных и террористических операций.

Летом 1929 г. было принято решение о захвате и вывозе в Москву председателя Российского общевойскового союза (РОВС) генерала А. П. Кутепова, активизировавшего диверсионно-террористические действия на территории СССР. Вместе с зам. начальника КРО ОГПУ С. В. Пузицким Серебрянский выехал в Париж для руководства этой операцией. 26 января 1930 г. сотрудники «группы Яши» втолкнули Кутепова в автомобиль, сделали инъекцию морфия и доставили на борт советского парохода, стоявшего в порту Марселя. 30 марта 1930 г. за успешно проведенную операцию Серебрянский был награжден орденом Красного Знамени.

По завершении операции Серебрянский приступил к созданию автономной агентурной сети в различных странах для ведения разведывательной работы на случай войны. Был зачислен на особый учет ОГПУ. За границей лично завербован более 200 человек.

В 1931 г. был арестован в Румынии, но вскоре освобожден и продолжил нелегальную деятельность. В 1932 г. выезжал в США, в 1934 г. — в Париж. 13 июля 1934 г. был утвержден руководителем Спецгруппы особого назначения (СГОН) при НКВД СССР. В ноябре 1935 г. Серебрянскому было присвоено звание старшего майора госбезопасности.

В 1935–1936 гг. находился в командировке в Китае и Японии. После начала национально-освободительной войны в Испании занимался закупкой (частично нелегально) и поставкой оружия для республиканцев. Так, в сентябре 1936 г. сотрудники Спецгруппы закупили у французской фирмы «Девуатин» 12 военных самолетов, которые доставили на приграничный с Испанией аэродром, откуда их под предлогом летных испытаний перегнали в Барселону. За эту операцию Серебрянский был награжден орденом Ленина.

В ноябре 1936 г. нелегалам СГОН с помощью агента М. Зборовского («Тюльпан»), внедренного в окружение сына Троцкого Л. Л. Седова, удалось захватить часть архива Международного секретариата троцкистов. Несколько ящиков с документами были переданы легальному резиденту ИНО в Париже Г. Н. Косенко (Кислову), и переправлены в Москву.

В 1937 г. Л. Л. Седов («Сынок») по указанию отца приступил к подготовке съезда IV Интернационала, который должен был состояться летом 1938 г. в Париже. В связи с этим Центр принял решение о похищении Седова. Проведение операции было поручено группе Серебрянского. План похищения «Сынка» был детально проработан. В подготовке операции участвовало 7 сотрудников Спецгруппы, в т. ч. и жена Серебрянского. Однако похищение Седова не состоялось — в феврале 1938 г. он умер после операции по удалению аппендицита.

Летом 1938 г. Серебрянский был отозван из Франции, а 10 ноября вместе с женой арестован в Москве у трапа самолета на основании ордера, подписанного Л. П. Берия. До февраля 1939 г. содержался под стражей без санкции прокурора. В ходе следствия, которое

вел будущий министр МГБ В. С. Абакумов, а на более поздней стадии следователи С. Р. Мильштейн и П. И. Гудимович, Серебрянского подвергали т. н. «интенсивным методам допроса». По данным следственного дела, впервые был вызван на допрос 13 ноября 1938 г. На протоколе допроса имеется резолюция Берия:

«Гов. Абакумову! Хорошенько допросить!».

Именно после этого на допросе 16 ноября 1938 г., в котором участвовал сам Л. П. Берия, а также Б. З. Кобулов и В. С. Абакумов, Серебрянский был избит и принужден дать ложные показания. 25 января 1939 г. он был переведен в Лефортовскую тюрьму (на допросе в 1954 г. Серебрянский показал, что еще до суда, т. е. на предварительном следствии он отказался от показаний, в которых признавал себя виновным и оговорил других).

7 июля 1941 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Серебрянского, обвиненного в шпионаже в пользу Англии и Франции, связях с «заговорщиками» из НКВД во главе с Ягодой и подготовке терактов против советских руководителей, к высшей мере наказания, а его жену — к 10 годам лагерей «за недоносительство о враждебной деятельности мужа». Но приговор не был приведен в исполнение. Шла Великая Отечественная война, и разведке катастрофически не хватало опытных сотрудников. В августе 1941 г. благодаря ходатайству П. А. Судоплатова и вмешательству Л. П. Берия Серебрянский решением Президиума Верховного Совета СССР был амнистирован, восстановлен в органах НКВД и партии.

С 3 сентября 1941 г. Серебрянский — руководитель группы во 2-м отделе, с 18 января 1942 г. начальник группы, начальник 3-го отделения 4-го управления НКВД-НКГБ СССР. С ноября 1943 г. — в особом резерве 4-го управления НКГБ СССР на должности руководителя группы. Сотрудником этого управления Серебрянский состоял все военные годы, лично участвуя во многих разведывательных операциях, руководил разведывательно-диверсионной работой в Западной и Восточной Европе.

В качестве примера можно назвать вербовку взятого в плен немецкого адмирала Эриха Редера.

В мае 1946 г. вышел на пенсию по состоянию здоровья. Просил уволить в отставку, однако Управление кадров МГБ формулировку не изменило.

В мае 1953 г. приглашен П. А. Судоплатовым на работу в центральный аппарат МВД на должность оперативного работника негласного штата 9-го (Разведывательно-диверсионного) отдела. С июня 1953 г. — сотрудник ВГУ МВД СССР.

В июле 1953 г. уволен из МВД в запас Министерства обороны. 8 октября 1953 г. арестован. В декабре 1954 г. было отменено решение об амнистии от августа 1941 г.

В связи с тем, что по уголовному делу, возбужденному в 1953 г., достаточных доказательств вины Серебрянского как участника заговорщической деятельности Берии добыто не было, а его осуждение в 1941 г. было признано Прокуратурой СССР обоснованным, дело 1941 г. было направлено в Верховный суд СССР с предложением заменить расстрел 25 годами лишения свободы. 30 марта 1956 г. Серебрянский скончался в Бутырской тюрьме на допросе у следователя Военной прокуратуры Цареградского.

В мае 1971 г. решением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор от июля 1941 г. был отменен и дело прекращено. Посмертно реабилитирован. В апреле 1996 г. Указом Президента РФ был восстановлен в правах на изъятые при аресте государственные награды.

Награжден 2 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, медалями, 2 знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ», именованным орденом.

Судоплатов Павел Анатольевич (псевд. Андрей, П. Матвеев, Анатолий Андреев) (1907–1996). Руководитель внешней разведки в 1938 г. Генерал-лейтенант (1945). Родился в г. Мелитополе в семье мельника. В 1914–1919 гг. учился в школе. В июне 1919 г. ушел вместе с оставляющими город частями Красной Армии, был воспитанником полка. После

разгрома полка с уцелевшими бойцами дошел до Никополя, где вступил во вновь сформированный 1-й ударный Мелитопольский полк 5-й Заднепровской дивизии Красной Армии. Полк был разбит войсками генерала Шкуро. Судоплатов попал в плен, бежал, отступая с частями Красной Армии, оказался в занятой белыми Одессе. Беспризорничал, подрабатывал в порту и на базаре. После освобождения Одессы в начале 1920 г. вновь вступил в Красную Армию. Участвовал в боях на Украине и на Польском фронте. В дальнейшем был сотрудником Особого отдела 44-й дивизии, затем Волынского губернского отдела ГПУ в г. Житомире. С 1922 г. в погранвойсках ОГПУ. С сентября 1923 г. на комсомольской работе в Мелитополе.

В феврале 1925 г. по направлению окружкома комсомола был принят на работу в Мелитопольский окружной отдел ГПУ сотрудником информационного отделения, помощник уполномоченного учетно-статистического отдела, младший оперативный работник, ведал агентурной работой в греческом, болгарском и немецком поселениях. С августа 1928 г. уполномоченный секретно-политического отдела Харьковского окружного отдела, уполномоченный информационного отдела ГПУ УССР в Харькове. Одновременно в 1928–1930 г. заочно учился на рабфаке. В 1928 г. вступил в ВКП(б).

В феврале 1932 г. переведен в центральный аппарат ОГПУ. Инспектор, старший инспектор 1-го отделения Отдела кадров ОГПУ, курировал кадры ИНО. С 1933 г. в аппарате ИНО ОГПУ, оперуполномоченный 5-го, затем 8-го отделений. С октября 1933 г. в резерве Отдела кадров ОГПУ в связи со специальной командировкой за рубеж. По возвращении в СССР с ноября 1934 г. оперуполномоченный 7-го отделения ИНО ГУГБ НКВД.

В 1935 г. под видом представителя украинского антисоветского подполья под псевд. «Андрей» внедрен в руководство ОУН в Берлине. Учился в специальной партийной школе НСДАП в Лейпциге. Завоевал доверие лидера ОУН полковника Е. Коновальца, вошел в его ближайшее окружение и сопровождал в инспекционных поездках в Париж и Вену. В 1937–1938 гг. «Андрей» выезжал нелегальным курьером в ряд стран Западной Европы под прикрытием должности радиста грузового судна. 23 августа 1938 г. по личному поручению И. В. Сталина осуществил в Роттердаме (Нидерланды) ликвидацию Е. Коновальца, передав ему коробку конфет с заложенной в нее бомбой.

По возвращении в СССР оперуполномоченный ИНО, затем помощник начальника отделения 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР, и.о. помощника начальника 4-го (испанского) отделения 5-го отдела ГУГБ. В ноябре-декабре 1938 г. после ареста З. И. Пассова и С. М. Шпигельглаза исполнял обязанности начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД.

В конце декабря 1938 г. был отстранен от работы и исключен первичной парторганизацией отдела из ВКП(б) за «связь с врагами народа». Благодаря вмешательству руководства НКВД решение не было утверждено парткомом наркомата.

В январе 1939 г. Судоплатов — зам. начальника 4-го отделения. С мая 1939 г. зам. начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Руководил подготовкой операции «Утка» (ликвидация Л. Д. Троцкого), осуществленной 20 августа 1940 г. в Мексике Л. А. Эйтингоном и Р. Меркадером. С февраля 1941 г. зам. начальника 1-го (разведывательного) управления НКГБ СССР. С июля начальник Особой группы при наркомате внутренних дел СССР, с октября 1941 г. — 2-го отдела НКВД СССР. Одновременно с ноября 1941 по июнь 1942 г. зам. начальника 1-го управления НКВД.

С января 1942 г. начальник 4-го управления НКВД СССР, созданного на базе 2-го отдела. Руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в ближнем и дальнем тылу противника, координировал работу агентурной сети на территории Германии и стран ее союзников, с ноября 1942 г. по совместительству зам. начальника 1-го управления НКВД СССР. С мая 1943 г. начальник 4-го управления НКГБ СССР.

С февраля 1944 г. начальник группы «С» при наркомате внутренних дел СССР, руководил переводом и обобщением агентурных материалов по атомной проблеме. Одновременно с мая по август 1945 г. начальник отдела «Ф» НКВД СССР (работа на территории стран, освобожденных Красной Армией от противника, сбор информации от

граждан СССР, побывавших в плену или интернированных в странах Европы). В 1945–1947 гг. под именем П. Матвеева и прикрытием должности советника НКВД/ МИД участвовал в подготовке и проведении конфиденциальных переговоров наркома/министра иностранных дел СССР В. М. Молотова с чрезвычайным и полномочным послом США в СССР А. Гарриманом.

С сентября 1945 г. начальник созданного на базе группы «С» самостоятельного отдела «С» НКВД-НКГБ СССР и одновременно начальник Объединенного разведывательного бюро Специального комитета при СНК-СМ СССР по проблеме № 1 (создание атомного оружия): координировал обеспечение разведывательными материалами руководителей и ведущих ученых советского ядерного проекта; по совместительству начальник отдела «К» НКГБ СССР, в обязанности которого входило оперативное обслуживание атомных специальных объектов, а также начальник Особого бюро — информационно-аналитической службы при наркомате внутренних дел, позднее подчинявшейся министру госбезопасности СССР. После образования в марте 1946 г. МГБ СССР совмещал должности руководителя 4-го управления и отдела «С».

В феврале 1947 г. возглавил отдел «ДР» (диверсионная работа против военно-стратегических баз США и НАТО, расположенных вокруг СССР). 9 сентября 1950 г. утвержден начальником Бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей, созданного на базе Спецслужбы МГБ СССР, с 1951 г. возглавлял это Бюро на правах начальника управления. Окончил Военно-юридическую академию (1953).

После смерти И. В. Сталина был назначен зам. начальника ПГУ (контрразведка) МВД СССР. С мая 1953 начальник 9-го (разведывательно-диверсионного) отдела МВД СССР. После ареста Л. П. Берия и расформирования 9-го отдела 31 июля 1953 г. переведен во ВГУ (разведка) МВД СССР на должность начальника отдела. Однако 20 августа был уволен «за невозможностью дальнейшего использования» и на следующий день арестован в своем кабинете по обвинению в участии в заговоре Берии, имевшем целью «уничтожение членов советского правительства и реставрацию капитализма». До 1958 г. находился под следствием. Виновным себя не признал.

12 сентября 1958 г. на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР было рассмотрено дело по обвинению Судоплатова в перечисленных выше преступлениях. Он был приговорен к тюремному заключению на 15 лет. 17 октября лишен воинского звания и наград. Отбывал наказание во Владимирской тюрьме, где тяжело заболел, перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы.

В августе 1968 г. был освобожден. Занимался литературной деятельностью. Под псевд. «Анатолий Андреев» опубликовал три книги, активно участвовал в ветеранском движении.

В соавторстве с сыном Анатолием Павловичем Судоплатовым опубликовал книгу воспоминаний, вышедшую на английском, немецком, русском и других языках, ставшую международным бестселлером. В 1997 г. посмертно вышла в свет его последняя книга — «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950».

Награжден орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, 2 орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени (1945), медалями, знаком «Заслуженный работник НКВД». Более 20 лет боролся за восстановление своего доброго имени. В феврале 1992 г. в соответствии с Законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» был реабилитирован Главной военной прокуратурой РФ. В 1998 г. указом Президента РФ посмертно восстановлен в правах на государственные награды; ордена и медали возвращены его семье.

Сыроежкин Григорий Сергеевич (1900–1939). Майор госбезопасности (1936). Родился в с. Волкове Балашовского уезда Саратовской губ. в крестьянской семье. В 1905 г. вместе с семьей жил в Тифлисе. Отец служил каптенармусом в Тифлисском военном гарнизоне.

В 1915 г. добровольцем вступил в армию, однако, как несовершеннолетний, был возвращен домой. Увлекался спортом и цирком: изучал искусство фокусника, джигитовку,

был учеником знаменитых русских борцов И. Поддубного и И. Заикина, однако был вынужден отказаться от цирковой карьеры из-за травмы. Работал письмоводителем в управлении Закавказской железной дороги. Экстерном сдал экзамен за 4 класса гимназии.

В 1918 г. вступил добровольцем в Красную Армию, воевал на Южном фронте в 6-й дивизии Киквидзе, служил комендантом в ревтрибунале 9-й армии. Член Коммунистической партии с 1919 г.

Весной 1920 г. откомандирован в Новочеркасскую ЧК, затем направлен следователем в ревтрибунал Кавказского фронта. С августа 1921 г. — следователь Ревтрибунала Республики в Москве. Участвовал в подавлении антоновского мятежа на Тамбовщине и ликвидации банды Попова в Балашовском уезде Саратовской губ.

В сентябре 1921 г. переведен в Особый отдел ВЧК (с 1922 г. — контрразведывательный отдел ГПУ). Принимал активное участие в операции «Синдикат-2», задачей которой являлась ликвидация подпольной белогвардейской организации «Союз защиты Родины и свободы» и арест ее лидера Б. В. Савинкова. Под псевдонимом «Серебряков» дважды пересекал польскую границу в качестве курьера легендированной организации «Либеральные демократы». Участвовал в задержании эмиссара «Союза защиты» полковника Павловского. В сентябре 1925 г. участвовал в операции «Трест» по выводу в СССР и аресту английского разведчика С. Рейли. Действовал под фам. Щукина, боевика ранее разгромленной чекистами «Монархической организации Центральной России». Осенью 1925 г. переведен в полномочное представительство ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. В составе оперативно-разведывательного отряда участвовал в специальной операции Красной Армии по борьбе с бандитизмом в Чечне.

В 1928 г. был направлен в Якугию, где бывшие белогвардейцы готовили вооруженное восстание с целью отделения Якутии от СССР. Благодаря успешной контрразведывательной операции, проведенной Сыроежкиным и его группой, попытка мятежа была ликвидирована. Во время конфликта на КВЖД боролся с бандитизмом в Бурятии. В 1930–1931 гг. участвовал в подавлении контрреволюционных мятежей в Монголии. В 1932 г. направлен в Белоруссию, где руководил борьбой с подрывной деятельностью подпольных националистических организаций. За ликвидацию антисоветского «Союза освобождения Белоруссии» награжден золотыми часами.

С 1933 г. Сыроежкин работал в Ленинграде, участвовал в контрразведывательной операции по ликвидации шпионских и террористических групп, созданных немецкими спецслужбами и действовавших под прикрытием германских коммерческих представительств. При проведении оперативных мероприятий выезжал в Германию, Норвегию, Финляндию и Швецию для встреч с агентурой. В Финляндии поддерживал связь с одним из бывших руководителей Кронштадтского мятежа С. М. Петриченко, который дал подробную информацию о военных приготовлениях на советско-финской границе.

В годы гражданской войны в Испании — старший военный советник 14-го корпуса республиканской армии, осуществлявшего разведывательно-диверсионные операции в тылу франкистов. Неоднократно лично участвовал в выполнении специальных заданий.

В конце 1938 г. отозван в Москву.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, именован оружием от Коллегии ОГПУ, золотыми часами.

8 февраля 1939 г. был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши и участии в контрреволюционной организации. 26 февраля приговорен Военной коллегией Верховного суда к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1958 г.

Шебеко (Журба) Иван Иванович (1896–1940). Родился в с. Смородинка в Белоруссии в крестьянской семье. В 1915 г. был призван на военную службу. В 1919 г. вступил в РКП(б).

Служил в Красной Армии. С мая 1919 г. ВЧК-НКВД.

Был уполномоченным ПП ОГПУ в Туркесреспублике.

В 1925 г. окончил восточный факультет Военной академии РККА, был направлен в распоряжение ОГПУ.

В 1925–1927 гг. секретарь консульства в Кобе (Япония), в 1927–1928 гг. вице-консул в Сеуле (Корея), в 1928–1930 гг. консул в Дайрене (Китай). В 1931–1932 гг. агент НКВД во Владивостоке. В 1933–1938 гг. — 2-й секретарь полпредства СССР в Японии — резидент ИНО НКВД.

27 марта 1939 г. был арестован. 2 февраля 1940 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

Шпигельглаз Сергей Михайлович (псевдоним Дуглас) (1897–1940). Руководитель внешней разведки в 1938 г. Майор госбезопасности. Родился в м. Мосты Гродненской губ. в семье бухгалтера. Окончил реальное училище в Варшаве, учился на юридическом факультете Московского университета. Владел польским, немецким и французским языками. Участвовал в революционном движении, арестовывался полицией. В мае 1917 г. с 3-го курса университета был призван в армию; окончил школу прапорщиков в Петрограде, служил в 42-м запасном полку.

С апреля 1918 г. зав. финансовой частью Московского губернского военного комиссариата. С января 1919 г. работал в органах Военного контроля. После слияния Военного контроля с Военным отделом ВЧК начальник финансового отделения особого отдела ВЧК. В 1919 г. вступил в РКП(б). В качестве члена т. н. «экспедиции Кедрова» выезжал с оперативными группами в города и районы Юга, Запада и Центра России, участвовал в карательных акциях, подавлении контрреволюционных заговоров и мятежей, в разработках подозреваемых в принадлежности к контрреволюционным организациям лиц. С 1921 г. в ЧК Белоруссии.

С января 1922 г. уполномоченный 6-го отдела КРО ГПУ, затем ИНО ОГПУ. В 1922 г. находился в спецкомандировке в Монголии, участвовал в пресечении деятельности белогвардейских бандформирований в этой стране; по агентурным каналам информировал Центр об обстановке в Монголии, о стратегических планах Японии и милитаристских кругов Китая на Дальнем Востоке. По возвращении в СССР работал во внешней разведке. С июня 1935 г. помощник начальника ИНО ОГПУ — ГУГБ НКВД СССР, с декабря 1936 г. зам. начальника 7-го отдела ГУГБ НКВД. Неоднократно выполнял спецзадания за рубежом (в Китае, Германии, Франции). Так, под прикрытием владельца рыбной лавки, возглавлял нелегальную разведывательную сеть в Париже. В декабре 1937 г. под псевд. «Дуглас» руководил похищением председателя РОВС генерала Е. К. Миллера, организовал вывод из Франции в Испанию агента ИНО в РОВС генерала Н. В. Скоблина. Активно работал против ОУН. Под непосредственным руководством Шпигельглаза были добыты секретные материалы германского Генштаба (т. н. «Завещание Секта»), раскрывающие военную доктрину Германии в отношении СССР. Во время гражданской войны в Испании оказывал оперативную помощь резидентуре, руководил спецоперациями разведывательно-диверсионных «летучих отрядов» в тылу франкистов. После смерти А. А. Слуцкого с февраля 1938 г. временно исполнял обязанности начальника 7-го отдела ГУГБ НКВД. С марта 1938 г. зам. начальника 5-го отдела 1-го управления НКВД, с сентября — 5-го отдела ГУГБ НКВД. Одновременно преподавал в ШОН ГУГБ НКВД СССР.

Арестован 2 ноября 1938 г. Приговорен Военной коллегией Верховного суда к высшей мере наказания за «измену Родине, участие в заговорщической деятельности, шпионаж и связь с врагами народа».

29 января 1940 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

Штейнберг Матус (Матвей) Азарьевич (1904 г. смерти неизв.). Капитан госбезопасности (1935). Родился в Бессарабии в семье приказчика. Окончил коммерческое училище, школу поллитграмоты. С 1923 г. жил в Бельгии, чернорабочий на металлическом заводе. В 1924 г. вступил в КП Бельгии. Выслан во Францию, работал полировщиком на деревообделочном заводе. Состоял во французской компартии. В 1926 г. с помощью советского постпредства во Франции вернулся в СССР. С 1927 г. кандидат в члены ВКП(б),

служил в Красной Армии.

В 1928 г. был принят на работу в ИНО ОГПУ. Выполнял задания во Франции и Маньчжурии, был руководителем нелегальной резидентуры, затем в Швейцарии. По некоторым данным, работал также в Испании.

В октябре 1938 г. отказался выполнить приказ о возвращении в Советский Союз ввиду опасения ареста.

В 1943 г., находясь за границей, установил контакт с советской разведкой. В 1956 г. выслан из Швейцарии и вернулся в СССР. Был арестован, в марте 1957 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда к 10 годам заключения (отбывал во Владимирской тюрьме). Был освобожден в 1966 г. Жил в Москве.

Литература

- Агабеков Г. Секретный террор. М., 1996.
- Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля (Биографические очерки о разведчиках). М., 2000.
- Аптекарь П. Неизвестная республика //Родина, 1998. № 7.
- Ваупшасов С. На тревожных перекрестках. Записки чекиста. М., 1974.
- Винаров И. Бойцы тихого фронта. София, 1987 (на рус. яз.).
- Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997.
- Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: спецоперации советской разведки. М., 2000.
- Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. М., 2001.
- Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти т. Т. 2: 1917–1933. М., 1995.
- Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти томах. Т. 3: 1933–1941. М., 1997.
- Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти томах. Т. 4: 1941–1945. М., 1999.
- Папоров Ю. По следу призрака Троцкого. — ЛГ-досье. 1994. № 8.
- Петров П., Скоркин К. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М., 1999.
- Смирнов. Н. Г. Репрессированное правосудие. М., 2001.
- Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1997.
- Тайна Зои Воскресенской: Воскресенская З. Теперь я могу сказать правду. //Шарапов Э. Две жизни. М., 1998.
- Хенкин К. Охотник вверх ногами. М., 1991.
- Царев О., Костер Д. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М., 1995.

